

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск 43

**Москва
2011**

УДК 81
ББК 81
Я410

*Печатается в соответствии с решением редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

Рецензенты:

доктор филологических и доктор педагогических наук, профессор *Ю.Е. Прохоров*,
доктор педагогических наук, профессор *В.В. Молчановский*
доктор филологических наук, профессор *А.А. Лунгарт*

Электронные версии (.pdf) всех опубликованных выпусков доступны на
http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_index.html

Представляя рукопись в редколлегию, авторы тем самым выражают согласие с их без-
гонорарным опубликованием в сборнике "Язык, сознание, коммуникация" в печатном
и/или электронном виде

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред.
Я410 В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2011. –
Вып. 43. – 110 с.

ISBN 978-5-317-04050-5

Сборник содержит статьи, рассматривающие различные пробле-
мы коммуникации как в свете лингвокогнитивного подхода, так и в со-
поставительном аспекте, а также наиболее актуальные проблемы лин-
гводидактики. Особое внимание уделяется национальной специфике
общения, проявляющейся в особенностях ассоциативных рядов, кон-
нотативного потенциала и восприятия художественных текстов.

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподава-
телей, научных сотрудников.

Выпуски 1 и 2 опубликованы в 1997 г., выпуски 3, 4, 5, 6 –
в 1998 г., выпуски 7, 8, 9, 10 – в 1999 г., выпуски 11, 12, 13, 14, 15 –
в 2000 г., выпуски 16, 17, 18, 19, 20 – в 2001 г., выпуски 21, 22 –
в 2002 г., выпуски 23, 24, 25 – в 2003 г., выпуски 26, 27, 28 – в 2004 г.,
выпуски 29, 30, 31 – в 2005 г., выпуски 32, 33 – в 2006 г., выпуски 34,
35 – в 2007 г., выпуск 36 – в 2008 г., выпуски 37, 38, 39 – в 2009 г., вы-
пуски 40, 41 – в 2010 г., выпуск 42 – в 2011 г.

УДК 81
ББК 81
Я410

ISBN 978-5-317-04050-5

© Авторы статей, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

Юдова Ю.Ю. Что такое черногорский язык? 4

Филимонова Е.Н. Корейские чины и чиновничество в русских
текстах (на материале переводов с корейского) 10

ЛИНГВИСТИКА

Сухорукова Н.И. Прямолинейность и категоричность высказывания
как проявление коммуникативной категории авторитетности (на
материале аутентичных англоязычных финансово-аналитических
комментариев) 28

Кобелева Е.В. Языковые средства создания образа английского
чудака (на материале произведения П.Г. Вудхауса «Положитесь
на Псмиа») 38

ЛИНГВОСТИЛИСТИКА

Бурмистрова М.А. Стиль проповедей Джона Донна 53

Изотова А.А. Аллегии и метафоры в романе В. Вульф «Волны» 64

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Филиппова М.М. Философия преподавания (субъективный
взгляд) 73

Бурмистрова М.А. Преподавание английского языка студентам
отделения «Русский язык как иностранный»: Программа 82

Изотов А.И. Программа по сравнительно-исторической
грамматике славянских языков для студентов русского и
славянского отделений филологического факультета 101

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

Что такое черногорский язык?

© кандидат филологических наук Ю.Ю. Юдова, 2011

В 2011 году отмечается значительная историческая дата – 300-летие установления дипломатических отношений между Россией и Черногорией. В 1711 году в Черногорию прибыл русский эмиссар М. Милорадович (серб по происхождению) с посланием от российского императора Петра Первого с предложением совместно участвовать в борьбе против общего врага – Османской империи. Русский посланник обещал правившему тогда в Черногории владыке Даниле Негошу также и материальную помощь. Эта дата признана датой начала дипломатических, а также дружественных отношений, которые тесно связывают наши страны до сих пор. Интерес к Черногории как к союзнику России на Балканах всегда был велик и остается таковым до сих пор. Помимо геополитических и экономических моментов русских людей всегда интересовала культура братского славянского народа и как одно из ее составляющих – язык.

В 2006 году по результатам всенародного референдума Черногория отделилась от государственного союза Сербии и Черногории и обрела самостоятельность. 19 октября 2007 года парламент страны принял новую конституцию, согласно которой официальным языком Черногории стал черногорский. До этого таким языком был сербский (еще раньше сербохорватский). В настоящей работе мы попытаемся разобраться, что представляет собой новый язык и насколько правомерно говорить о нем как о самостоятельном. Вначале обратимся к истории вопроса.

В середине 19 века Черногория представляла собой княжество, состоящее из отдельных племен, проживающих на относительно небольшой территории и говорящих на близких диалектах. Литературный язык как таковой не существовал. Вот как описывает языковую ситуацию в то время известный русский исследователь Черногории П.А. Ровинский: «Язык, на котором говорят в Черногории, представляет собой особый говор южного сербского штокавского диалекта, в котором ять произносится как је, а не как и. Более всего похож на герцеговинский, но и от него отличается некоторыми особенностями. По этим характеристикам мы не найдем ничего такого, чего бы мы не нашли отдельно и в других говорах сербского языка» [Ровинский: 1994: 633]. Как известно, реформатор и основатель сербского литературного языка Вук Караджич взял за его основу именно восточногерцеговинские говоры штокавского

типа. Поэтому черногорский язык с его штокавской основой легко подвергся унификации. В 1863 году в учебных заведениях Черногории был введен сербохорватский алфавит (к этому моменту к реформе Вука Караджича присоединились также и хорваты), а язык, на котором говорили на большей части территории Черногории, назван сербохорватским.

В 1929 году известный сербский лингвист А.Белич в новых «Правилах правописания» назвал всех южнославянских «штокавцев» сербами и хорватами, подразумевая тем самым, что и черногорцы – сербы, говорящие на сербохорватском языке. Окончания указательных местоимений -i^jeh, -i^jema (ovⁱjeh, ovⁱjema), употребляющееся в некоторых черногорских говорах, признавались архаичными (в литературном языке должно быть ovih, ovim), и черногорский язык, следовательно, тоже архаичным и нелитературным. Против такого положения выступали некоторые черногорские ученые и, в частности, ярким поборником именно черногорского языка был профессор Философского университета города Никшича Воислав Никчевич. Впрочем, пока Черногория находилась в составе Социалистической Федеративной Республики Югославии, до войны на Балканах в 90-ых годах прошлого столетия голоса в защиту черногорского языка раздавались слабо. Ситуация коренным образом изменилась после распада Югославии. Началась цепная реакция: были проведены языковые реформы в Хорватии, Боснии и Герцеговине, в результате которых формально появились соответственно хорватский и бошняцкий языки, а затем этот процесс перешел и на Черногорию.

В 1997 году В. Никчевич издал Правила правописания черногорского языка. Аргументируя свою позицию о том, что это особый язык, автор опирался на следующие факты как лингвистического, так и социолингвистического характера. Поскольку существует черногорский народ, следовательно, должен существовать черногорский язык (из беседы Никчевича с сербским лингвистом М. Шчепановичем по радиомосту 5 апреля 1998 года). Черногорский язык отличается от сербского (и бывшего сербохорватского) фонологической системой: наличием так называемой иекавицы, то есть сочетания звуков [ije], [je] на месте бывшего «ять» (в сербском на этом месте звук [e]), особой системой ударения и наличием особых согласных. Этими особыми согласными являются йотированные s и z . То есть, по мнению Никчевича, в черногорском языке в словах типа djed, tjerati, sjekira, zjena j не произносится отдельно, а сливается с предшествующим согласным, это так называемая новая йотация. Но если для йотированных d и t в алфавите Вука Караджича есть буквы đ и ć, то и для йотированных s и z должны быть соответствующие буквы, то есть š и ž. Приведенные слова в соответствии с

«правильным» черногорским произношением будут писаться так: *đed, ćerati, šekira, žena*.

Еще одним аргументом В. Никчевича в пользу самостоятельного черногорского языка является то, что на нем писал великий черногорский поэт Петр Петрович Негош. Вершина его творчества – гениальная поэма «Горный венец» не могла быть написана на диалекте, а только на литературном языке (из упомянутой беседы Никчевича).

Противники выделения черногорского языка считают приведенные выше аргументы неубедительными. В таких странах, как США или Австрия, где живут соответственно американский и австрийский народы, говорят на английском и немецком языках, а не на американском и австрийском, хотя различия между языком, к примеру, американцев и англичан едва ли не большие, чем между языком сербов и черногорцев. Наличие двух типов произношения – экавского (сербского) и иекавского (черногорского) прежде считалось литературной нормой и не было достаточным основанием для выделения разных языков.

Слова типа *šekira, ćerati, žena* не являются общеупотребительными, их крайне мало (к примеру, в «Правилах правописания» 2009 года слов на *ž* всего 6) и они, как правило, принадлежат к областной лексике. Точно так же областными являются формы типа *ovijeh, tijeh* и *ovijeta, tijeta* с древними окончаниями *-ijeh, -ijeta* (В. Никчевич сам говорит, что эти формы до сих пор употребляются в деревнях). Что же касается П.П. Негоша, то в истории литературы можно найти примеры великих поэтов и писателей, создававших свои произведения на диалектах, но от этого они не переставали быть классиками национальных литератур. Ср. «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя, написанные с активным использованием элементов «малорусского наречия русского языка» (термин С.К.Булича и А.И.Соболевского), произведения сербского классика Бориса Станковича – носителя южносербского говора. Таким образом, речь идет о сознательных попытках Никчевича придать диалектным явлениям статус литературных.

Профессор филологического факультета Белградского университета В. Брборич, отвечая на вопросы по поводу вышедшей в 2010 году новой грамматики черногорского языка (авторы А. Чиргич, И. Пранькович, Й. Силич), говорит, что различия между сербской и черногорской грамматикой «могут быть только искусственные, придуманные и импровизированные» (из интервью белградской газете «Блиц» от 4.09.2010). Это политическое решение. Грамматическая структура языков одна и та же, лексические же различия существуют даже между языками отдельных городов. Парадоксом является то, что авторы грамматики – И. Пранькович, Й. Силич – не черногорцы, а хорватские лингвисты, а А. Чиргич защитил докторскую диссертацию в Загребе о говоре му-

сульман Подгорицы, то есть тоже вряд ли может считаться объективным и беспристрастным знатоком черногорского языка. Брборич также подчеркивает, что, когда в 1997 года вышли в свет «Правила правописания» Никчевича, никто не воспринял это событие всерьез – ни лингвисты, ни власти. И только когда Черногория через 10 лет обрела самостоятельность, вопрос о языке стал актуальным и стал быстро решаться.

В 2008 году правительство сформировало Совет по стандартизации черногорского языка. Спустя несколько месяцев и после неудачных попыток выработать единые «Правила правописания» черногорского языка было решено пригласить для этой цели «независимых» экспертов. Ими стали профессор университета в Новом Саде (Сербия) М. Перович (заметим, философ), профессора хорватского языка соответственно Загребского и Львовского университетов Й. Силич и Л. Васильева. Экспертная комиссия в составе названных ученых разработала новые «Правила правописания» и словарь черногорского языка, которые были изданы летом 2009 года. В 2010 году появились упомянутая выше «Грамматика» Чиргича, Праньковича и Силича, а также второе издание «Правил правописания». Главными отличительными особенностями черногорского языка называются следующие: наличие в алфавите двух дополнительных букв – š и ž, соответствующих звукам [ш] и [ж] (всего стало 32 буквы вместо 30-ти сербских) и закрепленная нормой допустимость дублетных форм типа *sjekira/šekira*, *zjena/žena*, *djeca/đeca*, *djed/đed*, *tjeskoba/ćeskoba*, *tjerati/ćerati* и др.

«Победоносное наступление» черногорского языка, несмотря на протесты общественности в стране, в настоящее время продолжается. В декабре 2010 года в Подгорице был издан перевод «Горного венца» на черногорский язык. Автор перевода Б. Миличич в ответ на вопрос журналиста газеты «Вечерне новости», имеет ли кто-то право менять слова и буквы, написанные великим поэтом, объяснил, что он всего лишь исправил орфографию произведения в соответствии с новыми правилами, так как уверен, что Негош не говорил “*sjedi*” или “*djesa*” (интервью 10 декабря 2010 г.).

В 2011 году в судах в Сербии должны появиться переводчики черногорского языка. В этом же году в школах повсеместно предмет «родной язык» станет называться «черногорский язык», и к сентябрю должны появиться учебники черногорского языка и литературы. В университете города Никшича уже существуют две разные кафедры – сербского и черногорского языков.

В сложном положении оказалась и кириллица – древнейший черногорский алфавит. Достаточно сказать, что до 20 века черногорцы писали только на кириллице. В настоящее время ее все больше вытесняет латиница. Так, государственная газета «Победа» с недавних пор выходит на

латинице, официальные документы правительства, бланки различных документов, в том числе, внутренних паспортов, сайты в Интернете также печатаются только на латинице. Против засилья латиницы активно выступает православная церковь. Священники призывают прекратить агрессивную пропаганду «новочерногорского» языка и последовательную политику уничтожения кириллицы. Об этом было заявлено на братском собрании священников и монахов Черногорского-приморской епархии Сербской православной церкви в г. Баре (из газеты «Вечерне новости» от 12 декабря 2010 г.).

Язык в любом обществе является признаком национальной самобытности и своеобразия. Во все времена процессы становления и укрепления наций сопровождались процессом формирования национального литературного языка. В странах с неоднородным этническим составом населения эти процессы обычно протекают более болезненно. В таких странах политикам, стоящим во главе страны, нужна большая мудрость, чтобы не допустить ситуации, когда язык становится инструментом в противоборстве двух народов, средством, способным еще более обострить это противоборство. Думается, что нынешнее черногорское руководство, стремясь как можно быстрее вступить в Европейский союз и достичь материального благоденствия, проводит политику, направленную на дистанцирование от Сербии, которая на Западе имеет негативный имидж и ассоциируется с войной 90-ых на Балканах, косовской проблемой и т.д. В соответствии с такой установкой проводится и языковая политика, целью которой является обособление черногорского языка от сербского. При этом открыто игнорируются интересы значительной части населения Черногории: согласно последней переписи населения 2003 года, сербы в Черногории составляют 32%, то есть треть всего населения. Представители просербских партий и движений говорят о культурном и в том числе языковом геноциде, вершащемся сейчас над сербами. Они бойкотировали принятие в парламенте Черногории нового закона об образовании, предусматривающего, в частности, повсеместное введение обучения на черногорском языке, назвав закон «грубым нарушением прав сербского населения и насилием над сербским языком» (из материалов прессы). Не устраивает сербов, проживающих в Черногории, и формулировка «национальное меньшинство», используемая по отношению к ним в упомянутом законе об образовании.

С изменением названия и изданием новых грамматик и «Правил правописания», содержащих незначительные новшества по сравнению с предыдущими, какой-либо язык вряд ли может стать новой лингвистической реальностью. На примере республик бывшей Югославии, ставших в конце 20 – начале 21 веков самостоятельными государствами,

видно, как политические процессы влияют на языковые. Существовавший на протяжении почти полутора столетий сербохорватский язык распался теперь уже на четыре – сербский, хорватский, бошняцкий и черногорский. Остается надеяться, что политикам в этих странах хватит мудрости вовремя остановиться, чтобы языки не распались дальше и не возникли бы еще, к примеру, герцеговинский, черный и горный (по названию Черногория) языки!

Л и т е р а т у р а

- Ровински П.А.* Црна Гора у прошлости и садашњости, књига III. Етнографија – књижевност и језик. – Цетинье, 1994 [перевод с издания 1905 года].
Pravopis snogorskoga jezika i rječnik snogorskoga jezika (pravopisni rječnik) // Службени лист Црне Горе, број 49. – Подгорица, 2009.
Silić J. Snogorski jezik. – Podgorica, 2010.
Материалы черногорской прессы и Интернета

Корейские чины и чиновничество в русских текстах (на материале переводов с корейского)

© кандидат филологических наук Е.Н. Филимонова, 2011

«Если помыслы твои обращены к нравственному совершенству, то никакая высокая должность не сможет совратить душу. Помышляя же о чинах и богатстве, избежать этого невозможно»

(Цзинь Цай-чжи)

Деление людей на социальные группы и сословия, их положение в иерархии государственной службы древней феодальной Кореи отражены в средневековых и более поздних произведениях корейских авторов. Вопрос о структуре *служилых слоев* и их месте в общей социальной структуре имеет первостепенное значение для таких государств, как Корея, поскольку в обществах, подобных корейскому, социальный статус человека полностью обуславливался его местом в государственной структуре, в структуре власти (см. об этом [Волков 1987: 4]).

В центре внимания данной статьи *служилые слои – чиновничество и аристократия*, тесно связанные между собой и образовавшие господствующий класс средневекового корейского общества, их занятия, привилегии, экзаменационная система, как способ комплектования *чиновничества* в традиционной дальневосточной системе, правила занятия *должностей*, моральные принципы, бытовавшие в Корее того времени и др.

Социальная иерархическая лестница древней феодальной Кореи

Чиновничество, ставшее особым социальным слоем, имело свою иерархию. Основным показателем положения *чиновника* всегда был цифровой *ранг* (по *рангам* были распределены и все *должности* в государственном аппарате). *Ранг* имел важнейшее структурообразующее значение, поскольку именно к нему были привязаны *должности*, каждая из которых соответствовала определенному *рангу* и классу (см. [Волков 1999: 72]). Основой традиционной дальневосточной *чиновно-ранговой системы* всегда была иерархия девяти *рангов*, которые в свою очередь делились на два класса каждый, и всего, следовательно, имелось восемнадцать градаций. Однако в трех корейских государствах раннего средневековья существовали различные системы *рангов*: в Когурё – 12, в Пэкче – 16, в Силла – 17 *рангов* (см. [Волков 1999: 72-73; 80]).

В средневековой Корее *чиновничество* состояло из аристократии, а также пополнялось самыми различными путями. «Господствующим сословием являлось дворянство – *янбаны* (гражданские и военные *чиновники*, консолидированные в государственную бюрократию)» [Ионова 1982: 35]. Свободные крестьяне-*янгины* допускались к сдаче экзаменов на *чин*, и из них в значительной степени пополнялись ряды низшего *чиновничества*. Пополняло ряды *чиновничества* и сословие *чуньинов* (прослойки детей *янбанов* от наложниц), однако для его представителей существовали ограничения по служебному продвижению (см. [Волков 1987: 18, 180]).

Аристократия (*янбаны*) в традиционной дальневосточной системе обычно представляла собой слой лиц, обладавших *рангами* в силу своего происхождения; это, как правило, были родственники правящего дома. Такие лица, не неся обязанностей действительной службы, были формально равны полному *ранговому чиновничеству*, так как их наследственные *титулы* соответствовали одному из общегосударственных *рангов* (см. [Волков 1999: 176]). Обычно за аристократией (родственниками правящей династии) закреплялись все высшие *должности*, она составляла высший слой *чиновничества*. В подтверждение приведем пример из художественной литературы:

«В уезде Чхольсан провинции Пхёнан жил человек по имени Пэ Муён. Потомственный *янбан*, он всю жизнь провел в *должности правителя волости* и слыл человеком благородным и состоятельным» («Верная Чхунхян» 1990, 303).

В текстах переводов с корейского описываются различные занятия корейских дворян:

«Занятий у дворян множество. Одни изучают науки – их называют учеными. Другие состоят на государственной службе – их называют *чиновниками*. Третьи ищут истину и совершенствуют себя – их называют философами. Есть военные дворяне – восточный клан, и есть гражданские дворяне – западный клан» («История цветов» 1991, 588-590).

Достойными альтернативными занятиями для корейского мужчины того времени также считались следующие:

«Читая книги и размышляя, стать известным ученым – это первое. Выдержав экзамен и получив *должность*, выполнять свой долг перед родителями – это второе. Если же все это он сделать не в состоянии, то самое лучшее – заняться хозяйством, добывать одежду и пищу отцу и матери, жене и детям – это третье. А это разве не достойное занятие?..» («Восточная новелла» 1963, 59).

Дворяне имели привилегии:

«Небо поделило всех людей на четыре сословия: дворян, крестьян, ремесленников и торговцев. Самые знатные из них – дворяне. Привилегии их обширны: они не пашут, не сеют, не торгуют, а только читают книги и пишут иероглифы, а потом сдают государственные экзамены на *должность*» («История цветов» 1991, 590-591).

Были даже разработаны правила поведения янбанов в обществе, зарегистрированные в тексте литературного произведения, некоторые из которых не потеряли актуальность, как нам кажется, и по сей день:

«Однако звание дворянина обязывает его строго соблюдать следующие правила:

- служить благородным целям, не совершать низких поступков, во всем следовать примерам древних;
- вставать на рассвете, зажигать светильник, садиться ягодицами на пятки и, сведя глаза на кончик носа, декламировать «Рассуждения» Дун Лая – да так, чтобы слова катились гладко, словно тыквы по льду;
- терпеть голод и холод, не жаловаться на бедность;
- не клацать зубами, не чесать в затылке, не харкать, не распускать слюни;
- по утрам протирать рукавом шляпу, дабы уберечь от пыли узоры на ней;
- умываясь, не тереть шумно ладони, рот полоскать беззвучно;
- ходить степенно, волоча туфли, в жару не снимать носки, служанку призывать протяжно;
- ежедневно переписывать «Избранные сочинения мудрецов» и «Танские стихи» мелким почерком – по сто иероглифов в строке, каждый иероглиф не больше кунжутного семени;
- не брать в руки денег, рис покупать, не торгуясь, не забивать скотину собственноручно;
- не скупиться при виде яств, не есть сырого лука, не стучать палочками для еды, словно пестом в ступе, не греть руки над жаровней;
- не обсасывать усы, выпив вина; не втягивать щеки, куря трубку;
- не колотить жену в гневе, не бить посуду в раздражении;
- не бранить слуг площадными словами; не оскорблять хозяина, если виновата его скотина;
- не звать шаманку ворожить больному, не приглашать монаха совершать жертвоприношения;
- не играть на деньги в азартные игры, не брызгать слюной при разговоре.

Если будет нарушено хоть одно из этих правил, надлежит явиться к правителю уезда и, дабы тот выслушал покаяние и назначил наказание» («История цветов» 1991, 589-590).

Власть *чиновников* была безгранична:

«Да знаешь ли ты, что заговор против королевской семьи карается четвертованием, а тот, кто насмехается над *чиновником* на государственной службе, наказывается как преступник, того же, кто не подчиняется приказам чиновника, отправляют в ссылку? Бойся смерти!» («Верная Чхунхян» 1990, 77).

Экзамены на чин

Комплектование *чиновничества* в традиционной дальневосточной системе осуществлялось тремя способами: экзамены, рекомендация, наследование, остальные имели меньшее значение (см. [Волков 1999: 81]).

Экзаменационная система – «визитная карточка» традиционной дальневосточной системы набора *чиновников* на службу. Впервые государственные экзамены были введены в государстве Силла весной 788 года (вместо испытаний по стрельбе из лука).

В зависимости от знания китайской классики вводились три *ученые степени*. Причем полное предпочтение вне степеней отдавалось тем, кто усвоил пять основных сочинений («Ицзин», «Шуцзин», «Шицзин», «Лицзи», «Чуньцю») и три истории («Ши цзи», «Хань шу» и «Хоу Хань шу»), а также знал другие китайские произведения (см. [Волков 1999: 87]). В Корё экзамены были восстановлены в 958 году. Они делились на гражданские и военные. Экзамены на получение *должности* происходили только в Сеуле пять раз в году. Экзамены на получение *ученых степеней* – *чинса* и *сэвон* – проводились раз в три года, причем сначала проводился предварительный экзамен – *чхоси*, на котором отбирались кандидаты на экзамен *хвэси (камси)* [Ким Ман Чжун 1961: 265; Ким Чегук 2004: 173]. «*Согва* и *тэгва* – “малый” и “большой” экзамены, фактически первые были экзамены на *степень*, вторые – на *должность*. Обычно между сдачей *согва* и *тэгва* проходило девять с небольшим лет» (см. [Волков 1999: 88]). «*Тондан* – внеочередной экзамен, устраивавшийся в Сеуле по случаю того или иного торжественного события (восшествия на престол нового короля и т. д.)» («Восточная новелла» 1963, 297).

Информация об этом встречается в художественном произведении:

«– ... Ты какие держал экзамены? // – Сдать экзамены на *ученую степень* нелегко! – ответил я. – Сначала я выдержал экзамен *тондан* – занял первое место, а затем был первым же на экзамене *камси*. Выдержал экзамен *чхоси*, но провалился на экзамене *хвэси*. Не зря говорят, что в провинции выдержать экзамен легко, а в столице трудно!.. // Пусть у тебя не хватает сил выдержать экзамен *тэгва*, но почему бы тебе не попытаться сдать *согва*? // – Экзамен *согва* я только что выдержал» («Восточная новелла» 1963, 58).

Кроме регулярных проводились дополнительные экзамены по случаю различных торжеств, а также несколько разновидностей особых (все они – без провинциального этапа):

«На экзамене *альсон* он занял первое место, впоследствии стал главой Государственного совета и получил титул *пувонгуна*» («Записки...» 1985, 41).

«*Альсон* – экзамен, который устраивался ваном после посещения храма Конфуция, расположенного на территории Сонгюнгуана – ведомства и высшей конфуцианской школы» («Записки...» 1985, 445).

Некоторые требования к экзаменам на *чин* нашли отражение в художественной литературе. Экзаменуемый должен был показать превосходное знание классических книг:

«Требовалось знать китайские классические книги “Сы-шу” и “У-цзинь”, уметь толковать в них неясные места...» («Восточная новелла» 1963, 297).

При сдаче государственных экзаменов на *чин* главную роль играли поэтический дар, умение писать сочинение на темы конфуцианских канонов, а также каллиграфические способности претендентов. В древней Корее выдающиеся каллиграфические способности были неотъемлемым средством для достижения наивысшей карьеры, прекрасный почерк был одним из самых основных и самых высоких требований, предъявляемых на государственных экзаменах, поэтому те, кто проходили экзамены на *чин*, обязательно должны были в совершенстве владеть невообразимо сложным искусством каллиграфии. Подтверждение этому находим в художественной литературе:

«– А ты послушай, как он умел сочинять, когда ему было всего восемь лет! – заговорил правитель. – В столице у нас во дворе росла старая слива. Я ему сказал: “Вот слива, напиши о ней стихи!” В одно мгновение все было готово, да к тому же написал так задушевно, сумел искусно отобрать все хорошее, и без всяких усилий! Он станет блистательным мужем в Государственном совете! – Он прославит род... Он станет главой Государственного совета!» («Верная Чхунхян» 1990, 37-38); «Стихи он пишет, как Ли Бо, искусством каллиграфии владеет, как Ван Сиджи» («Верная Чхунхян» 1990, 91).

Подробное описание сложной и не совсем понятной для европейцев процедуры подготовки и проведения государственных экзаменов того времени в Корее отмечено у Сон Хёна (Сон Хён 1994: 45-47):

«При прежней династии для приема экзаменов заранее назначались только один *чигонго* (в приблизительном переводе означает ‘рекомендующий на службу выдержавших экзамен’. Это был главный экзаменатор в период Корё) и один *тонгонго* (сокращение от слова *тончжигонго*, экзаменатор, следующий за *чигонго*, второй экзаменатор)... Из Ве-

домства *чинов* государю подается список лиц, пригодных для принятия экзаменов. Государь выбирает наиболее достойных, ставя точку перед их именами. Получив приказ государя о назначении их экзаменаторами, эти лица разделяются и являются в места проведения экзаменов.

На рассвете экзаменационного дня у Самгвана собирают людей, намеренных держать экзамены. Поименно их вызывают одного за другим и вводят в *кёквон* ('специально огороженное, изолированное место, где производились экзамены на право занятия *государственной должности*') (Сон Хён 1994: 97). «*Супхёнгваны* ('временная *должность чиновника*, обыскивающего студента перед экзаменами'), разделившись по учреждениям Самгвана, стоят перед воротами и производят обыск одежды и сумок экзаменующихся. Если у студента обнаруживают какие-нибудь книги или записи, то его передают в руки *сунчжакгвана* ('*должность чиновника*, наблюдавшего за порядком при проведении экзаменов') и отстраняют от экзамена. Причем если нездоровые материалы находят у студента за пределами экзаменационной площадки, то он лишается права держать экзамены на один срок, если же на экзаменационной площадке – то на два срока.

Еще до того, как посветлеет небо, экзаменаторы выходят из *тэчхон* ('главный зал учреждения, приемная, где рассматривались различные дела') и при пламени светильников так величественно рассаживаются по своим местам – ну прямо что твои небожители! Служители Самгвана входят на экзаменационную площадку, расстилают совершенно одинаковые циновки для экзаменующихся и тут же уходят. На рассвете вывешивается лист бумаги с названием темы сочинения. Затем, ближе к полудню, служители собирают экзаменационные свитки, ставят на них печати и передают в Самгван. После того они поднимаются на плоскую крышу с большими бокалами в руках и созывают *сонсэнов* (здесь: '*чиновник*'). Потом спускаются во двор, созывают *синнэ* (букв. 'вновь пришедший', 'именование лиц, только что выдержавших экзамены или назначенных на *должность*'), а также оглашают фальшивый список якобы выдержавших экзамен. Все это – старинный обычай.

К закату солнца барабанным боем торопят студентов и, когда сочинения закончены, их представляют *сугвонгвану* ('*чиновник*, собиравший письменные работы экзаменующихся'), который в свою очередь передает их *тоннокгвану* ('*чиновник-экзаменатор*, в обязанность которого входило прочтение всех письменных работ экзаменующихся и наблюдение за их переписыванием'). *Тоннокгван* ставит знаки на двух концах свитков, ставит печати на местах их разрыва и разрывает на две части: одна часть содержит написанное сочинение, а другая – запечатанное имя студента. *Поммигван* ('*чиновник*, обеспечивающий сохранение в тайне имя студента, написавшего данное сочинение') собирает части

свитков с запечатанными именами и удаляется в отдельное место. А *тоннокгван*, собрав переписчиков, велит им скопировать все сочинения красной тушью. Затем *садонгван* читает подлинник сочинения, а *чидонгван* при этом сличает его с текстом, переписанным красной тушью, и передает экзаменатору. Экзаменатор ставит за сочинение высокую или низкую оценку, после чего приказывает *поммигвану* вскрыть запечатанные части свитков с именами студентов, написать и вывесить список выдержавших экзамен.

По положению о чтении наизусть и толкованию отрывков из канонических книг делаются ярлыки с указанием мест цитирования из “Сы шу” и “У цзин”, соответствующие им ярлыки вкладываются в бамбуковую трубку. Экзаменуемый записывает название книги, отрывок из которой он хотел бы цитировать и толковать, подает запись экзаменатору. Экзаменатор наугад извлекает из трубки какой-нибудь ярлык. Если он, например, извлекает ярлык со знаком “небо”, находит в книге отмеченное место с этим знаком, велит студенту процитировать только основной текст и растолковать его. Студент читает наизусть основной текст и объясняет его. Затем экзаменатор задает вопросы и по комментарию. Присутствующие при этом *сори* (здесь, ‘нижние *чины* экзаменационной “комиссии”’) записывают себе за устный ответ студента одну из четырех оценок – *тхон* (отлично), *як* (хорошо), *чху* (посредственно), *пуль* (плохо) – и показывают свои оценки экзаменатору. Оценки – от низшей до высшей – *сори* выставляют после цитирования и толкования каждой книги. Экзаменатор же, последовательно сверяя по списку их оценки, берет наиболее высокие и из их числа выбирает низшую. Оценка, полученная за чтение наизусть и толкование канонических книг на начальной площадке, и оценки за сочинение на средней и конечной площадках суммируются, и выводится общая оценка.

Таким образом, знания экзаменуемых проверяются не одним человеком, люди на службу выбираются не одними руками» (Сон Хён 1994: 45-47).

В конце правления династии Корё в обход конкурса шли сыновья и внуки влиятельных лиц, так называемые «розовые младенцы с запахом молока на губах», которые будучи в детском возрасте, держали экзамены на право занимать *государственные должности*. Обычно они носили розовые курточки, называли таких претендентов «розовыми претендентами». Выражение *хонбунбан* («розовый список [лиц, выдержавших экзамен]») употреблялось иронически по отношению к тем, кто выдержал экзамены лишь благодаря принадлежности к влиятельным кругам или же благодаря соответствующим связям. Однако во время правления вана Сечжона порядок проведения экзаменов был изменен, и стала ис-

пользоваться китайская система (см. об этом (Сон Хён 1994: 97; 46)). Информация об этом содержится в художественном произведении:

«Но в год Чёнса все дети влиятельных семейств, даже не достигнув пятнадцати лет, держали экзамены, и каждый из них получал *должности*» («Восточная новелла» 1963, 58).

В художественном произведении описаны почести, которых удостоивались победители, занявшие первое место:

«Княжич Чёк прошел сквозь человеческое море и вышел вперед к нефритовым ступеням. Сын неба... принял [его] и поднес [ему] вино. А после пожаловал [ему титул] *халлим хакса* – ученого мужа из государственной академии и вручил синее платье [чиновника] и цветок... Халлим Чёк почтительно благодарил Небо, а затем с музыкантами из “Грушевого сада” и парой зонтов – синим и красным впереди – сел на белую лошадь под золотым седлом // и выехал за ворота дворца» («Повесть о Чёк Сёные» 1996, 100); «Отличившимся вручают “красный листок”: бумажка невелика, но она источник всяческих благ, потому и называют ее “кульком изобилия”. Ну, а тот, кто провалился, к тридцати годам получает первую *чиновную должность* – если будет хорошо служить, то может дослужиться до *чина магистра* и даже до высокого *чина советника*» («История цветов» 1991, 590-591).

Все выдержавшие экзамены заносились в особые книги:

«– Экзамен *согва* я только что выдержал. // – Значит, ты должен быть занесен в Книгу года Чёнса, – сказал гость. // – Я-то действительно занесен в Книгу года Чёнса. А вот в какую книгу записан ты? // – В книгу выдержавших экзамен в честь Восшествия на престол, – сказал гость» («Восточная новелла» 1963, 58).

Правила занятия должностей в средневековой Корее

Успешная сдача экзаменов на *чин* отнюдь не означала автоматического зачисления на *должность*, многое зависело от происхождения сдавшего экзамен. Подтверждения находим в художественной литературе:

«– Я был бы рад служить вам, государь, всю жизнь, – ответил Кильдон, – но я сын служанки. Если я сдам экзамены на *гражданский чин*, то не смогу служить даже мелким *чиновником*, и даже если бы я сдал военные экзамены, мне все равно не довелось бы принести пользу государству» («Верная Чхунхян» 1990, 273).

Образование – неотъемлемое условие получения *должности* и происхождения по карьерной лестнице. «Вначале образованности придавалось очень большое значение, и всякое лицо, занимавшее сколько-нибудь значительную *должность*, обязано было иметь *ученую степень*. Однако с течением времени для представителей богатых и знатных

семей экзамены стали простой формальностью, необходимой для получения *должности* или *ученого звания*, и в конце концов дело дошло до открытой продажи дипломов (при ване Хёнчжоне, 1834 г.)» (Ким Чегук 2004, 173).

«У нас в деревне и онмун-то мало кто знает, а уж о китайском письме и говорить не приходится, – вздохнул я. – Вот уж поистине здорово было бы знать иероглифы! Был у нас в деревне один человек, который знал тысячу иероглифов. Так он стал *сёвоном* и прославился своим богатством! А другой мог читать “Краткую историю”. Тот сделался настоятелем конфуцианского храма, получил *ученую степень* на экзаменах!.. В Сеуле нет никого, кто бы не знал иероглифов, а в провинции люди не знают даже онмуна! А неграмотный разве может называться человеком?» («Восточная новелла» 1963, 49).

В корейской литературе перечисляются некоторые правила занятия *должностей*:

«Существовали жесткие правила занятия *должностей*, деление на высших и низших было очень строгим... Количество людей, принимаемых на службу, было весьма ограниченным. О вновь назначенном *чиновнике* говорилось: “допускается к участию в управлении”. И только по прошествии более чем десяти дней ему разрешалось занять место рядом с другими *чиновниками* ведомства, но ему непременно заявляли: “Ставь угощение!” И делалось это совершенно открыто» (Сон Хён 1994, 41).

В корейской литературе подробно описывается «идеальная» карьера корейского мужчины прошлого с перечислением всех возможных *должностей*:

«Он у меня сначала сдаст экзамен на *должность* и получит “*чинса*” – магистра наук. Затем его ждет *должность* “*чикбу*” – после того, как он сдаст экзамены и будет допущен пред королевские очи, чтобы сдать последний, самый главный экзамен на *должность*. И только потом он получит *должность чиновника тринадцатого ранга* в королевской канцелярии “*чусо*”, а затем *должность составителя королевских указов* – “*ханримхакса*”. А после всего этого его ждет дальнейшее восхождение на более высокие уровни, где ждут его *ранги* заместителя приемщика королевских указов “*пусынджи*”, первого приемщика королевских указов “*часынди*”, старшего приемщика королевских указов “*досынди*”. А после того, как супруг побудет в *должности ревизора восьми провинций* – “*пхальдо панбэк*”, он займет *должности* “*каксин*” – чиновника в кабинете министров, затем “*тэгё*” – руководителя церемониалов. И по мере того, как пройдет церемония назначения в Государственном Совете, мой любимый супруг получит *должность третьего ранга* “*дэдехак*” – высшую в королевской палате ученых и в секретариате управления

делами короля. Затем он будет *чиновником пятого ранга* в ведомстве конфуцианского просвещения “*тэсасонг*”. Ну, а потом станет первым заместителем председателя государственного совета “*чвасанг*”, вторым заместителем председателя государственного совета “*усанг*” и, наконец, займет *должность “ёнгсанг”* – Председателя Государственного Совета. После его назначат в королевский тайный архив – “*кючжангак*”. Потом он займет высший государственный пост “*вельпхальбэк*”, под началом которого будет три тысячи подчиненных в монаршем аппарате и восемьсот внешних подчиненных в провинциях. Тогда он станет опорой престола и столпом отечества – мой дорогой, добродетельный, трудолюбивый супруг» («Сказание о Чхунян» 2003, 71; 74).

Чиновнику или *ученому* того времени необходимо было работать над собой, чтобы усовершенствовать свой характер. В художественной литературе упомянут способ достижения этого, своего рода «рецепт», хотя многое из этого описания представляет для большинства русскоязычных читателей лакуны, например, ссылка на иероглифы.

«– Исправить свой характер не так и трудно, – сказал я. – Раньше я тоже быстро раздражался и как ни хотел быть поспокойнее, ничего не получалось. А в одно прекрасное утро вдруг понял, как следует поступать. Когда меня охватил гнев, я подумал об иероглифе “ин”, который обозначает “сдержанность”, и гнев сразу же пропал. Тогда я записал девять разных иероглифов, о которых следовало бы помнить, и выучил их наизусть!.. Едва у меня появляется какое-нибудь недоброе чувство, я сразу же вспоминаю иероглиф “чжон” – “справедливость” и подавляю в себе это чувство. Если же я испытываю прилив самомнения, то тут же вспоминаю иероглиф “кён” – “скромность”, и он помогает мне побороть надменность. Почувствовав приступ лени, я вспоминаю иероглиф “кын” – “трудолюбие” и легко одолеваю лень. Иногда у меня появляется стремление к роскоши. Но стоит лишь подумать об иероглифе “кём” – “умеренность”, как желание роскошно жить пропадает. Бывает, что у меня возникает тяга к стяжательству. Я вспоминаю иероглиф “ый” – “честность” и не поддаюсь этому этому низменному желанию. Часто, с кем-нибудь разговаривая, я вспоминаю иероглиф “мок” – “молчание”. Он помогает мне не говорить лишнего. Подумав об иероглифе “ун” – “уважение”, я подавляю в себе желание посмеяться над кем-либо и не проявляю непочтительности. А когда впадаю в гнев, вспоминаю иероглиф “ин” – “прощение” и не совершаю необдуманных действий!» («Восточная новелла» 1963, 61).

Принципы этики и морали

Корейское средневековое *чиновно-бюрократическое общество* прочно стояло на заимствованных из китайской культуры принципах

этики и морали, сформулированных еще Конфуцием, и как считалось, присущих «благородному мужу» (*кунджю*). Среди этих принципов основными были такие, как преданность правителю, государству; верность другу и соратнику; сыновняя почтительность; грамотность, культура; человеколюбие, добродетель. Именно эти конфуцианские принципы, как и некоторые другие, определяли облик *корейского чиновника* в целом и впоследствии сформировали совокупный облик идеального *государственного чиновника* (см. об этом [Хазизова 2003: 127]).

По конфуцианскому учению, человек является членом семьи, общества и государства и, таким образом, состоит в пяти определенных человеческих отношениях: отношения между родителями и детьми, между государем и подданными, между мужем и женой, между старшими и младшими и между людьми, не связанными родством и стоящими на одинаковом социальном уровне. Идеальное урегулирование этих отношений должно быть основано на *сяо* (кор. *хё*) – ‘сыновьей почтительности’, которое конфуцианство считает первообразом всяких человеческих отношений, так же как семья является первообразом общества и государства. Выражением *сяо* являются пять нравственных качеств: доброта, прямота мыслей, безупречность поведения, обладание познаниями и честность, почтительность детей к своим родителям должна сохраняться и после смерти последних. Поэтому конфуцианство в Корее сохранило очень распространенный среди народов Восточной Азии культ предков, придав ему лишь определенную форму и предписав совершение в честь предков жертвоприношений. По родителям предписывался длительный (трехлетний) суровый траур. «... Дети носили траур по отцу или матери в течение трех лет, справляя малые (в первую годовщину смерти) и большие (во вторую) поминки, совершая жертвоприношения, соблюдая строгий пост, нося одежду из грубого невыделанного холста и т. д. На время траура *чиновники* освобождались от службы, а преступники (за исключением приговоренных к смертной казни) выпускались из тюрем. Особое внимание уделялось уходу за могилами и жертвоприношениям душам покойных родителей» (Ким Чегук 2004, 177; 175).

Некоторые принципы сформулированы в художественной литературе:

«Поэтому он сумел [хорошо] проделать все [необходимые] обряды и после того, как похоронили батюшку в благоприятном месте, находился дома и [строго] соблюдал траур» (Там же, 100).

Знаки отличия корейских чиновников

У корейских *чиновников* были свои знаки отличия, которые подробно описаны в корейской художественной литературе. Это и неизменные

атрибуты чиновника: драгоценный зонтик, который в Корее и Китае обычно вручал государь чиновникам при назначении их на должность: «Государь пожаловал каждому драгоценный зонтик, платье и пояс» («Корейские предания...» 1980, 52); табличка из меди для получения лошадей на станциях, на лицевой стороне вырезалась государственная печать, а на оборотной – число лошадей, которое полагалось выдавать по ней, и место, до которого она действительна (см. «История о верности...» 1960, 664) и латунный жезл, который выдавался ревизору для контроля мер в провинциях» (Там же, 647): «Мон Нёну выдали платье чиновника, табличку для получения лошадей на станциях и латунный жезл» (Там же, 109), а также дощечки (нефритовые, бамбуковые или из слоновой кости) для записи распоряжений («Роза и Алый Лотос» 1974, 410) с указанием должности и звания, которые носили на поясе высокопоставленные чиновники (см. «Записки» 1985, 454): «На четвертый день император показался в дверях дворца: на нем были парадный головной убор и алый шелковый халат, в руке – нефритовая дщица для записи повелений» («Сон...» 1982, 372); шкатулка с печатью, удостоверявшей достоинство чиновника, которую он должен был носить на поясе: «Один потерял шкатулку с печатью» («Верная Чхунхян» 1990, 108); «золотую печать имел первый советник трона»; «... если все будет благополучно, я добьюсь успеха и торжественно вернусь к тебе с золотой печатью на поясе» (Ким Ман Чжун 1961, 377; 151).

Наиболее выдающиеся заслуги подданных записывались в памятную книгу, которая имела переплет из металла, – Железную книгу («Жизнеописание...» Записки 1985, 452):

«Поэтому основатель династии Тай-цзу оценил его поведение как в высшей степени достойное и повелел сделать запись о его подвиге в Железной книге» («Записки...» 1985, 182).

Одежда

Общеизвестно, что статус человека, чиновника зачастую узнается по внешним признакам. Таким внешним признаком становится его одежда. В Пэкче, например, чиновники носили одежду темно-малинового цвета. Шесть высших рангов в качестве знаков отличия имели серебряные цветы на шляпе, а остальные различались по цвету пояса: седьмой ранг – темно-красный, восьмой – черный, девятый – красный, десятый – зеленый, одиннадцатый-двенадцатый – желтый, тринадцатый – шестнадцатый ранги – белый (в Когурё чиновники носили шляпы черного и темно-красного цвета с птичьими перьями и украшениями из золота и серебра) (см. об этом [Волков 1999: 80]).

Непременным атрибутом корейского *чиновника* была шляпа. Информация о разного рода шляпах содержится в художественной литературе:

«Дальше стоит придворный церемониймейстер. На голове у него *шелковая шапочка, поверх платья парадный пояс*. Два плата, с парой вышитых на каждом журавлей, свисают на спину и на грудь. *На шляпе* его по четырем углам красуются четыре белых тигровых уса, а сзади – синие крылышки» («Корейские повести» 1954, 141-142); «... откуда-то с высоты небесной спустились двое – с виду *чиновники*, в синих одеждах, в *крылатых шляпах “покту”*» (Ким Си Сын 1972, 100).

Пояс в одежде *чиновника* тоже играл определенную роль. Существовало специальное учреждение, ведавшее королевским платьем (см. «Черепашковий суп» 1970, 234). В годы Чжэн-дэ ведомством Саныйвон был введен для ношения государем пояс, украшенный пластинками из рога носорога (см. «История цветов» 1991, 237). Сведения об этом встречаются в художественной литературе:

«Присутствует вся королевская свита: министр военной палаты, командующий пятью столичными полками, распорядитель королевских кортежей с придворной своей шпагой, персонал канцелярии его величества. Все в придворном наряде: *в парадных шапках и халатах, в поясах, отделанных носорожьей костью или украшенных нефритом*» («Корейские повести» 1954, 141-142).

В художественном произведении подробно описывается одежда и обувь *чиновников-спутников ревизора* и *посыльных*:

«А Моннён дал сигнал своим спутникам. Посмотрите-ка на них! Вот они кликнули *посыльных* с почтовых станций, пошептались с ними то здесь, то там. А как выглядят эти спутники ревизора и *посыльные*! На них *шелковые головные повязки, шляпы* на глаза надвинуты, а на ногах *бумажные носки и соломенные сандалии*. Сами *в полотняных шароварах и халатах с длинными рукавами*, все с дубинками длиною в шесть мо на шнурах из оленьей кожи. Улицы Намвона так и кишат ими. Взгляните-ка на *посыльных* из Чхонпха! Будто лучи солнца сверкнули у них в руках *латунные знаки*, круглые, как луна» («Верная Чхунхян» 1990, 107-108).

Транспортные средства

В литературе указываются транспортные средства, на которых ездили *чиновники* прошлого:

«Наш король ездит в королевском *паланкине*. // Председатель государственного совета и два заседателя – на одинаковых *повозках-пхёнгёдя*. // Начальник ведомства военной подготовки также ездит на *повозке*. // Военачальники каждого уезда – в тяжелых *паланкинах*, уста-

новленных на спины лошадей. // Намвонский градоначальник – в повозке» («Сказание о Чхунхян» 2003, 75).

Времяпрепровождение чиновников

В художественной литературе упомянуто и времяпрепровождение *чиновников*:

«В те времена у высоких министров было в обычае приглашать друг друга в гости – поиграть от скуки в падук. При этом во множестве выставлялись великолепные вина, подавались роскошные закуски» («История цветов» 1991, 227).

Передвижения чиновников

Зачастую некоторые отрывки в художественном произведении, напоминают Хроники династии Чосон, изобилующие невероятными подробностями из жизни того или иного *чиновника*. В отрывке содержится подробный маршрут *чиновника*, калейдоскоп географических названий – городов, селений, в которые он заезжал, проезжал мимо или останавливался:

«Простившись с родителями, вновь испеченный *ревизор* отправился в Чолла. Выйдя за большие Южные ворота с двумя *чиновниками* и слугой под началом, он взял лошадей на станции Чхонпха и двинулся в путь. Быстро миновал семь-восемь придорожных столбов-указателей, переправился через понтонный мост, пронесся через предместья Папчон и Тончжак и, перевалив через горы Намтхэрён, отобедал в Кванчхоне. Дальше его путь лежал через Сагын и храм Майтрейи, а в Сувоне он заночевал. Назавтра проехал мост Тэхван, местечки Пёнчхон, Чинги и отобедал в Чинви. Затем дорога повела его через Чхильвон, Соса, мост Эго и Сонхван, где он остановился на ночлег. Назавтра Моннён проехал Верхний и Нижний Ючхон, пообедал в Чхоннани и, миновав развилку дорог, перебрался через гору Тори, после чего на станции Кимчже переменял лошадей. Быстро проехав Старый и Новый Топхён, заночевал в Вонтхо. Назавтра остались позади беседка Восьми Ветров, школа для стрелков из лука, Кванчжон и Моровон. Возле Кончжу он переправился через реку Кымган и отобедал в Кымёне. А потом по прямой дороге ехал на Согэмун, Омиволь и Кёнчхон, где и заночевал. Назавтра он миновал Носон, Чхонхо, Сагё, Ынджин, беседку Царских Цветов и, перейдя гору Чанэми, остановился на ночлег в Ёнсане...» («Верная Чхунхян» 1990, 92).

Карьера чиновника

В жизни *чиновника* бывают взлеты и падения:

«Чиновник полон рвения и восторга, // За чин готовый головою в петлю. // Резвится в солнечных лучах удачи, // Как мальчик без штанов на берегу. // Когда же солнце тучами закрыто, // Он ежится, от холода дрожа» («Отражения» 1987, 57).

Не все чиновники хотят продолжать службу:

«Вчера сказать изволил государь, // Что стану я великим человеком. // Но этого совсем не надо мне – // Останусь средь людей обыкновенных...» («Отражения» 1987, 39).

Разочаровавшись, чиновник оставляет службу, мир «суеты» и уходит в отшельники:

«Я здесь, как отшельник древний, // Сущность вещей постигаю, // И передо мной природа // Свой раскрывает лик. // И я становлюсь мудрее, // И я становлюсь счастливей // Под покровительством духов // Неколебимых скал. // Душа чиста и покойна, // Свободна от всех печалей, // Горным воздухом чистым // Грудь моя дышит легко... // И с каждым днем все прекрасней // Мир, открывшийся мне. // Остаться бы здесь навеки, // Рыбу удить ночами // Или на горном склоне // Поля пахать клочок!.. // Не книжник я, не философ, // Но это не променяю // Даже на должность министра // При сеульском дворе. // Глупцом меня назовите, // Смейтесь, но я презираю // Богатства и пышной славы // Лазурные облака» («Отражения» 1987, 133).

Соломенная шляпа и плащ из травы – одежда чиновника, навсегда покинувшего мир «суеты» и ставшего отшельником:

«Плащ из травы, соломенную шляпу // Могу я, верно, и не надевать? // Наряд придворный навсегда я сбросил, // И больше, дождь, я не боюсь тебя!» (Чон Чхоль 2009, 39).

Чины, чиновничество в корейском языке

Упоминание о службе чиновников встречается в образном сравнении:

«Я стала наложницей, и для меня теперь оставить дом и мужа – все равно, что для чиновника на службе забыть страну и государя» («История о верности...» 1960, 93).

В текстах художественных произведений отмечены речения фразеологического характера (РФХ), так или иначе связанные с карьерой чиновников:

Лазурное облако означает ‘путь почестей’; белоснежное облако – это ‘жизнь вне мира суеты’ («Классическая поэзия...» 1977, 875):

«Ты облако лазурное лелеешь; // Мне белоснежное – милей всего. // Твоя отрада знатность и богатство; // Мне по сердцу и бедность и покой» (Там же, 461).

РФХ *высоко подняться на лазоревом облаке* имеет значение 'преуспеть по службе, сделать карьеру' («История о верности ...» 1960, 647):

«... *высоко поднимитесь на лазоревом облаке!*» (Там же, 118).

Сталкиваясь с подобным РФХ *об облаке*, русскоязычному читателю трудно понять, что речь здесь идет об успешном продвижении по службе. Ему трудно уяснить себе «не столько соотносимость компонентов этого идиоматического выражения, сколько лингвистическую ситуацию, ту точку зрения, которая должна была существовать, чтобы могло возникнуть такое речение» [Сорокин 1977: 169]. Носитель русского языка привык представлять себе *облака* как место, где кто-либо может пребывать в мечтательном состоянии (ср. русск. фразеологическая единица (ФЕ) *витать в облаках*).

В корейских ФЕ и РФХ очень часто присутствует компонент *дракон*. Так, РФХ *войти во Врата дракона* имеет значение: 'сделать карьеру, прославиться' («Сказание о госпоже Пак» 1960, 491). В основе ФЕ *достичь Врат дракона* лежит предание: если рыбе удавалось подняться через пороги к верховьям реки Хуанхэ до Драконовых ворот, то она превращалась в дракона. Выражение стало в литературе образным, означающим 'выдержать экзамен, сделать карьеру, прославиться' («Верная Чхунхян» 1990, 381). В корейской метальности *дракон* олицетворяет королевскую власть, могущество:

«Принадлежал он к знатнейшему роду, в веках прославленному своими выдающимися деятелями и сам уже с ранних лет *достиг Врат дракона*» («Сказание о госпоже Пак» 1960, 191).

Китайское РФХ *сломить ветку корицы* (чжэ гуэй) звучит так же, как «стать знатным», поэтому данное выражение употреблялось для поэтического обозначения сдачи государственных экзаменов, восходит к традиции, существовавший в средневековой Корее, украшать шляпу коричневым цветком того, кто первым успешно сдал экзамен на *чин*, что открывало путь к высшим постам на административной лестнице (см. об этом [Троцевич 1975: 182]; «Жизнеописание...» 1985, 455):

«Он *сломал ветку коричневых цветов*, которые достались ему так неожиданно» («Ссяньчхон кыйбонь» 1962, 36).

РФХ *сто лет не могла выдержать экзамен* – образное выражение, обозначающие большие трудности, которые пришлось преодолеть человеку для достижения своей цели – выдержать экзамены, получить должность и т. д. («Черепеховый суп» 1970, 240).

«В конце концов Сок Кэ сделалась самой знаменитой певицей в столице, и о ней стали говорить как о великой певице, которая *сто лет не могла выдержать экзамен*» («Черепеховый суп» 1970, 110).

РФХ *снять шелковый наряд* имеет значение: 'подать в отставку' (Чон Чхоль 2009, 141).

С *чинами* образовано большое количество пословиц. В пословицах подтверждается важная роль *чина* в корейском обществе:

«Послушай-ка, в пословице сказано: “*При дворе первое дело – чин, а в деревне – старшинство*” («Роза и Алый Лотос» 1974, 357).

В ряде пословиц прослеживается так называемый «кодекс чести и поведения» *чиновников* древней Кореи (пословицы приводятся по книги Лим Су «Золотые слова корейского народа» 2003, 40-41):

Чиновник не должен быть алчным; Чиновник не должен быть падким до денег; Если чиновник ведет себя сдержанно, его авторитет повышается; Чиновник должен остерегаться гнева и грубости; Продвигаясь по службе, становись скромнее; Чиновник на службе должен быть справедливым.

В то же время в пословицах высмеиваются пороки *чиновников* того времени:

Чиновники используют закон по-своему; Чем выше положение чиновника, тем [он] ленивее и недобросовестнее; Если долго служить, сам собою станешь богачом; Тот, кто сидит на высоком берегу, трусоват; Поднесет тебе чиновник рюмочку вина, а сдерет три сома риса и мн. др.

Продвижение по службе иногда негативно влияет на *чиновников*, поведение их меняется:

Когда зарабатываешь много денег – купаешься в роскоши, а когда получаешь высокий чин – становишься надменным; Когда зарабатываешь деньги – меняешь друга, когда получаешь чин – меняешь жену.

Итак, в произведениях средневековых авторов нашла отражение существовавшая во времена феодальной Кореи социальная иерархическая лестница. Подавляющее большинство лексем этой группы является историзмами и встречается в основном лишь в текстах средневековых произведений. С ними образовано большое количество фразеологизмов, пословиц и поговорок. Эти корейзмы несут тот «национальный заряд», который придает тексту перевода национальный колорит.

Л и т е р а т у р а

Верная Чхунхян. Корейские классические повести повести XVII–XIX веков. М.: Художественная литер., 1990.

Волков С.В. Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке. М.: «Восточная литература», РАН, 1999.

Волков С.В. Чиновничество и аристократия в ранней истории Кореи. М.: «Наука», Гл. ред. восточ.литер., 1987.

- Восточная новелла. М.: Изд-во восточ. литер., 1963. С. 40-62.
- Жизнеописание королевы Инхён. // Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. М.: Худож. литер., 1985. С. 65-105.
- Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. Л.: Худож. литер. (Ленингр. отд.), 1985. С. 105-246.
- Монова Ю.В.* Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее (середина XIX – начало XX в.). М.: Наука, Гл. ред. восточ. литер., 1982.
- История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960.
- История цветов. Корейская классическая проза. Л.: Худож. литер. (Ленингр. отд.), 1999.
- Ким Ман Чжун.* Облачный сон девяти. М.-Л.: Гос. изд-во худож. литер., 1961.
- Ким Си Сын.* Новые рассказы, услышанные на горе Золотой Черепахи. М.: Худож. литер., 1972.
- Ким Чезук.* Корейские новеллы. СПб: Петербургское востоковед, 2004.
- Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Худож. литер., 1977.
- Корейские повести. М.: ГИХЛ, 1954.
- Корейские предания и легенды из средневековых книг. М.: Худож. литер., 1980.
- Лим Су.* Золотые слова корейского народа. СПб.: Изд-во СПб. университета, 2003.
- Отражения. М.: Изд-во «Наука». Гл. ред. восточ. литер., 1987.
- Повести страны зеленых гор. М.: Гос. изд-во худож. литер., 1966.
- Повесть о Чёк Сёные (Чёк Сёный Чён). СПб.: Петербург. фил. Ин-та востоковедения РАН, 1996.
- Роза и Алый Лотос. Корейские повести (XVII–XIX вв.). М.: Худож. литер., 1974.
- Сказание о госпоже Пак // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С. 491-547.
- Сказание о Чхунян. М.: «Бонфи», 2003.
- Сон в нефритовом павильоне. М.: Худож. литер., 1982.
- Сон Хён.* Гроздь рассказов Ёнчжэ // Петербургское востоковедение. СПб.: Центр Петербург. Востоковедение, 1994. Вып. 5. С. 25-109.
- Сорокин Ю.А.* Роль этнопсихолингвистических факторов в процессе перевода // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977. С. 166-174.
- Ссяньчхон кыйбонь (Удивительное соединение двух браслетов). М.: Изд-во восточной литературы, 1962.
- Троцевич А.Ф.* Корейская средневековая повесть. М.: Наука. Гл. ред. восточ. литер., 1975.
- Черепаховый суп. Корейские рассказы XV–XVI вв. Л.: Худож. литер., 1970.
- Чон Чхоль.* Одинокий журавль. Из корейской поэзии XVI века. М.: «Рипол Классик», 2009.

ЛИНГВИСТИКА

Прямолинейность и категоричность высказывания как проявление коммуникативной категории авторитетности (на материале аутентичных англоязычных финансово-аналитических комментариев)¹

© Н.И. Сухорукова, 2011

В настоящей статье рассматривается коммуникативная категория авторитетности источника/сообщения на примере текстов англоязычных финансово-аналитических комментариев, выпускаемых инвестиционными компаниями и специализированными аналитическими агентствами Великобритании и США. В центре внимания – маркирование авторами рассматриваемых текстов прямолинейности и категоричности высказываний как один из способов утверждения собственного авторитета на рынке

Как уже отмечалось нами ранее [Сухорукова, 2010], категория авторитетности источника/ сообщения является одной из важнейших для успешной коммуникации в условиях современных рынков вообще и финансовых рынков в особенности. Царящая на финансовых рынках неопределенность, непредсказуемость, сверхзвуковая скорость текущих изменений, неохватные объемы информации, с одной стороны, и необходимость принятия конкретных практических решений, влекущих за собой ощутимые материальные последствия, с другой, заставляют инвесторов (будь то профессиональные участники рынка или просто желающие «подзаработать на бирже») искать некую рациональную базу (англ. *investment rationale*), обосновывающую или, в зависимости от результата, оправдывающую их действия.

Спрос, как известно, рождает предложение, и на помощь смятенным инвесторам готовы прийти сотни профессиональных финансовых аналитиков, работающих в структуре инвестиционных банков, фондов, независимых аналитических агентств или же самостоятельно, индивидуально. Финансовые аналитики с различной периодичностью (ежедневно, еженедельно, ежегодно et al.) выпускают комментарии, описывающие состояние рынков и имеющие целью если не предоставить

¹ Н.И. Сухорукова – преподаватель кафедры иностранных языков факультета государственного управления, аспирант кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ им М.В. Ломоносова.

готовые решения (на это редко кто осмеливается), то, по крайней мере, направить инвесторов в нужную сторону. Здесь, конечно, сразу возникает вопрос: «Нужную – кому?», и встает проблема манипуляции vs. сотрудничества аналитиков и инвесторов, который, однако, мы оставим открытым до следующей дискуссии и сосредоточим внимание читателя на другом: на роли авторитета финансового аналитика в коммуникации.

Ежедневно на рынок выходят сотни аналитических комментариев, но далеко не все они удостоиваются равнозначного внимания со стороны целевой аудитории. Сообщество инвесторов, пусть негласно и не единогласно, все же достаточно однородно и ясно ранжирует финансовых аналитиков по принципу полезности – неполезности для своей профессиональной деятельности. Таким образом, формируется глобальная иерархия финансовых аналитиков, на вершине которой – звезды и живые легенды своего времени, такие как Уоррен Баффет, а в основании – те, имен которых мы, вероятно, никогда и не узнаем. В основе такого разделения, очевидно, авторитет, который смогли или не смогли приобрести аналитики среди своих конечных потребителей – инвесторов.

Использование нами лексики купли-продажи в предыдущем абзаце неслучайно. Как неоднократно отмечалось социологами и социальными лингвистами, диалогическая природа коммуникации, ее включенность в процесс совместной человеческой деятельности влекут за собой распределение ролей коммуникантов по степени их влияния на эту деятельность. Если понимать коммуникацию как процесс взаимной координации деятельности через посредство вербальных и невербальных знаковых систем, вырабатываемых и изменяемых в самом этом процессе, любое высказывание, любой фрагмент дискурсивного процесса, таким образом, имеет определенную «стоимость» на рынке лингвистических действий и, как подчеркивает П. Бурдьё, стоимость эта определяется «верой в легитимность слов и тех, кто их произносит» [Bourdieu 1991; Кашкин 2008]. Отдельные единицы затем суммируются и образуют «символический капитал», который, в свою очередь, наравне с реальной действительностью или общепринятым представлением о реальности, становится инструментом социальной классификации, разделяя коммуникантов на общественные группы и классы. Что касается авторитета, то даже на уровне словарного определения очевиден его динамический, накопительный характер как формы общественного символического капитала: его можно *приобретать* и *терять*, *завоевывать* и *утрачивать*, *обладать* большим или меньшим его объемом, и т.п. [ССРЛЯ, 1991].

Итак, авторитет является формой символического капитала, приобретенного коммуникантом (индивидуальным либо коллективным, институционализированным) в результате предыдущих действий (как

реальных, так и дискурсивных). Последствия коммуникации, то есть физические и/или ментальные действия, совершаемые вследствие коммуникации, зависят во многом от фактора веры и взаимного доверия коммуникантов, и в ситуации неопределенности, которую мы находим на финансовых рынках, авторитет финансового аналитика подчас становится единственным ориентиром для осторожного и недоверчивого по природе своей инвестора.

В статье, посвященной авторитетности как коммуникативной категории, В. Б. Кашкин, в доказательство тезиса о наличии неравенства коммуникантов как исходной коммуникативной константы, приводит пример из своей преподавательской практики: на лекции студентам задается вопрос: «Кому из сказавших, что завтра занятия отменяются, вы больше поверите: декану, уборщице или случайно забежавшему в аудиторию школьнику?» [Кашкин, 2008]. Выбор в пользу декана в данной ситуации очевиден, и, казалось бы, по аналогии, задав инвестиционному сообществу вопрос о том, кому из аналитиков они больше доверяют: владельцу собственного прибыльного инвестиционного фонда, главе аналитического отдела ведущего инвестиционного банка или малоизвестному молодому блоггеру, мы получим предсказуемый ответ. Но не тут-то было. В более сложных социальных контекстах рейтинг доверия коммуникантов не столь прозрачен. Зачастую, у инвесторов нет возможности (ресурсов, времени и т.п.) оценивать аналитиков на основе их реальных (физических) действий и состояний: занимаемые аналитиками должности дублируются от банка к банку, следить за успехом инвестиционной деятельности аналитика – если она имеет место быть и информация о ней доступна – нет времени, а малоизвестные блоггеры в наше время в считанные дни становятся общепризнанными мировыми знаменитостями. Дискурсивная же деятельность аналитиков всегда находится в поле зрения инвесторов, и именно она лежит в основе признания авторитета за теми или иными авторами финансово-аналитических комментариев.

Как коммуникативная категория, или обязательная коммуникативная константа, играющая ведущую роль в достижении коммуникативного взаимодействия, авторитетность находит свое выражение, как правило, в межуровневых или надуровневых средствах языка, и весьма редко – в средствах явной грамматики. Ее можно усмотреть в категории вежливости, наиболее ярко, как указывают востоковеды, развитой в японском языке. В европейских языках категория авторитетности, как правило, выражается в дискурсивных маркерах типа вводных фраз, ссылок, вставных текстов, цитат, типа: *как считали еще античные философы; ...американские психологи пишут*, и т.п.. На настоящий момент лингвистами выделена целая группа метакоммуникативных маркеров авторитетности, включающая: словесные (коннотации внутри семантики

слова, словосочетания), фразовые (вводные предложения), текстовые (нарратив, позволяющий сделать вывод об авторитете источника), интертекстовые (ссылка на прецедентный текст), интонационные и фонетические (ударение), а также невербальные знаки авторитетности (корона, гербовая печать, подпись, логотип, et al).

В предыдущей статье выпуска № 42 «Язык. Сознание. Коммуникация» мы достаточно подробно остановились на лексических и стилистических средствах выражения категории авторитетности источника/сообщения [Сухорукова, 2010]. Однако, каким образом, помимо очевидного выражения посредством вышеуказанных парентез, на вербальном уровне маркируется авторитетность источника в случае, если перед нами *стилистически нейтральный письменный текст* (исключающий, по определению, интонационные и фонетические маркеры)? Как показывает проведенный нами анализ, наиболее распространенной формой выражения авторитетности в стилистически-нейтральных (или, как минимум, сдержанных) текстах финансово-аналитических сообщений является нарочитое усиление автором категоричности, прямолинейности своих высказываний, которое достигается, в свою очередь, рядом лексических и синтаксических средств.

Материалом для анализа послужили ежедневные комментарии британского финансового аналитика Д. Фуллера, основателя и ведущего автора базирующегося в Лондоне финансового аналитического агентства *Stockcube Research Limited* и владельца сайта *www.fullermoney.com*. Д. Фуллер и его агентство предлагают читателям несколько видов финансово-аналитических продуктов, а именно: нерегулярные тематические аналитические обзоры (например, обзор валютного рынка за какой-то период); «*Fullermoney*» – обзоры финансовых рынков средним объемом 50 тысяч знаков, выходящие один раз в два месяца; а также наиболее лаконичные из всех ежедневные комментарии о состоянии рынков «*Fullermoney Plus*» объемом в одну страницу формата А4 (около 4 – 5 тысяч знаков). Все выпускаемые агентством финансово-аналитические сообщения распространяются по платной электронной подписке, при этом подписчиком может стать любой желающий, готовый ежемесячно платить установленную комиссию. Однако, учитывая цену подписки и сложность излагаемого материала для неподготовленного читателя, целевую аудиторию Д. Фуллера составляют, в подавляющем большинстве, профессиональные участники финансовых рынков: частные и институциональные инвесторы, владельцы фондов, трейдеры и т.д.. Что же заставляет профессиональных инвесторов доверять именно Д. Фуллеру и его команде аналитиков, и, как следствие, тратить на финансово-аналитические комментарии «*Fullermoney*» деньги, и, что, возможно, еще дороже каждому занятому деловому человеку, время? Или, если посмотреть с другого ракурса, каким образом Д. Фуллер сумел зарабо-

тать авторитет в профессиональном сообществе? Может ли коммуникативная категория авторитетности раскрываться в «сухом» письменном тексте объемом в одну страницу? Чтобы ответить на эти вопросы, приведем полностью текст одного из выпусков «Fullermoney Plus: Global Strategy and Investment Trends by David Fuller» [Fullermoney Plus, Issue 210, 25 June 2003]:

THE EURO HAS PROBABLY SEEN MOST OF ITS CORRECTION

When the strongest market stops advancing, it often becomes the weakest for a while, even within primary trends. The reason is profit taking. Everyone in forex was long euros in May. Then after a strong run, the single currency encountered psychological resistance near \$1.20 and ¥140 against the dollar and yen. Warnings of currency-aggravated economic weakness within Euroland contributed to this month's correction. Also, the euro had strengthened prior to the ECB's widely anticipated 50 basis point rate cut on 5th June, and weakened shortly thereafter. Similarly, the dollar has firmed prior to today's expected rate cut by the Fed and may ease shortly after the decision, in another case of 'buy the rumour, sell the news'.

There is nothing to suggest that the euro's primary uptrend has ended. While the single currency's gains in April and May were strong, there was no climactic acceleration. More importantly, there have been no significant downward dynamics to date. The weekly euro/dollar chart shows three similar-sized upward steps, and the early-2003 correction was equal in size to the mid-2002 correction, although of shorter duration. Similar-sized corrections over an equal or exponentially shortening time frame are not uncommon with strong trends. Therefore the euro has probably seen most of its correction and it is also near potential support against the dollar, yen and sterling. I look for new highs against the first two in the next few months, as currency traders look beyond a modest economic recovery for the US and refocus on credit creation (printing money), Bernanke's earlier statement and the recent deflation-fighting comments of Koenig and Dolmas from the Dallas Fed – see www.fullermoney.com. Further MoF/BoJ intervention, if necessary, will prevent the yen from appreciating against the dollar. The euro is likely to see smaller gains against comparatively high-yielding sterling, but should at least test its May high. I hold sterling/yen, am repurchasing euro/yen and Swiss/yen, and may add other positions. Note: for clarity, I'll post more euro cross-rate charts on my website this evening.

Best regards – David Fuller²

Какие же доказательства нашего тезиса об использовании автором финансово-аналитических комментариев категоричности высказывания

² Мы не приводим здесь перевод всего текста, так как считаем это не релевантным для данной дискуссии. Большая часть фрагментов текста переведена ниже по ходу анализа. – Н.С.

с целью установления и продвижения собственного авторитета дает нам этот небольшой, менее 2000 печатных знаков, текст?

Посмотрим на организацию текста. Прежде всего, обращает на себя внимание простой синтаксис. Используются преимущественно короткие простые предложения. Создается впечатление, что автор уверенно констатирует факты, прямо и безапелляционно:

- *The reason is profit taking. (Причиной тому фиксирование прибыли. – здесь и далее перевод автора).*
- *Everyone in forex was long euros in May. (В мае все сидели в евро [держали длинную позицию в евро]).*

Высокая степень категоричности приведенных высказываний станет нам еще более заметна, если мы вспомним, что Д. Фуллер живет и работает в Великобритании и что для речевого поведения носителей именно британского варианта английского языка, как принято считать в современной лингвокультурологии, характерны уклончивость, иносказание (circumlocution), парафраза, расплывчатые смыслы (ambiguity), двусмысленность (double meaning, doublespeak, double talk), эвфемизация речи, недосказанность и недоговоренность (understatement) и их более узкая разновидность мейосис, ирония, сарказм [Филиппова, 2004]. Здесь ничего подобного мы не наблюдаем.

Обратим также внимание, что в первом абзаце простые предложения объединяются в синтаксическом параллелизме, одном из самых распространенных маркеров категории авторитетности в научном дискурсе [Болдырева, 2008]. Там синтаксический параллелизм – прием методический: он делает подачу материала более доступной для понимания (и, если необходимо, запоминания) реципиентами. Здесь Д. Фуллер использует параллелизм как в методических целях (как наставник, обучающий свою аудиторию), так и для того, чтобы подчеркнуть логичность своих рассуждений и неизбежность выводов касаясь развития событий в ближайшем будущем:

- *Warnings of currency-aggravated economic weakness within Euroland contributed to this month's correction.*
- *Also, the euro had strengthened prior to the ECB's widely anticipated 50 basis point rate cut on 5th June, and weakened shortly thereafter.*
- *Similarly, the dollar has firmed prior to today's expected rate cut by the Fed and may ease shortly after the decision.*
- (= *Признаки ослабления экономики Еврозоны, усугубленного укрепляющейся валютой, стали еще одной причиной коррекции рынка в этом месяце.*

- Кроме того, евро усилил свои позиции в преддверии ожидаемого всеми снижения ЕЦБ процентной ставки на 50 базисных пунктов, и ослаб сразу после.
- Аналогично, доллар укрепился в преддверии ожидаемого сегодня снижения ФРС процентной ставки и может понизиться сразу после принятия этого решения.

Встречающиеся в тексте сложноподчиненные предложения включают в себя придаточные времени, причины, следствия или уступки, раскрывая читателю способ рассуждения и логику повествования автора или же уточняя их:

- *When the strongest market stops advancing, it often becomes the weakest for a while...*(= Когда самый сильный рынок перестает расти, он часто на какое-то время становится самым слабым).
- *I look for new highs against the first two in the next few months, as currency traders look beyond a modest economic recovery for the US and re-focus on credit creation (printing money)...* (= Я ожидаю, что евро достигнет новых максимумов относительно первых двух [валют], так как валютные трейдеры будут игнорировать данные о незначительном восстановлении экономики США, и вновь сосредоточат внимание на денежной эмиссии (печатании денег)...)
- *While the single currency's gains in April and May were strong, there was no climactic acceleration.*(= Хотя укрепление единой валюты в апреле и мае было мощным, завершающего разгона не случилось.)

Для организации текста даже такого небольшого объема Д. Фуллер активно использует дискурсные маркеры типа: *Also, ...*(= Также...)/ *Similarly,...*(= Аналогично, ...)/ *More importantly,...*(= И что еще важнее, ...)/ *Note: ...*(= Обратите внимание: ...), а также *Therefore...* (= Следовательно/ Поэтому...) и *Further...* (Далее...), облегчающие читателю восприятие текста, помогающие, опять-таки, следить за логикой повествования и отмечать наиболее важные содержательные моменты. Д. Фуллер выступает в роли если не ментора, то более опытного и знающего коллеги по рынку, «разжевывающего» инвесторам и без того, казалось бы, несложный текст.

Единственная в составе текста парантеза: *... refocus on credit creation (printing money)...*(*вновь сосредоточат внимание на денежной эмиссии (печатании денег)...*), предельно лаконична (всего два слова) и поясняет далеко не самый сложный термин *credit creation* через общеупотребительную лексику (или, по классификации Т.Б. Назаровой, слова, принадлежащие уровню общего языка [Назарова, 2006]) – *печатание денег*.

Автор словно боится, что читатель может его не понять или истолковать неправильно, и на всякий случай разъясняет даже это.

Обучающие интонации «слышны» и в другом предложении: *Similar-sized corrections over an equal or exponentially shortening time frame are not uncommon with strong trends* (= *Коррекции одинаковой амплитуды, повторяющиеся через равные или экспоненциально сокращающиеся промежутки времени вполне типичны для сильного [рыночного] тренда*). Это предложение звучит как фраза из учебника по техническому анализу (пусть на сей раз и смягченная за счет словосочетания *are not uncommon*), как хрестоматийное высказывание, входящее в состав некоторой фундаментальной теоретической базы профессии. Отсылка к подобным очевидным профессиональным истинам – один из самых распространенных способов рационализации рассуждения и маркирования авторитетности источника сообщения в западном, картезианском по сути своей, обществе, выросшем на «Рассуждении о методе» Р. Декарта.

С той же целью, полагаем, Д. Фуллер в конце первого абзаца приводит профессиональную поговорку трейдеров: *«buy the rumour, sell the news»* (= *покупай на слухах, продавай на новостях*). Во-первых, это уже прописная истина торговли на фондовой бирже, апеллирующая к здравому смыслу, который, по выражению того же Декарта, «есть вещь, распределенная <среди людей> справедливее всего» [Декарт, 1989]. Во-вторых, оперируя подобными крылатыми выражениями, автор устанавливает с читателями более доверительные отношения, показывает, что он принадлежит с ними к одному кругу, а, как известно, всякий авторитет строится прежде всего на доверии.

На укрепление доверительных отношений направлено также высказывание в первом лице, открывающее читателям недавнюю персональную инвестиционную деятельность автора: *I hold sterling/yen, am repurchasing euro/yen and Swiss/yen, and may add other positions* (= *Я держу фунт против йены, снова покупаю евро против йены и швейцарский франк против йены, и могу добавить другие позиции*).

Уверенность же автора в том, что он имеет сообщить, очевидным образом проявляется в отрицательных предложениях, где отрицание ничем не смягчается, а дается в форме безоговорочного заявления: *there was no climactic acceleration. More importantly, there have been no significant downward dynamics to date.* (= *завершающего разгона не случилось. И что еще важнее, по настоящий момент не было никакого сколько-нибудь значимого нисходящего движения*).

Еще яснее уверенность автора в себе как в профессионале видна нам в предложении, где Д. Фуллер делает прогнозы относительно будущей ситуации на рынках: *Further MoF/BoJ intervention, if necessary, will pre-*

vent the yen from appreciating against the dollar (= Дальнейшие интервенции Министерства финансов и Банка Японии, в случае необходимости, не дадут иене укрепиться относительно доллара). Автор использует простое будущее время в изъявительном наклонении, никакой дополнительной вероятностной модальности – его прогноз грамматически оформлен как прямое заявление. Подобная категоричность характеризует автора как абсолютно убежденного в правильности своих расчетов, что, повторимся, в условиях тотальной неопределенности финансовых рынков дано немногим.

В других двух случаях, когда Д. Фуллер делает предсказания касательно будущего, смягчая высказывания, мы, тем не менее, наблюдаем весьма высокую степень вероятности, передаваемую посредством наречий *probably* (= скорее всего, вполне вероятно) и *at least* (= как минимум, в любом случае), и конструкции *to be likely to do something* (= скорее всего/ наиболее вероятно сделать что-то):

- *Therefore the euro has probably seen most of its correction and it is also near potential support against the dollar, yen and sterling.* (= Таким образом, евро, скорее всего, уже прошел большую часть своего коррекционного движения и находится вблизи уровней поддержки против доллара, иены и фунта стерлингов).
- *The euro is likely to see smaller gains against comparatively high-yielding sterling, but should at least test its May high.* (= Скорее всего, евро будет прибавлять совсем понемногу против сравнительно более высокодоходного фунта стерлингов, но, как минимум, должно достичь наивысших значений, показанных в мае).

Таким образом, приведенный выше подробный анализ всех составляющих текста подтверждает, что в финансово-аналитических комментариях подобного формата (то есть в лаконичных письменных сообщениях объемом не более 5 тысяч знаков или одной страницы формата А4) именно прямолинейность и категоричность являются основными средствами реализации коммуникативной категории авторитетности. При этом в языковом плане прямолинейность и категоричность выражаются синтаксически, лексически или на общетекстовом уровне посредством различных дискурсных маркеров.

Использование этих приемов организации дискурса позволяет автору финансово-аналитического комментария «Fullermoney Plus» Д. Фуллеру демонстрировать уверенность в собственном профессионализме, апеллировать к профессионализму аудитории и в то же время просвещать ее, а также устанавливать с читателями доверительные отношения, подчеркивая принадлежность к одному и тому же сообществу. В результате автору удастся транслировать собственный авторитет и

распространять этот авторитет на все продукты своей дискурсивной деятельности, что делает их востребованными среди целевой аудитории и, в конечном итоге, приносит автору и его финансово-аналитическому агентству реальные дивиденды.

Л и т е р а т у р а

1. *Bourdieu P.* Language and Symbolic Power. – Cambridge, 1991
2. *Fuller D.* Fullermoney Plus: Global Strategy and Investment Trends by David Fuller. Issue 210, 25 June 2003// www.fullermoney.com
3. *Болдырева А.А.* Авторитетность в научной коммуникации // Авторитетность и коммуникация (коллективная монография). Серия: Аспекты языка и коммуникации. Выпуск 4. – Воронеж, 2008.
4. *Декарт Р.* Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках: Соч. в 2 т. Т. 1 / Пер. Г.Г. Слюсарева. – М., 1989.
5. *Кашкин В.Б.* Авторитетность как коммуникативная категория // Авторитетность и коммуникация [коллективная монография]. Серия: Аспекты языка и коммуникации. Выпуск 4. – Воронеж, 2008.
6. *Назарова Т.Б., Кузнецова Ю.Н., Преснухина И.А.* Словарный состав английского языка делового общения: Спецкурс под редакцией проф. Т.Б. Назаровой – М., 2006.
7. Словарь современного русского литературного языка. В 20 тт. / Гл. ред. *К.С. Горбачевич*. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1991.
8. *Сухорукова Н.И.* Лексические маркеры авторитетности источника сообщения в специализированном финансовом дискурсе // Язык. Сознание. Коммуникация. Выпуск 42. – М., 2010.
9. *Филиппова М.М.* Выражение косвенного содержания в английском языке и литературе // Язык. Сознание. Коммуникация. Выпуск 25. – М., 2004.

Языковые средства создания образа английского чудака (на материале произведения П.Г. Вудхауса «Положитесь на Псмита»)

© *Е.В. Кобелева, 2011*

В жизни люди бывают по-разному глупыми. В сочетании с другими качествами человека глупость может дать бездну вариантов характеров, одним из которых является чудака.

Чудаки являются разновидностью обширного сообщества дураков – людей, выделяемых в отдельный класс на основе характеристики человека не только по интеллектуальным, умственным способностям, но и обладающих определенными свойствами.

Объектом оценки при такой характеристике является модель поведения человека, характер его рассуждений, правильность его умозаключений и выводов, т.е. способность человека к дискурсивному мышлению. Как правило, действия, поступки, логику принятия решений при выполнении субъектом того или иного вида целенаправленной деятельности оценивает не сам человек, а окружающие его люди. Делается это исходя из принятых в обществе стандартов поведения – своего рода точки отсчета, по отношению к которой устанавливаются приемлемые и неприемлемые отклонения от нормы, а также исходя из представлений наблюдателя относительно того, как нужно и должно было вести себя человеку в той или иной ситуации. «В сознании рядового обывателя 'дурак' – это человек 'comme il ne faut pas' в противоположность человеку 'comme il faut'. Человек 'comme il faut' – это человек, который действует в соответствии с социальными стереотипами, все делает 'как надо, как следует, как полагается, надлежит, подобает, как должно и можно'. С точки зрения житейской мудрости, такие люди считаются умными, поступающими умно, т.е. правильно, как надо. Те, кто не имеет качеств людей 'comme il faut', нарушает социальные запреты, поступает 'как не надо, не следует, не полагается, не надлежит, нельзя' относятся к разряду людей 'comme il ne faut pas'. Именно о таких людях говорят, что они ведут себя как дураки» [2: 370].

Чудака также является человеком 'comme il ne faut pas', т.е. дураком, но дураком особенным.

Вот, например, какое определение чудакам дает М.И. Пыляев в своей книге «Замечательные чудаки и оригиналы», написанной в 1898 году: «В обыкновенной жизни чудака есть человек, отличающийся не характером, не нравом, не понятиями, а странностью своих личных при-

вычек, образа жизни, прихотями, наружным видом и проч. Он одевается, он ест и пьет, он ходит не так, как другие, он не характер, а исключение. Замечательно, что в простом сословии, близком к природе, редко встречаются чудачки, там все растут, воспитываются, чувствуют, мыслят и действуют, как внушила им природа или пример других, но с образованием начинаются причуды, и чем оно выше у народа, тем чаще и разнообразнее являются чудачки. В старину, даже не более пятидесяти лет тому назад, было гораздо более людей странных, с резкими особенностями, оригиналов и чудачков всякого рода, чем теперь. Такое явление понятно, причудливость есть следствие произвольности в жизни, и чем более произвольность господствует в нестройном еще обществе, тем более она порождает личных аномалий» [3: 4].

И все-таки, несмотря на то, что русским чудачкам автором посвящена целая книга, ни в русской национальной культуре, как, впрочем, и ни в какой другой, чудак не занимает того особого места, какое ему отведено англичанами. Американский философ Джордж Сантаяна (George Santayana) однажды описал Англию как 'a paradise of individuality, eccentricity, heresy, anomalies, hobbies and humours', что в переводе на русский означает 'рай индивидуальности, эксцентричности, ереси, аномалий, хобби и юмора' [6: 118]. Потому совсем не случайно Тони Торн (Tony Thorne) включил слово 'eccentric' – 'чудак' в свою книгу «The 100 Words that Make the English». Автор пишет, что обычно рассматриваемая и самими англичанами как определяющая их характеристика, 'eccentricity' - 'эксцентричность, странность, оригинальность' появилась в языке около 1550 как геометрический термин.

Пришло оно в английский язык через латынь от греческого *ek-kentros* – 'out of the centre' - 'из центра'. Столетие спустя оно приобрело смысл 'девиантное или странное' поведение.

'Eccentric' в качестве прилагательного, описывающего капризность и странность (чудаковатость) появилось в 1630, а как существительное, обозначающее сектанта или человека с причудами, оно было впервые зарегистрировано лишь в 1831.

Почему же эксцентрик (чудак) является столь значимой, если не сказать знаковой, фигурой в английской культуре и без которой не было бы знаменитого на весь мир английского юмора? Ответ на этот вопрос можно найти в книге В. Карасик и Е. Ярмаховой, посвященной английскому чудачку «Лингвокультурный типаж "английский чудак"»: «Признавая за другими людьми право вести себя так, как они считают естественным, англичане очень терпимо относятся к чудачкам. Это отражено в английском языковом сознании и поведении, в английской культуре в целом и в литературе в частности... Отношение к чудачкам(людям, ведущим себя эксцентрично) в английской культуре отличается высокой

степень толерантности и детально отражено в английской литературе. Феномен чудака отражается как в фольклоре, так и в авторских художественных текстах. Поскольку чудачество вызывает у остальных людей улыбку, большей частью чудачки представлены в виде комических персонажей, для которых поведение, воспринимаемое другими как нонсенс, является нормальным компонентом жизни... Чудаков считают большими детьми, увлеченными своей игрой и не причиняющими вреда остальным людям. Увлеченность своим занятием, каким бы странным оно ни казалось окружающим, наполняет жизнь чудаков смыслом и делает их счастливыми... Существенной характеристикой чудака является признак "неопасный", который и определяет юмористическую тональность отношения к нему... Английские чудачки с их детской открытостью и увлеченностью делают жизнь веселее». [1: 103, 106, 215]. «Наша страна всегда была страной чудаков, ими кишмя кишит английская литература прошлого, где они служат источником неиссякаемого веселья, которое нам облегчает душу», – приводят авторы мнение Д. Пристли [1: 93].

Цель данной работы – показать, какие языковые средства используются для создания образа английского чудака. Анализ произведен на основе текста произведения П.Г. Вудхауса (P.G. Woodhouse) «Положитесь на Псмита» («Leave It to Psmith»).

Определим еще раз, кто такой эксцентрик. Для этого используем определение, приводимое В. Карасиком и Е. Ярмаховой в своей работе: «Эксцентричность можно определить только относительно. Эксцентриком можно назвать человека, чье поведение, взгляды и/или хобби отличаются в значительной мере от принятых норм в обществе, однако во всем остальном такой человек вполне нормален. Он (или она) воспринимается как личность странная, необычная, нетрадиционная, сумасбродная... так называемые чудачки, или эксцентричные личности, ведут себя так потому, что просто не обращают внимания на мнение окружающих и социальные условности...» Итак, чудак – это тот, кто ведет себя странно только в определенных обстоятельствах, а во всем остальном не выделяется из общей массы... Этот типаж отличается нестандартным поведением с точки зрения обычных людей, социальной неловкостью (socially awkward people)» [1: 109, 110, 117], т.е. такой человек чудаковат не по природе своей, а лишь в некоторых ситуациях – таким людям гораздо естественнее общаться с предметом своего увлечения, чем с обычными людьми в обычных ситуациях.

Далее воспользуемся характеристиками чудака, выделяемыми теми же авторами, для чего распределим их по группам, проиллюстрируем каждую из них примерами из текста и выделим языковые средства, используемые Вудхаусом для изображения эксцентричности и комич-

ности своего героя.

Одним из центральных персонажей произведения является лорд Эмсуорт, страстный любитель штокроз. На протяжении всего романа он возмущается поведением своего старшего садовника Ангуса Макаллистера. «Вкратце суть их спора такова: Ангус Макаллистер, цепляясь за старшесадовнические понятия о красоте и гармонии, даже слышать не желал про широкий внешний лепесток. Цветку штокрозы, по утверждению Ангуса Макаллистера, полагалось быть тугим и округлым, как мундир генерал-майора. Лорд же Эмсуорт считал подобную точку зрения недопустимо узкой и требовал свободы для раскрытия самой высокой, самой истинной красоты штокроз. Вольно раскинувшиеся внутренние лепестки, по его убеждению, обещали удивительную игру и яркость красок, а широкий внешний лепесток с чуть гофрированной поверхностью и изящно вырезанным краем... Короче говоря, лорд Эмсуорт предпочитал расхристанные штокрозы, а Ангус Макаллистер – плотно собранные. В результате разразилась ожесточенная война, и его сиятельство вынужден был капитулировать» [5: 107].

Итак, лорд Эмсуорт – ярко выраженный типичный чудака. Поэтому, он и будет главной анализируемой фигурой в данной работе.

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНГЛИЙСКОГО ЧУДАКА

I. Внешний вид и социальное положение английского чудака

1) это высокий худой джентльмен¹

a) Lord Emsworth was tall and lean and scraggy.

b) Looking up, he (Psmith) perceived a long, thin, elderly gentleman (Lord Emsworth) of pleasantly vague aspect, who immediately began to apologise.

2) это обычно старый джентльмен; подчеркнуто несовременный человек

a) A writer, describing Blandings Castle in a magazine article, had once said: 'Tiny mosses have grown in the cavities of the stones, until, viewed near at hand, the place seems shaggy with vegetation'. It would not have been a bad description of the proprietor. Fifty-odd years of serene and unruffled placidity had given Lord Emsworth a curiously moss-covered look.

3) это праздная, титулованная особа; человек с достатком или высоко-

¹ Несмотря на то, что мистер Пиквик, самый известный английский чудака, был толстяком, тем не менее некоторые люди представляют себе английского чудака именно так: "Когда я думаю об английском чудаке, я представляю себе высокого худого джентльмена..."

[1: 207]

ким происхождением; знатный и богатый человек; аристократ

a) The titles of Lord Emsworth – lord, earl, peer

b) 'Let me, my dear fellow', said Lord Emsworth, writhing down into the depths of his chair like *an aristocratic snake* until his spine rested snugly against the leather', let me describe for you the Yew Alley at Blandings.

4) его место в библиотеке, среди старинных фолиантов

a) At the open window of the great library of Blandings Castle, drooping like a wet sock, as was his habit when he had nothing to prop his spine against, the Earl of Emsworth, that amiable and boneheaded peer, stood gazing out over his domain.

II. Черты характера английского чудака

1) он добр, обладает чувством юмора и получает от жизни максимум удовольствия

a) He was normally as happy as only a fluffy-minded man with excellent health and a large income can be.

b) Very few things had the power to disturb him.

c) The customary attitude of the Earl of Emsworth towards all mundane affairs was one of vague detachment...

d) Lord Emsworth had not allowed lack of vision to interfere with his enjoyment of the proceedings. And, unlike Mr McTodd, he had been enjoying himself very much.

e) Lord Emsworth, in a train moving in the direction of home, was behaving like a horse heading for his stable. He snorted eagerly, and spoke at length and with emotion of roses and herbaceous borders.

2) это очень вежливый и чопорный; он свято чтит фамильные традиции

a) He (Psmith) was tearing himself from his day-dreams in order to wrestle with a mutton chop, when a foreign body (Lord Emsworth) shot into his orbit and blundered heavily against the table. Looking up, he perceived a long, thin, elderly gentleman of pleasantly vague aspect, who immediately began to apologise.

'My dear sir, I am extremely sorry. I trust I have caused no damage'.

'None whatever', replied Psmith courteously.

'The fact is, I have mislaid my glasses. Blind as a bat without them. Can't see where I'm going'.

b) 'Of course, it is all right as it has turned out', said Lord Emsworth handsomely. 'As I say, you're different. And how you came to write that...that...'

'Bilge?' suggested Psmith.

'The very word I was about to employ, my dear fellow...No, no, I don't

mean that...I-I...Capital stuff, no doubt, capital stuff...but...'

'I understand'.

'Constance tried to make me read the things, but I couldn't. I fell asleep over them'.

'I hope you rested well'.

'I-er-the fact is, I suppose they were beyond me. I couldn't see any sense in the things'.

'If you would care to have another pop at them', said Psmith agreeably, 'I have a complete set in my bag'.

'No, no, my dear fellow, thank you very much, thank you a thousand times. I-er-find that reading in the train tries my eyes'.

'Ah! You would prefer that I read them aloud?'

'No, no'. A look of hunted alarm came into his lordship's speaking countenance at the suggestion. 'As a matter of fact, I generally take a short nap at the beginning of a railway journey. I find it refreshing and-er-in short, refreshing. You will excuse me?'

'If you think you can get to sleep all right without the aid of my poems, certainly'.

'You won't think me rude?'

'Not at all, not at all. By the way, am I likely to meet any old friends at Blandings?'

'Eh? Oh no. There will be nobody but ourselves. Except my sister and Miss Peave of course. You said you had not met Miss Peavey, I think?'

'I have not had that pleasure. I am, of course, looking forward to it with the utmost keenness'.

Lord Emsworth eyed him for a moment, astonished, then concluded the conversation by closing his eyes defensively.

c) ... Lord Emsworth, though occasionally a little vague, was keenly alive to the ancient traditions of his family regarding hospitality.

3) он забавен, безобиден, ворчлив и иногда докучлив

Freddie's departure had the effect of breaking a spell. Lord Emsworth, who had been standing perfectly still with vacant eyes, like a dog listening to a noise a long way off, came to life with a jerk. 'I'm going to have a look at my flowers', he announced.

'Don't be silly, Clarence', said his sister. 'It's much too dark to see flowers'.

'I could smell 'em', retorted his lordship argumentatively. It seemed as if the party must break up, for already his lordship had begun to potter off, when a new-comer arrived to solidify it again.

4) его навязчивые идеи могут раздражать окружающих, но он сам абсолютно счастлив в мире своих фантазий; ему гораздо интереснее

свой собственный мир (свое странное хобби), чем окружающая среда

a) A temperamental young man was Ralston McTodd. He liked to be the centre of the picture, to do the talking, to air his views, to be listened to respectfully and with interest by a submissive audience. At the meal which had just concluded none of these reasonable demands had been permitted to him. From the very beginning, Lord Emsworth had collared the conversation and held it with a gentle, bleating persistency against assaults. Five times had Mr McTodd almost succeeded in launching one of his best epigrams, only to see it swept away on the tossing flood of a lecture on hollyhocks. At the sixth attempt he had managed to get it out, complete and sparkling, and the old ass opposite him had taken it in his stride like a hurdle and gone galloping off about the mental and moral defects of a creature named Angus McAllister, who appeared to be his head gardener or something of the kind.

b) 'Blast him!' muttered Mr McTodd with indescribable virulence.

Psmith eyed him inquiringly. 'Correct me if I am wrong', he said, 'but I seem to detect in your manner a certain half-veiled annoyance. Is anything the matter?'

Mr McTodd barked bitterly. 'Oh, no. Nothing's the matter. Nothing whatever, except that that old beaver -' - here he wronged Lord Emsworth, who, whatever his faults, was not a bearded man - 'that old beaver invited me to lunch, talked all the time about his infernal flowers, never let me get a word in edgeways, hadn't the common civility to offer me a cigar, and now has gone off without a word of apology and buried himself in that shop over the way. I've never been so insulted in my life!' raved Mr McTodd.

'Scarcely the perfect host', admitted Psmith.

'And if he thinks', said Mr McTodd, rising, 'that I'm going to go and stay with him at his beastly castle after this, he's mistaken. I'm supposed to go down there with him this evening. And perhaps the old fossil thinks I will! After this!' A horrid laugh rolled up from Mr McTodd's interior. 'Likely! I see myself! After being insulted like this... Would you?' he demanded.

Psmith gave the matter thought. 'I'm inclined to think no'.

'And so am I damned well inclined to think no!' cried Mr McTodd. 'I'm going away now, this very minute. And if that old total loss ever comes back, you can tell him he's seen the last of me'. And Ralston McTodd, his blood boiling with justifiable indignation and pique to a degree dangerous on such a warm day, stalked off towards the door with a hard, set face.

5) он упрям и не желает менять свой странный образ жизни

a) Not for the first time since they had become associated, a mad feeling of irritation at his employer's woolly persistence flared up in Rupert Baxter's bosom. The old ass was always pottering about asking questions.

b) His (Lord Emsworth's) irritability had vanished like the dew off one of

his roses. 'Thank you, Baxter, thank you. You are invaluable'. And with a radiant smile Lord Emsworth made buoyantly for the door, en route for God's air and the society of McAllister. The movement drew from Baxter another cough – a sharp, peremptory cough this time; and his lordship paused, reluctantly, like a dog whistled back from the chase. A cloud fell over the sunniness of his mood.

'You have perhaps forgotten, Lord Emsworth, that you arranged with Lady Constance to go to London this afternoon'. 'Go to London!' gasped Lord Emsworth, appalled. 'In weather like this? With a thousand things to attend to in the garden? What a perfectly preposterous notion! Why should I go to London? I hate London'.

б) он желает только того, чтобы его оставили в покое и не мешали заниматься любимым делом

Lord Emsworth left everything to Baxter, only asking to be allowed to potter in peace.

7) он рассеян, забывчив

a) 'Baxter, my dear fellow, I've lost my glasses. My glasses. I have mislaid them. I cannot think where they can have gone to. You haven't seen them anywhere by any chance?'

'Yes, Lord Emsworth', replied the secretary, quietly equal to the crisis. 'They are hanging down your back'. 'Down my back? Why, bless my soul!' His lordship tested the statement and found it – like all Baxter's statements – accurate. 'Why, bless my soul, so they are! Do you know, Baxter, I really believe I must be growing absent-minded'.

b) Lord Emsworth looked up from the seed catalogue in which he was immersed. For some time past his enjoyment of the meal had been marred by a vague sense of something missing, and now he knew what it was. 'Coffee!' he said, not violently, but in the voice of a good man oppressed. 'I want coffee. Why have I no coffee? Constance, my dear, I should have coffee. Why have I none?' 'I'm sure I gave you some', said Lady Constance, brightly presiding over the beverages at the other end of the table.

'Then where is it?' demanded his lordship clinchingly. Baxter – almost regretfully, it seemed – gave the egg a clean bill of health, and turned in his able way to cope with this domestic problem. 'Your coffee is behind the catalogue you are reading, Lord Emsworth. You propped the catalogue against your cup'. 'Did I? Did I? Why, so I did! Bless my soul!' His lordship, relieved, took an invigorating sip. 'What were you saying just then, my dear fellow?'

c) 'Is Mr McTodd a poet?' said Eve, her heart beating.

'Eh? Oh yes, yes. There seems to be no doubt about that. A Canadian poet. Apparently they have poets out there. And', demanded his lordship, ever

a fair-minded man, 'why not? A remarkably growing country. I was there in the year '98. Or was it', he added, thoughtfully passing a muddy hand over his chin and leaving a rich brown stain, ' '99? I forget. My memory isn't good for dates...If you will excuse me, Miss – Miss Halliday, of course – if you will excuse me, I must be leaving you. I have to see McAllister, my head gardener.'

8) он фанатично увлечен чем-л.; это жертва какой-либо одной страсти

В связи с этим пунктом, помимо лорда Эмсуорта, помешанного на своих штокрозах, уместно упомянуть еще одного персонажа, который фигурирует в романе лишь косвенно, но настолько соответствует данной характеристике, что обойти его вниманием просто невозможно. Это – дядя Псмита, рыбный магнат. Вот что говорит о нем сам Псмит:

a) 'Yes, owing to a financial upheaval in my branch of the family, I was until this morning at the beck and call of an uncle who unfortunately happens to be a Mackerel Monarch or a Sardine Sultan, or whatever these merchant princes are called who rule the fish market. He insisted on my going into the business to learn it from the bottom up, thinking, no doubt, that I would follow in his footsteps and eventually work my way to the position of a Whitebait Wizard. Alas! he was too sanguine. It was not to be', said Psmith solemnly, fixing an owl-like gaze on Miss Clarkson through his eye glass... 'Last night I was obliged to inform him that the fish business was all right, but it wouldn't do, and that I proposed to sever my connection with the firm for ever. I may say at once that there ensued something in the nature of a family earthquake. Hard words', sighed Psmith. 'Black looks. Unseemly wrangle. And the upshot of it all was that my uncle washed his hands of me and drove me forth into the great world. Hence my anxiety to find employment. My uncle has definitely withdrawn his countenance from me...'

b) 'Yes. He is a hard man, and he judges his fellows solely by their devotion to fish. I never in my life met a man so wrapped up in a subject. For years he has been practically a monomaniac on the subject of fish. So much so that he actually looks like one. It is as if he had taken one of those auto-suggestion courses and had kept saying to himself, "Every day, in every way, I grow more and more like a fish". His closest friends can hardly tell now whether he more nearly resembles a halibut or a cod...'

c) 'I cannot understand this enthusiasm for fish. My uncle used to talk about an unusually large catch of pilchards in Cornwall in much the same awed way as a right-minded curate would talk about the spiritual excellence of his bishop.'

III. Поведенческая характеристика английского чудака

1) он ведет себя как ребенок, увлеченно играющий в свою игру, и

ЭТИМ СЧАСТЛИВ

The lower smoking-room at the Senior Conservative Club is on the street level, and Lord Emsworth's chair faced the large window. Through this, as he raised his now spectacled face, he perceived for the first time that among the row of shops on the opposite side of the road was a jaunty new florist's. It had not been there at his last visit to the metropolis, and he stared at it raptly, as a small boy would stare at a saucer of ice-cream if such a thing had suddenly descended from heaven immediately in front of him. And, like a small boy in such a situation, he had eyes for nothing else. He did not look at his guest. Indeed, in the ecstasy of his discovery, he had completely forgotten that he had a guest. Any flower shop, however small, was a magnet to the Earl of Emsworth. And this was a particularly spacious and arresting flower shop. Its window was gay with summer blooms. And Lord Emsworth, slowly rising from his chair, 'pointed' like a dog that sees a pheasant. 'Bless my soul!' he murmured.

2) у него странная, необычная походка; нелепые движения

a) You would not have suspected Lord Emsworth, from a casual glance, of having within him the ability to move rapidly; but it is a fact that he was out of the smoking-room and skimming down the front steps of the club before Mr McTodd's jaw, which had fallen at the spectacle of his host bounding out of his horizon of vision like a jack-rabbit, had time to hitch itself up again. A moment later, Mr McTodd, happening to direct his gaze out of the window, saw him whiz across the road and vanish into the florist's shop.

b) made buoyantly for the door

c) Lord Emsworth had toddled down

d) hopped out of bed and trotted to the window

e) trotted out on to the landing

f) Being awake, Lord Emsworth, as always when he was awake, had begun to potter

g) Lord Emsworth pattered out from the bushes with a rake in his hand

h) he was yearning to pop out and potter among the flowers he loved

IV. Речевая характеристика английского чудака

1) время от времени он разговаривает сам с собой, что-то комментирует

The elderly gentleman (Lord Emsworth) started vaguely at the sound of the cough.

'Eh?' he said, as if in answer to some spoken remark. 'Oh, yes, quite so, quite so, my dear fellow. Mustn't stop here chatting, eh? Had to apologise, though. Nearly upset this gentleman's table. Can't see where I'm going without my glasses. Blind as a bat. Eh? What? Quite so, quite so?' He ambled off, doddering cheerfully, while his companion still preserved his look of sulky

aloofness.

2) он может без усталости часами говорить на свою любимую тему

a) The only thing that disturbed the magic hush was the fluting voice of Lord Emsworth, on whom the spectacle of his beloved property had acted as an immediate stimulant. Unlike his son Freddie, who sat silent in his corner wrestling with his hopes and fears, Lord Emsworth had plunged into a perfect Niagara of speech the moment the car entered the park. In a high tenor voice, and with wide, excited gestures, he pointed out to Psmith oaks with a history and rhododendrons with a past: his conversation as they drew near the castle and came in sight of the flower-beds taking on an almost lyrical note and becoming a sort of anthem of gladness, through which, like some theme in the minor, ran a series of opprobrious observations on the subject of Angus McAllister.

b) Lord Emsworth droned on.

3) в силу своей рассеянности и забывчивости он часто переспрашивает одно и то же

'The car will be at the door', said Baxter with quiet firmness, 'at two sharp'.

'Car? What car?'

'The car to take you to the station'.

'Station? What station?'

Rupert Baxter preserved his calm. There were times when he found his employer a little trying, but he never showed it.

V. Умственные способности английского чудака

a) boneheaded peer

b) a fluffy-minded man

c) old total loss

d) old ass

e) woolly persistence

f) in a dazed and woolly manner

g) 'Can't stand literary fellows', proceeded his lordship. 'Never could. And, by Jove, literary females are worse. Miss Peavey...' Here words temporarily failed the owner of Blandings. 'Miss Peavey...' he resumed after an eloquent pause. 'Who is Miss Peavey?'

'My dear Clarence', replied Lady Constance tolerantly, for the fine morning had made her mild and amiable, 'if you do not know that Aileen is one of the leading poetesses of the younger school, you must be very ignorant'.

h) Lord Emsworth looked at him (Psmith) a little perplexedly, and wondered if he had caught the last remark correctly. But his mind had never been designed for the purpose of dwelling closely on problems for any length of

time, and he let it go.

i) The ability to sleep soundly and deeply is the prerogative, as has been pointed out earlier in this straightforward narrative of the simple home-life of the English upper classes, of those who do not think quickly. The Earl of Emsworth, who had not thought quickly since the occasion in the summer of 1874 when he had heard his father's footsteps approaching the stable-loft in which he, a lad of fifteen, sat smoking his first cigar, was an excellent sleeper.

При создании образа английского чудака в лице лорда Эмсуорта автор, как правило, прибегает к ироническому плану повествования, что делает данный роман своего рода сатирой на высший свет английского общества. «В сатирическом произведении, где объект подвергается осмеянию и разоблачению, психологическая индивидуализация может уступать место характеристике действием, авторской оценке, оценке другим героем, наконец, меткому речевому самоприговору» [4: 148].

Глупость и ограниченность лорда Эмсуорта раскрываются уже с первого его появления, даже в его наружности – like his castle Lord Emsworth seemed shaggy with vegetation; he had a curiously moss-covered look; an elderly gentleman of pleasantly vague aspect; drooping like a wet sock, the Earl of Emsworth, that amiable and boneheaded peer, stood gazing out over his domain; a fluffy-minded man with excellent health and a large income.

Это сочетание здоровья с тупостью еще более обнаруживаются, как только он начинает двигаться и говорить. Автор дает довольно полное представление о характере героя через его речевую манеру. В речи лорда Эмсуорта отражается все его существо, а именно:

а) лорд Эмсуорт – безобидный дурак, человек, не блещущий умом, недалекий человек, поэтому в его речи отсутствуют какие-либо логические рассуждения, зато она изобилует различными междо-метиями – eh; er; ah; oh.

б) необычайно рассеян и забывчив, поэтому его речь порой состоит из кратких риторических вопросов; удивляется сам себе – Mustn't stop here chatting, eh?; Eh? What? Quite so, quite so?; Did I? Did I?; Down my back?

в) очень мягкий, вежливый человек, поэтому при обращении к собеседнику постоянно употребляет слово 'dear' и выражение 'excuse me' – my dear fellow; Constance, my dear; if you will excuse me...

Хотя речевая манера героя дает читателю достаточное представление о характере лорда Эмсуорта, писатель ею не ограничивается и дополнительно раскрывает облик своего чудака в его поведении и поступках. Для этого Вудхаус употребляет глаголы, динамическая функция которых абсолютно не соответствует возрасту и положению лорда Эм-

суорта. Во многом благодаря им и достигается комический эффект при описании его поведения:

to toddle (down) – to walk with short unsteady steps, as a small child does
– ковылять

to trot (out; to) – to move at the speed of a trot – пускаться(ся) рысью

to potter (out; among) – to spend time moving about a place slowly doing unimportant activities that need little effort – бесцельно тратить время

to pop (out) – to move quickly or suddenly away from a surface; spring – внезапно удалиться, отправиться

to hop (out) – to jump; to jump on one leg – прыгать, скакать на одной ноге (выпрыгивать)

to whiz (across) – to move very fast, often making a noisy sound as if rushing through the air – просвистеть, пронестись со свистом

to skim (down) – to move quickly along a course near or touching (a surface) – едва касаться, нестись

Также, как было указано выше, немаловажную роль при создании образа героя в сатирическом произведении играют авторская оценка и оценка другими героями. Поэтому, необходимо рассмотреть, каким предстает лорд Эмсуорт в глазах окружающих его людей.

VI. Оценка его другими героями

1) его родственниками, в частности, сестрой Констанцией - особой властной и волевой:

ridiculous; very ignorant; silly

2) его слугами, в частности секретарем Рупертом Бакстером, который мало-помалу, благодаря бесхребетной покладистости своего патрона, стал истинным хозяином замка:

the old ass

3) посторонними лицами

а) канадским поэтом Ролстоном Мактоддом:

the old fossil; that old total loss; that old beaver

б) мисс Халлидей, девушкой приехавшей каталогизировать библиотеку лорда:

dreamy and absent-minded; potters about the garden all the time

Итак, и сестра, которая наслаждается его рассеянностью, и секретарь, который имеет прискорбную тенденцию допекать своего патрона, и самовлюбленный поэт, и самая обыкновенная девушка, все в своей характеристике дают довольно низкую оценку умственным способностям лорда Эмсуорта, что еще раз доказывает то, что чудак в глазах окружающих, – это, в первую очередь, – человек глупый и странный, т.е. странный дурак.

Сам же лорд Эмсуорт наслаждается своим бытием в полной мере и получает от жизни максимум удовольствия. Его не особо волнует мнение окружающих о своих умственных способностях. Для него главное – находиться в своем саду среди своих цветов, а не выглядеть в глазах окружающих невежливым и негостеприимным. Более того, в силу ограниченности своих умственных способностей, он просто-напросто не способен давать себе какую-либо критическую самооценку. Единственно на что он способен, это лишь извиниться за то, что он без очков ничего не видит (*blind as a bat without my glasses*), да еще сообщить окружающим извиняющимся тоном о своей рассеянности и забывчивости (*I really believe I must be growing absent-minded; My memory isn't good for dates...*).

Что касается авторской оценки, то она полностью совпадает с оценкой других героев (*boneheaded, fluffly-minded*) и выражается с помощью различных языковых средств. Этим языковым средствам, используемым Вудхаусом для выражения чудачества своего героя, следует уделить особое внимание, так как именно с их помощью достигается комический эффект, помогающий автору высмеивать человеческую глупость. Рассмотрим эти языковые средства более подробно.

В корпусе проанализированного материала отчетливо выделяются следующие стилистические приемы, через которые и создается образ чудака:

1) сравнительные конструкции с животными:

... like an aristocratic snake

... was behaving like a horse heading for his stable

... paused, reluctantly, like a dog whistled back from the chase

... slowly rising from his chair, 'pointed' like a dog that sees a pheasant

... standing perfectly still with vacant eyes like a dog listening to a noise a long way off

... bounding out like a jack-rabbit

... blind as a bat

2) искусное употребление слова 'old' в качестве своеобразного усилителя при употреблении инвектив:

... that *old* beaver

... the *old* fossil

... that *old* total loss

... the *old* ass

3) слова, используемые обычно для описания животных:

... *bleating* persistency

... the place seems *shaggy* with vegetation

... *beastly* castle

- 4) использование многочисленных метафор
- а) метафоры, обозначающие человеческую глупость:
- ... boneheaded peer
 - ... a fluffy-minded man
 - ... the old ass
 - ... woolly persistence
- б) другие метафоры:
- ... had plunged into a perfect Niagara of speech
 - ... a curiously moss-covered look
 - ... vacant eyes
 - ... vague detachment
 - ... the fluting voice
 - ... any flower shop was a magnet to the Earl of Emsworth
 - ... a cloud fell over the sunniness of his mood

5) приведенные выше глаголы, обозначающие действия, несоответствующие его возрасту и положению – to toddle down, to trot out/to, to potter out/among, to pop out, to hop out, to whiz across, to skim down

Л и т е р а т у р а

- [1] Карасик В., Ярмахова Е. Лингвокультурный типаж "английский чудаки". М., 2006.
- [2] Чернова С.В. Слова типа *дурак, балбес, идиот...* как дающие оценку модели поведения человека. Сб.: Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры. М. – Кострома, 2006.
- [3] Пыляев М.И. Замечательные чудаки и оригиналы. М., 2007.
- [4] Пустовойт П.Г. Слово, стиль, образ. М., 1965.
- [5] Вудхаус П.Г. Положитесь на Псмита. М., 2010.
- [6] Thorne T. The 100 Words that Make the English.
- [7] Wodehouse P.G. Leave It To Psmith.

ЛИНГВОСТИЛИСТИКА

Стиль проповедей Джона Донна

© кандидат филологических наук М.А. Бурмистрова, 2011

Интеллектуальные конфликты и изменяющиеся направления мнений в XVI-XVII веках более четко представлены в прозе этого периода, нежели в поэзии. Всевозможные памфлеты, религиозные споры, политические и литературные теории расцветают как никогда, в результате чего приходится иметь дело с разнообразной прозой, которую с трудом можно назвать «литературой», но которая дает представление о состоянии английской прозы того периода. В это разнообразие входили религиозные произведения, проповеди, переводы, хроники, биографии, описания современных событий, художественная литература. Два значимых события можно выделить в большинстве работ той эпохи: во-первых, прорыв разговорной речи с ее энергией в письменное слово, и, во-вторых, осознанная попытка сформировать художественный стиль английской прозы. Обе эти тенденции зачастую можно найти в одном и том же произведении.

Интересно, что среди произведений, опубликованных между 1600-1660 годами, наибольшей популярностью пользовались проповеди. И пуритане, и англиканцы подчеркивали важность проповеди, что в Елизаветинский период было чрезвычайно сомнительно (поскольку проповедующие пуритане часто воспринимались как угроза для Елизаветинского правления), но во время правления Якова I и Карла I считалось назидательным и пояснительным. Проповедь сочетала в себе познания в таких областях, как риторика, логика, теология, лингвистика. Разнообразие стилей и манер было огромным – от возбуждения эмоций страстными и гротескными образами до *explication de texte*. Популярная традиция яркого и страстного призыва сочеталась с ученой традицией пронаительного комментария.

Среди выдающихся проповедников того времени (Ланселот Эндрюс, Джереми Тейлор), чья слава возродилась в наше время благодаря Т.С. Элиоту, одним из самых ярких явлений стал Джон Донн.

Джон Донн в первую очередь был поэтом. В английской литературе он занимает и будет занимать свое место как поэт. Но в более поздние годы своей жизни его творческая сила находила выражение по большей части в «другой гармонии прозы». Его современникам показалось бы несколько неуместным, что настоятель собора Св. Павла проводит свое свободное время в праздном сочинительстве стихов. Время от времени

поэтический импульс был слишком силен, и он сочинял свои великие сонеты или гимны, но большую часть времени он трудился над проповедями, в результате чего и появилась чудеснейшая проза.

Донн уже обращался к прозе в *Paradoxes and Problems, Biathanatos, Ignatius his Conclave, Essays on Divinity*. Он стал большим художником как в поэзии, так и в прозе. У него было чутье поэта на цвет и звук слова, инстинкт на нужное слово в нужном месте. Он мог услаждать, удивлять, шокировать как в прозе, так и в поэзии. В его прозе нет той концентрированной интенсивности, которая присутствует в стихах. Проза по природе своей более расплывчата, чем поэзия, и менее индивидуальна. Однако проза Донна несет безошибочный налет его индивидуальности.

В прозе Донн принадлежит школе Хукера и Джереми Тейлора, Мильтона, сэра Томаса Брауна. Как и они, Донн учился писать прозу по латыни, и поэтому перенес в свою собственную прозу мастерство сложных предложений, это управление сложноподчиненными предложениями, что является одной из характерных черт латинского стиля. Его великие приемы, такие, например, как завершение ужасного и величественного пассажа проклятием, взятые из нагромождения придаточного за придаточным пока кульминация не обрушится как раскат грома.

Донн не сразу добился мастерства в длинных предложениях. Оно из его ранних произведений (*Character of a Dunce*) состоит из одного огромного предложения, которое в современном издании занимает три печатных страницы. Это предложение, однако, не имеет органичного единства. Это ряд предложений, отделенных одно от другого запятыми и двоеточиями. Его структура была бы гораздо лучше, если бы все двоеточия и часть запятых были бы заменены на точки. Но между *Character of a Dunce* и написанием проповедей Донн выполнил сложнейшее интеллектуальное упражнение, написав книгу *Conclave Ignatii* на латыни. Он также упражнялся в написании по-английски таких книг, как *Biathanatos, Pseudo-Martyr* и *Essays in Divinity*. Ни одна из этих книг не может сравниться с великими проповедями по стилю, но во всех этих книгах в отдельных пассажах начинает проявляться величие стиля Донна.

Один из секретов эффектной риторики, по словам Цицерона, это противопоставление длинных и коротких предложений. После пассажа с продолжительным доказательством чего либо или возвышенной речи, короткое содержательное предложение вряд ли будет действенно. Донн усвоил этот секрет, и поэтому чередование длинных и коротких предложений часто в его проповедях. Рядом с длинными, искусно выстроенными предложениями, мы встречаем такие содержательные, как: «*Militia, vita; вся наша жизнь – война; Бог не избрал бы трусов*».

Еще одной яркой чертой стиля Донна является его умелое использование аллитерации. Само по себе использование аллитерации как в прозе, так и в поэзии вещь довольно непримечательная. Аллитерация являлась неотъемлемой частью английской литературной формы, и свободно использовалась в прозе Сэром Томасом Мором (знаменитым двоюродным дедом Донна), Нортон (North), Лили (Lyly), Нэшем (Nash) и другими писателями 16 века, что вполне ожидаемо, что Донн также к ней обращался. Но Донн использует ее менее очевидно и с большим умением, чем его предшественники. Что может быть более утомительным, чем целенаправленное выуживание букв, как, например, находим у Мора «walk pit pat upon a pair of patens», или Лили «Prince, page, pore, and pore soul priest». Донн не использовал аллитерацию так неуклюже. Самая знаменитая строка из поэзии Донна – «A bracelet of bright hair about the bone» – частично обязано своим очарованием именно аллитерации. Есть и еще более утонченные вариации в других знаменитых строках: «O more then Moone, Draw not up seas to drowne me in thy sphere». Донн избегает использования целых фраз, состоящих из аллитерации, что обесценило бы прием постоянным использованием. Он создает свежие варианты, как например: «From that inglorious drop of raine, that falls into the dust, and rises no more, to those glorious Saints who shall rise from the dust, and fall no more, but, as they arise at once to the fulnesse of *Essentiall* joy, so arise daily in *accidentall* joyes, all are the children of God, and all alike of kin to us» (*Fifty Sermons*, No. 41, p. 376). Или в предложениях короче: «Death is the Divorce of body and soul; Resurrection is the Re-union of body and soule» (*LXXX Sermons*, No. 19, p.188); «Who can feare the darknesse of death, that hath had the light of this world, and of the next too? Who can feare death this night, that hath had the Lord of life in his hand to day?» (*Ibid.*, No. 4, p. 38).

Еще одной чертой стиля Донна является его любовь к антитезе. Со времен публикации *The Diall of Princes* и *Euphues* Лили, елизаветинцы испытывали чрезмерную привязанность к предложениям с антитезой, которые часто усиливались аллитерацией: «Ah well I perceive that love is not unlike the Figge tree, whose fruite is sweet, whose roote is more bitter then the claw of a Bitter, or lyke the Apple in Persia, whose blossome savoreth lyke honny, whose budde is more sower than gall» (Lyle, *Euphues* (*Works*, ed. Warwick Bond, I.208)). Стилю Донна не свойственны манерность и абсурдность эвфуизма, несмотря на то, что он, как все писатели начала семнадцатого века, не мог не попасть под влияние экспериментов со стилем Лили. В *Euphues* усложнение языка зачастую скрывает бедность мысли. Донну такая маска была не нужна.

Менее приятны, чем аллитерация или антитеза, слуху современных читателей созвучия, которые Донн, как и другие елизаветинцы, чрезвычайно любил: «I shall rise from the dead, from the darke station, from the

prostration, from the prostration of death, and never misse the sunne, which shall then be put out, for I shall see the Sonne of God, the Sunne of glory, and shine myself, as that sunne shines.» (*Fifty Sermons*, No. 37, p. 343) Помимо созвучий, здесь присутствует игра слов Son – Sun, что довольно часто встречается у Донна в проповедях, и которую Донн ввел в «Гимн Богу Отцу»: «But sweare by thyselfe, that at my death thy sonne/ Shall shine as he shines now, and heretofore.»

В другом месте Донн играет на двойном значении слов ordinance и ordnance: «His Ordinance of preaching batters the soule, and by that breach the Spirit enters.» (*Sermons on Judges 5.20* (1622), p. 30). Он так же часто цитирует игру слов отцов церкви по латыни: «Christ came *per mundam in mundum*, by a clean woman into an unclean world» (XXVI *Sermons*, No. 14, p. 195); «*Saint Bernards harmonious charme will strike upon us, Rara hora, brevis mora...*» (*Fifty Sermons*, No. 50, p. 472); «No eloquence enclined them, no terrors declined them: No dangers withdrew them, no preferment drew them.» (LXXX *Sermons*, No. 71, p. 724).

Донн добивается потрясающего эффекта, повторяя одно и то же слово из предложения в предложение, но каждый раз помещая его в слегка отличающуюся позицию и с немного другой коннотацией. Вот характерный пример из одной из самых тщательно построенных проповедей, которую он произнес перед Карлом I в Whitehall в апреле 1629 года: «Now, if all this earth were made in that minute, may not all come to the general dissolution in this minute? Or may not thy acres, thy miles, thy Shires shrink into feet, and so few feet, as shall but make up thy grave? When he who was a great Lord, must be but a Cottager; and not so well; for a Cottager must have so many acres to his Cottage; but in this case, a little peece of an acre, five foot, is become the house it selfe; the house, and the land; the grave is all: lower then that; the grave is the Land, and the Tenement, and the Tenant too: He that lies in it, becomes the same earth, that he lies in. They all make but one earth, and but a little of it. But then raise thy selfe to a higher hope againe. God hath made better land, the land of promise; a stronger city, the new *Jerusalem*; and, inhabitants for that everlasting city, *Us*; whom he made, not by saying, let there be men, but by consultation, by deliberation, God said, *Let us make man in our Image, after our likenesse.*» (*Fifty Sermons*, No. 28, p. 240) Помимо этого, чтобы оценить мастерство данного пассажа, нужно учесть, что эта проповедь заканчивается теми же словами, с которых и начинается. Таким образом, Донн делает еще одно кольцо – заканчивает там, где начал. В предыдущем пассаже такие ключевые слова как «earth», «grave», «рееce of an acre» уже многожды повторяются, звучат в ушах слушателей. Но даже если взять только тот отрывок, что приведен здесь, идея становится ясна: возьмем слова, на которые естественно падает ударение – «earth ... minute, dissolution ... minute»; «acres ... miles ... Shires ... feet ... feet ... grave»; «Lord ... Cot-

tager ... Cottage»; «peece of an acre ... five foot ... house ... house ... land ... grave ... grave ... Land ... Tenement ... Tenant lies ... earth ... earth ... little ... land ... land of promise new Jerusalem ... everlasting City ... Vs.» Здесь присутствует повторение, но здесь также и разнообразие: иногда слова «earth», «grave» и «land» несут основной смысловый вес предложения, а иногда – только второстепенный акцент. В одном предложении «a great Lord» и «Cottager» противопоставлены, а в следующем – «cottager» не противопоставляется, а дополняется «Cottage». В той части, где предложение достигает своей кульминации, ключевое слово «earth» усиливается своим положением между двойным использованием глагола «lies in»: «He that lies in it, becomes the same earth, that he lies in». Запятая после слова «earth» заставляет нас сделать паузу именно на этом слове. Следующее предложение продолжает тот же прием: «They all make but one earth, and but a little of it». А в последнем предложении «land», которое до сих пор было синонимично «earth» («the grave is the land»), приобретает новое значение, помимо «country»: «better land, the land of promise; a stronger city, the new *Jerusalem*.»

Помимо аллитерации и антитезы, для прозы Донна характерен параллелизм, свойственный поэзии Псалмов и книгам Пророков: «He brought light of darknesse, not out of a lesser light; he can bring thy Summer out of Winter, though thou have no Spring; though in the wayes of fortune, or understanding, or conscience, thou have been benighted till now, wintred and frozen, clouded and eclipsed, damped and benumbed, smothered and stupefied till now, now God comes to thee, not as in the dawning of the day, not as in the bud of the spring, but as the Sun at noon to illustrate all shadowes, as the sheaves in harvest, to fill all penuries, all occasions invite his mercies, and all times are his seasons.» Эта форма была известна в Англии перевода Тиндейла 1534 года, хотя, конечно, можно проследить следы влияния начиная непосредственно со староанглийской поэзии Кэдмона и Кюневулфа (Cynewulf). Известно, что Донн изучал Ветхий Завет на трех языках – на древнееврейском, который он иногда вставляет в текст, чтобы показать мощь некоторых слов, Вульгату на латыни, с которой он был знаком с детства, и на английском по Geneva Bible и Authorizes Version. Проповеди Донна пропитаны языком древнееврейской поэзии с ее параллелизмом и антитезами.

Донн очень тщательно подбирает цитаты из Библии, подробно на них останавливается и вживляет их в свою собственную прозу. Вот один из примеров проповеди Донна в день Святой Троицы, в которой он берет за основу ... «And the Spirit of God moved upon the face of the waters»: «To end all with the end of all, Death comes to us in the name, and notion of waters too, in the Scriptures. The Widow of Tekoah said to *David* in the behalfe of *Absalon*, by the Counsaile of *Ioab*, The water of death overflows all; *We must needs dye*, said she, and are as water spilt upon the

ground, which cannot be gathered up againe; yet God devises meanes, that his banished, be not expelled from him. So the Spirit of God moves upon the face of these waters, the Spirit of life upon the danger of death» (LXXX Sermons, No. 31, p. 311).

Говоря о лексике, характерной для прозы Донна, нужно отметить, конечно же, тесное переплетение с фразеологией Библии, которая оказала самое значительное влияние на формирование его стиля. Иногда Донн использует латинизмы и обращается к фразам, явно построенным по законам латинского синтаксиса. Лексика его прозы значительно богаче поэтической – она включает такие слова, как *agnomination, binomious, colluctation, commonefaction, conculcation, consubstantiality, inchoation, unintelligibleness, innotescence, longanimity, lycanthropy, macilency, significative, supergression, superplusage*; а также теологические термины *hypostatical union of two natures in Christ, the impassibility of the Divine Nature, the impenitableness of those who sin against the Holy Ghost*. Но как только Донн охвачен какой-либо сильной эмоцией, он оставляет сложные слова. О смерти, вопрос, который всегда так глубоко его волновал, он говорит: «*It comes equally to us all, and makes us all equall when it comes. The ashes of an Oak in the Chimney, are no Epitaph of that Oak, to tell me how high or how large that was; It tels me not what flocks it sheltered while it stood, nor what men it hurt when it fell. The dust of great persons graves is speechlesse too, it sayes nothing, it distinguishes nothing: As soon the dust of a wretch whom thou wouldest not, as of a Prince whom thou couldest not look upon, will trouble thine eyes, if the winde blow it thither; and when a whirle-wind hath blowne the dust of the Church-yard into the Church, and the man sweeps out the dust of the Church into the Church-yard, who will undertake to sift those dusts again, and to pronounce, This is the Patrician, this is the noble flower, and this the yeomanly, this the Plebeian bran?»*

Предложения Донна могут быть краткими, содержательными, разговорными, как у Буньяна, или красноречивыми, риторичными, как у Мильтона. Чтобы проиллюстрировать данную мысль, сопоставим два отрывка, сходных по теме – осознание Донном того, что его покаяние за грехи, совершенные в молодости, принято Богом: «*I doubt not of mine own salvation, and in whom can I have so much occasion of doubt, as in myself? When I come to heaven, shall I be able to say to any there, Lord, how got you hither? Was any man less likely to come thither then I?»* Сила разговорного языка данного пассажа сильно контрастирует с тягучей красноречивостью второго, взятого из великопостной проповеди на стих из Иова «*O earth, cover not thou my blood*»: «*And truly, so may I, so may every soule say, that is rectified, refreshed, restored, re-established by the seales of Gods pardon, and his mercy, so the world would take knowledge of the consequences of my sins, as well as of the sins themselves, and*

read my leafes on both sides, and heare the second part of my story, as well as the first; so the world would look upon my temporall calamities, the bodily sicknesses, and the penuriousnesse of my fortune contracted by my sins, and upon my spirituall calamities, dejections of spirit, sadnesse of heart, declinations towards a diffidence and distrust in the mercy of God, and then, when the world sees me in this aagony and bloody sweat would also see the Angels of heaven ministering comforts unto me; so they would consider me in my *Peccavi*, and God in his *Transtulit*, Me in my earnest Confessions, God in his powerfull Absolutions, Me drawne out of one Sea of blood, the blood of mine owne soule, and cast into another Sea, the bottomlesse Sea of the blood of Christ Jesus; so they would know as well what God hath done for my soule, as what my soule and body have done against my God; so they would reade me throughout, and look upon me altogether, I would joyne with *Job*, in his confident adjuration, *O Earth cover not thou my blood*; Let all the world know all the sins of my youth, and of mine age too, and I would not doubt, but God should receive more glory, and the world more benefit, then if I had never sinned. » (LXXX Sermons, No. 13, p. 132)

Несмотря на то, что тема сходна, различие в подходе свидетельствует о значительном изменении в образе мысли. В первом отрывке Донн в первую очередь думает о своих слушателях. Он утешает печальную душу, говоря о своей собственной убежденности, что Бог явил свое милосердие ему, грешнику. Он использует самый простой язык для обыкновенной цели – для передачи факта от говорящего к слушающему. Во втором отрывке его воображение воспламеняется метафизической идеей – возможностью, что зло может трансформироваться в добро. От мысли о его собственном покаянии, принятом милостью Бога, он поднимается к размышлению об активной божественной энергии, которая может сделать зло инструментом еще большего добра. Эта идея была особенно дорога Донну: он уже высказывал ее в своих *Paradoxes* и развивал в нескольких проповедях. Здесь он почти забывает о своих слушателях, чтобы, с одной стороны, помедитировать вслух о своих горестях, а с другой стороны порассуждать о «бездонном море крови Христовой», которая смыла его грехи. Слова здесь зажигаются и горят (как сказал Кольридж: «the wheels take fire from the mere rapidity of their motion»), а предложения приобретают музыку и ритм поэзии.

Этот парадоксальная мысль, что зло может трансформироваться в инструмент для создания блага, подводит нас к еще одному излюбленному приему Донна – парадоксу. В стихах, как светских, так и религиозных, он постоянно задействует парадокс; и характерно, что его ранние попытки в прозе были маленькими отрывками, сделанными по модели итальянских *paradossi*. В проповедях он поясняет великие парадоксы Христианской религии – Господь сотворил человека, чтобы человек мог стать един с Богом; Христос, который есть Бог (Very God of Very God),

подвергается всяческим унижениям, вплоть до смерти на кресте; или человек верующий, который умирает, чтобы жить, противопоставляется обычному человеку, который живет, чтобы умереть. О распятии Донн пишет: «... I see those hands stretched out, that stretched out the heavens, and those feet racked, to which they racked them are foot-stooles; I heare him, from whom his nearest friends fled, prey for his enemies, and him, whom his Father forsooke, not forsake his brethren; I see him that cloathes this body with his creatures, or else it would wither, and cloathes this soule with Righteousnesse, or else it would perish, hang naked upon the Crosse; And him that hath, him that is, *the Fountain of the Water of Life*, cry out, He thirsts...»¹ (LXXX Sermons, No. 40, p. 401)

Парадокс и ирония тесно связаны у Донна. Он зорко подмечает повседневную иронию жизни, но никогда не забывает о последней и жуткой иронии смерти. Вот пример совета, который Донн дает отцам семейства, склонных становиться домашними тиранами: «Call not light faults by heavie Names; Call not all sociableness, and Conversation, Disloyaltie in thy Wife; Nor all levitie, or pleasurablenesse, Incorrigibleness in thy Sonne; nor all negligence or forgetfulness, Perfidiousnesse in thy Servant; Nor let every light disorder within doors, shut thee out of doores, or make thee a stranger in thine owne House. In a smoakie roome, it may bee enough to open a Windowe without leaving the place; ...» (LXXX Sermons, No. 68, p. 692)

Эта ирония, порой горькая, наполняет проповеди, предавая им особый аромат. Донн безжалостно иронизирует и над собой, говоря о своей неудачной молитве: «I throw my selfe down in my Chamber, and I call in, and invite God, and his Angels thither, and when they are there, I neglect God and his Angels, for the noise of a Flie, for the ratling of a Coach, for the whining of a doore; I talke on, in the same posture of praying; Eyes lifted up; knees bowed downe; as though I prayed to God; and, if God, or his Angels should aske me, when I thought last of God in that prayer, I cannot tell: Sometimes I finde that I had forgot what I was about, but when I began to forget it, I cannot tell. A memory of yesterdays pleasures, a feare of to morrows dangers, a straw under my knee, a noise in mine eare, a light in mine eye, an anything, a nothing, a fancy, a Chimera in my braine, troubles me in

¹ Ср. со стихотворением *Goodfriday* (строки 21-27)
 Could I behold those hands which span the Poles,
 And turn all speares at once, peirc'd with those holes?
 Could I behold that endlesse height which is
 Zenith to us, and our Antipodes,
 Humbled below us? Or that blood which is
 The seat of all our Soules, if not of his,
 Made durt of dust, or that fleshe which was worne
 By God, for his apparel, rag'd and torne?

my prayer. So certainly is there nothing, nothing in spirituall things, perfect in this world.» (LXXX Sermons, No. 80, p. 820)

Нельзя не сказать об удивительной образности прозы Донна. Некоторые образы поражают нас своей приземленностью: проповедник, который не отказывает себе в пустой риторике, описывается, как человек, который сделав пирог из слив, без мяса, предлагает его на продажу на каждом рынке («having made a Pye of Plums, without meat, offers it to sale in every Market» LXXX No. 12, p. 114) Донн может отправиться на птичий двор за метафорой: «All egges are not hatched that the hen sits upon; neither could Christ himselfe get all the chickens that were hatched, to come, and to stay under his wings.» (LXXX Sermons, No. 7, p. 70) Некоторые образы гротескны и мрачны. Существует великое множество мрачных образов, но мы приведем здесь одну довольно затертую метафору, когда жизнь сравнивается с путешествием в далекий город, обретающую у Донна свежее прочтение – он напоминает слушателям о виселицах, которые размещались на самом видном месте перед въездом в город: «As he that travaills weary, and late towards a great City, is glad when he comes to a place of execution, because he knows that is neer the town; so when thou comest to the gate of death, [he] glad of that, for it is but one step from that to thy *Jerusalem*.» (XXVI Sermons, No. 20, pp. 294-295) Проповеди содержат большое количество очень своеобразных образов, отличающих поэзию Донна. Вслед за Доктором Джонсоном, который задавался вопросом «Who but Donne would have thought that a good man is a telescope?», мы можем спросить: «Кто еще мог сравнить жизнь доброго человека с гравюрой?»: «Bee pleased to remember that those Pictures which are deliver'd in a minute, from a print upon a paper, had many dayes, weeks, Moneths time for the graving of those Pictures in the Copper; So this Picture of that dying Man, that dies in Christ, that dies the death of the Righteous, that embraces Death as a Sleepe, was graving all his life; All his publique actions were the lights, and all his private shadowes of this Picture.» (XXVI Sermons, No. 15, p. 218) Донн может создавать образность, используя адгерентно-коннотативную лексику: «Implicite beleevers, ignorant beleevers, the adversary may swallow; but the understanding believer, he must chew, and pick bones, before he come to assimilate him, and make him like himself.»

Существует определенное количество образов, которые шокируют нас своей несовместимостью – например, метафоры, взятые из сферы театра или игорного дома, чтобы проиллюстрировать глубокие религиозные мысли. Это прямо противоположно использованию Донном образов из теологии и метафизики в описании земной любви. Таким образом, Донн использует образы несравненно шире, чем другие проповедники его времени. Он берет свои метафоры с королевского двора, со сцены, из таверны, игорного дома (что является напоминанием, что

Донн был в молодости заядлым игроком): «God is not to be truly found by the soul in those transitory and interlocutory prayers, which out of custome and fashion we make, and still proceed in our sin; when we pretend to speake to God, but like Comedians upon a stage, turne over our shoulder, and whisper to the Devill.» (LXXX Sermons, No. 41, p. 406) Интересен образ красоты – Донн ищет ее не в свете заходящего солнца, но в темном течении человеческой мысли. Красота по Донну – это математический символ – God the Circle: «God is a circle himselfe, and he will make thee one.» (LXXX Sermons, No. 2, p. 14) Красота природы видится ему в «the peaceful succession, and connexion of cause, and effects.» (LXXX Sermons, No. 15, p. 146)

Трудно правильно прочесть проповеди Донна, не осознавая, что этот проповедник был по существу поэтом. Есть несколько проповедей, которые фактически являются поэзией – именно по своей структуре: например, проповедь, сказанная им на день Святой Пасхи в соборе Святого Павла в 1629 году. Донн берет за основу отрывок из Книги Иова, который описывает видение Елифаза Феманитянина – дикого человека из пустыни, потрясенного до мозга костей невидимым присутствием, что обнаруживает недостижимую святость Бога:

Fear came upon me, and trembling,
which made all my bones to shake.
Then a spirit passed before my face;
The hair of my flesh stood up:
It stood still, but I could not discern the form thereof:
An image was before mine eyes;
there was silence, and I heard a voice, saying,
Shall mortal man be more just than God?
shall a man be more pure than his Maker?
Behold, he put no trust in his servants;
and his angels he charged with folly:
How much less in them that dwell in houses of clay,
whose foundation is in the dust,
which are crushed before the moth?
They are destroyed from morning to evening:
They perish for ever, without any regarding it.

(Job, 4.14-20)

Очевидно, Донн намеревался вывести своих слушателей из состояния самоуспокоенности в то время, как они ожидали красноречивую проповедь на какие-нибудь традиционные стихи. Несколько лет подряд он уже выдавал им великолепные тексты на тему воскрешения из мертвых. Он сам глубоко верил в христианскую идею бессмертия, но как раз накануне прошел через глубокие воды печали и болезни – в 1627 году он потерял свою дочь Люси и двух дорогих друзей – Магдален Денверз

и Люси графиню Бедфордскую. В конце лета 1628 года его настигла лихорадка и острый тонзиллит, приковавшие его к постели. Несколько недель он не мог проповедовать, и распространился слух, что он мертв. Столкнувшись с перспективой предстать перед взором Господним, он задался вопросом из видения: «Shall mortal man be more just than God?». В проповеди Донн представляет своим слушателям дилемму Елифаза, построив ее в виде параграфов и заканчивая каждый одним и тем же текстом (который по-еврейски представляет собой поэтическую строку), слегка варьируя от параграфа к параграфу. Это прием, который он использовал в таких стихах, как «The Will», «An Epithalamion on the Lady Elizabeth and Count Palatine being married», «Epithalamion made at Lincolnes Inne». В проповеди стих «Behold, he put no trust in his servants, and his Angels he charged with folly» повторяется в конце каждого из девяти параграфов: сначала без изменений, а позже с такими вариациями, как «God put no trust in those servants, but...» или «In those servants he put no trust, and those Angels he charged with folly».

В заключении еще раз хочется отметить, что в своих проповедях Донн использует широкое разнообразие таких приемов, как чередование длинных и коротких предложений (под влиянием латинских авторов, которых он изучал самым тщательным образом), аллитерацию, антитезу, игру слов, параллелизм, парадокс, иронию, что на лексику проповедей, естественно, повлиял язык Библии, и что потрясающая образность его проповедей резко выделяется на фоне проповедей его современников. Становится совершенно очевидным, что невозможно было бы правильно воспринимать проповеди Джона Донна, не осознавая того факта, что этот великий проповедник был прежде всего поэтом, и что именно личность Донна пронизывает его проповеди – сочетание интеллектуальных и эмоциональных элементов производит этот мощный эффект.

Л и т е р а т у р а

1. Donne John (1987) Selected Prose. Edited with an introduction and notes by Neil Rhodes. Penguin Books.
2. Donne John (1953) The Sermons of John Donne in Ten Volumes. University of California Press.
3. Daiches David (1996) A Critical History of English Literature in Two Volumes. Volume I. Mandarin.
4. Cary John (1981) John Donne: Life, Mind and Art. London and Boston.
5. Simpson Evelyn M. (1948) A Study of the Prose Works of John Donne. Oxford.

Аллегории и метафоры в романе В. Вульф «Волны»

© кандидат филологических наук А.А. Изотова, 2011

Роман Вирджинии Вульф «Волны» справедливо можно назвать поэзией в прозе, где красота звучания текста оказывается важнее сюжета. На первый план выдвигается внутренний мир шести главных героев (Бернарда, Невилла, Люиса, Роды, Сьюзен и Джинни), а окружающий внешний мир, реальная жизнь служат неким фоном, на котором разворачиваются переживания персонажей.

Особую роль в романе играют аллегорические описания природы. Перед каждой главой, показывающей новый период жизни главных героев, читатель находит описание моря, где ритм волн отражает ритм жизни персонажей.

Так, в начале романа, когда изображается детство главных героев, цвет моря описывается как неотличимый от оттенка неба, что символизирует безоблачную жизнь детей, их надежды на будущее, оптимистическое видение мира:

The sun had not yet risen. The sea was indistinguishable from the sky, except that the sea was slightly creased as if a cloth had wrinkles in it. Gradually as the sky whitened a dark line lay on the horizon dividing the sea from the sky and the grey cloth became barred with thick strokes moving, one after another, beneath the surface, following each other, pursuing each other, perpetually.

В следующем отрывке при описании юности героев переливы голубого и зелёного цвета волн создают очаровательный образ легкого веера, опавшего молодости. Также значимым оказывается изображение автором солнца. Если в предыдущем примере солнце ещё не взошло, то здесь солнце восходит, и жизнь, полная надежд, только начинается:

The sun rose higher. Blue waves, green waves swept a quick fan over the beach, circling the spike of sea-holly and leaving shallow pools of light here and there on the sand. A faint black rim was left behind them. The rocks which had been misty and soft hardened and were marked with red clefts.

Для того, чтобы показать расцвет молодых лет героев, гамма оттенков волн создаёт палитру желтого, зелёного и синевато-стального цветов. При этом солнце уже взошло, а свет как будто пронизывает стремительные волны, сияющие как топаз, аквамарин, что показывает радость бытия:

The sun rose. Bars of yellow and green fell on the shore, gilding the ribs of the eaten-out boat and making the sea-holly and its mailed leaves gleam blue as steel. Light almost pierced the thin swift waves as they raced fan-shaped over the beach. The girl who had shaken her head and made all the jewels, the topaz, the aquamarine, the water-coloured jewels with sparks of fire in them, dance, now bared her brows and with wide-opened eyes drove a straight pathway over the waves. Their quivering mackerel sparkling was darkened; they massed themselves; their green hollows deepened and darkened and might be traversed by shoals of wandering fish. As they splashed and drew back they left a black rim of twigs and cork on the shore and straws and sticks of wood, as if some light shallop had foundered and burst its sides and the sailor had swum to land and bounded up the cliff and left his frail cargo to be washed ashore.

В следующем примере, описывающем молодость героев, солнце бросает мерцающий взгляд (“a fitful glance”) на морские сокровища, приоткрывает своё лицо (“bared its face”) и прямо смотрит на волны, что является приёмом персонификации. При этом голубые с бриллиантовым оттенком волны энергично бьются о берег, аллегорически изображая раскрытие способностей героев:

The sun, risen, no longer couched on a green mattress darting a fitful glance through watery jewels, bared its face and looked straight over the waves. They fell with a regular thud. They fell with the concussion of horses' hooves on the turf. Their spray rose like the tossing of lances and assegais over the riders' heads. They swept the beach with steel blue and diamond-tipped water. They drew in and out with the energy, the muscularity, of an engine which sweeps its force out and in again. The sun fell on cornfields and woods. Rivers became blue and many-plaited, lawns that sloped down to the water's edge became green as birds' feathers softly ruffling their plumes. The hills, curved and controlled, seemed bound back by thongs, as a limb is laced by muscles; and the woods which bristled proudly on their flanks were like the curt, clipped mane on the neck of a horse.

Обратимся к другим примерам:

The sun had risen to its full height. It was no longer half seen and guessed at, from hints and gleams, as if a girl couched on her green-sea mattress tired her brows with water-globed jewels that sent lances of opal-tinted light falling and flashing in the uncertain air like the flanks of a dolphin leaping, or the flash of a falling blade. Now the sun burnt uncompromising, undeniable. It struck upon the hard sand, and the rocks became furnaces of red heat, it searched each pool and caught the minnow hiding in the cranny, and showed the rusty cartwheel, the white bone, or the boot without lucas stuck,

black as iron, in the sand. It gave to everything its exact measure of colour; to the sandhills their innumerable glitter, to the wild grasses their glancing green; or it fell upon the arid waste of the desert, here wind-scourged into furrows, here swept into desolate cairns, here sprinkled with stunted dark-green jungle trees. <...>

The waves broke and spread their waters swiftly over the shore. One after another they massed themselves and fell; the spray tossed itself back with the energy of their fall. The waves were steeped deep-blue save for a pattern of diamond-pointed light on their backs which rippled as the backs of great horses ripple with muscles as they move. The waves fell; withdrew and fell again, like the thud of a great beast stamping.

В данном отрывке солнце в своём зените и светит оно непрестанно, придавая окружающему миру оттенки красного, белого, чёрного, розового и зелёного. Темно-голубые с бриллиантовым оттенком волны быстро разбиваются о берег, они подобны топоту дикого зверя. Здесь речь идёт о становлении зрелости героев, об изменении их взглядов.

Обратимся к другому отрывку:

The sun no longer stood in the middle of the sky. Its light slanted, falling obliquely. Here it caught on the edge of a cloud and burnt it into a slice of light, a blazing island on which no foot could rest. Then another cloud was caught in the light and another and another, so that the waves beneath were arrow-struck with fiery feathered darts that shot erratically across the quivering blue.

<...>

The waves massed themselves, curved their backs and crashed. Up spurted stones and shingle. They swept round the rocks, and the spray, leaping high, spattered the walls of a cave that had been dry before, and left pools inland, where some fish stranded lashed its tail as the wave drew back.

В данном случае, также описывающем зрелость героев, солнце уже не в зените, его свет падает наклонно. Время от времени солнце освещает облака, которые становятся похожими на ярко горящий остров, затем они тают, что символизирует просветы в жизни героев. Волны же беспорядочно бьются о берег и разбиваются. Это описание аллегорически показывает возникновение тревог, проблем в жизни героев, уход безоблачного существования.

Рассмотрим ещё один пример:

The sun had now sunk lower in the sky. The islands of cloud had gained in density and drew themselves across the sun so that the rocks went suddenly black, and trembling sea-holly lost its blue and turned silver, and shadows were blown like grey cloths over the sea. The waves no longer vis-

ited the farther pools or reached the dotted black line which lay irregularly marked upon the beach. The sand was pearl white, smoothed and shining.

В этом отрывке солнце глубже погружается в небеса, почти нет просветов в облаках, оттого скалы кажутся чёрными, трепещущие волны теряют голубой оттенок, приобретая серебристый, и серые тени окутывают море подобно холсту. Отрывок показывает разочарование героев в жизни, потерю многих надежд, пустоту и отчаяние зрелых лет.

Проанализируем ещё один пример:

The sun was sinking. The hard stone of the day was cracked and light poured through its splinters. Red and gold shot through the waves, in rapid running arrows, feathered with darkness. Erratically rays of light flashed and wandered, like signals from sunken islands, or darts shot through laurel groves by shameless, laughing boys. But the waves, as they neared the shore, were robbed of light, and fell in one long concussion, like a wall falling, a wall of grey stone, unpierced by any chink of light.

В данном контексте солнце уже закатилось. Медно-золотистые волны, подобные стрелам, становятся темными. Свет блуждает по морю подобно сигналам с островов затонувших кораблей. Сами же волны, уже не сверкающие, тяжело падают как стена из серого камня, куда не проникает свет. Данный отрывок аллегорически изображает полное разочарование в жизни героев, крах их чаяний, а для некоторых из них и потерю смысла жизни.

Завершает роман следующее описание моря:

Now the sun had sunk. Sky and sea were indistinguishable. The waves breaking spread their white fans far out over the shore, sent white shadows into the recesses of sonorous caves and then rolled back sighing over the shingle.

<...>

As if there were waves of darkness in the air, darkness moved on, covering houses, hills, trees, as waves of water wash round the sides of some sunken ship. Darkness washed down streets, eddying round single figures, engulfing them; blotting out couples clasped under the showery darkness of elm trees in full summer foliage. Darkness rolled its waves along grassy rides and over the wrinkled skin of the turf, enveloping the solitary thorn tree and the empty snail shells at its foot. Mounting higher, darkness blew along the bare upland slopes, and met the fretted and abraded pinnacles of the mountain where the snow lodges for ever on the hard rock even when the valleys are full of running streams and yellow vine leaves, and girls, sitting on verandahs, look up at the snow, shading their faces with their fans. Them, too, darkness covered.

В данном примере солнце полностью закатилось, полоса небес и моря неразличима. Но в отличие от первого отрывка, преобладают белые тона: волны образуют белый веер, белые тени, волны катятся, вздыхая над галькой. Тьма сгущается и окутывает всё вокруг, волны же как будто омывают тонущий корабль. Последний отрывок символизирует старость героев, их опустошённость, закат их жизни.

Проанализировав приведённые выше отрывки, можно прийти к выводу о том, что в аллегорическом изображении волн В.Вульф видятся ступени человеческой жизни, различные этапы её становления и угасания.

Цвет и восприятие цвета также являются значимыми в романе и нередко приобретают аллегорическое звучание.

Обратимся к примерам:

'Those are white words,' said Susan, 'like stones one picks up by the seashore.'

'They flick their tails right and left as I speak them,' said Bernard. 'They wag their tails; they flick their tails; they move through the air in flocks, now this way, now that way, moving all together, now dividing, now coming together.'

'Those are yellow words, those are fiery words,' said Jinny. 'I should like a fiery dress, a yellow dress, a fulvous dress to wear in the evening.'

В данном случае в речи Сьюзен, дочери фермера, слитой с природой, слова облачаются в белый цвет, они подобны камешкам, которые собирают на берегу моря.

В реплике Бернарда, коллекционера высказываний, слова оживают, они движутся толпой, то разделяясь, то соединяясь.

В восприятии же пылкой и страстной Джинни слова приобретают жёлтый цвет, а затем и огненно-красный оттенок.

Рассмотрим следующий пример:

'It is the first day of the summer holidays,' said Rhoda. 'And now, as the train passes by these red rocks, by this blue sea, the term, done with, forms itself into one shape behind me. I see its colour. June was white. I see the fields white with daisies, and white with dresses; and tennis courts marked with white. Then there was wind and violent thunder.'

В восприятии самой чистой и таинственной героини Роды июнь становится белым. Она видит белый цвет в полях, покрытых маргаритками, в платьях, на теннисных кортах, что аллегорически показывает её светлое ощущение лета.

Обратимся к другому примеру:

We have come together (from the north, from the south, from Susan's farm, from Louis's house of business) to make one thing, not enduring – for what endures? – but seen by many eyes simultaneously. There is a red carnation in that vase. A single flower as we sat here waiting, but now a seven-sided flower, many-petalled, red, puce, purple-shaded, stiff with silver-tinted leaves – a whole flower to which every eye brings its own contribution.

В сцене, в которой главные герои встречаются в ресторане, красная гвоздика на столе, символ объединения друзей, приобретает оттенки красновато-коричневого, пурпурного, серебристого цветов в зависимости от восприятия каждого персонажа.

Проанализируем другой пример:

'Look,' said Rhoda; 'listen. Look how the light becomes richer, second by second, and bloom and ripeness lie everywhere; and our eyes, as they range round this room with all its tables, seem to push through curtains of colour, red, orange, umber and queer ambiguous tints, which yield like veils and close behind them, and one thing melts into another.'

'Yes,' said Jinny, 'our senses have widened. Membranes, webs of nerve that lay white and limp, have filled and spread themselves and float round us like filaments, making the air tangible and catching in them faraway sounds unheard before.'

'The roar of London,' said Louis, 'is round us. Motor-cars, vans, omnibuses pass and repass continuously. All are merged in one turning wheel of single sound. All separate sounds – wheels, bells, the cries of drunkards, of merry-makers – are churned into one sound, steel blue, circular. Then a siren hoots. At that shores slip away, chimneys flatten themselves, the ship makes for the open sea.'

В восприятии Роды комната, в которой она находится с друзьями, становится насыщенной светом – оттенками красного, оранжевого, темно-коричневого, незаметно переходящими друг в друга.

Теплая гамма красок противопоставляется восприятию Льюисом города: шум Лондона сливается в один звук, ассоциирующийся с синевато-стальным холодным цветом.

Рассмотрим ещё один пример:

'How then does light return to the world after the eclipse of the sun? Miraculously. Frailly. In thin stripes. It hangs like a glass cage. It is a hoop to be fractured by a tiny jar. There is a spark there. Next moment a flush of dun. Then a vapour as if earth were breathing in and out, once, twice, for the first time. Then under the dullness someone walks with a green light. Then off twists a white wraith. The woods throb blue and green, and gradually the fields drink in red, gold, brown. Suddenly a river snatches a blue light. The

earth absorbs colour like a sponge slowly drinking water. It puts on weight; rounds itself; hangs pendent; settles and swings beneath our feet.

'So the landscape returned to me; so I saw fields rolling in waves of colour beneath me but now with this difference; I saw but was not seen. I walked unshadowed; I came unheralded. From me had dropped the old cloak, the old response; the hollowed hand that beats back sounds. Thin as a ghost, leaving no trace where I trod, perceiving merely, I walked alone in a new world, never trodden; brushing new flowers, unable to speak save in a child's words of one syllable; without shelter from phrases – I who have made so many; unattended, I who have always gone with my kind; solitary, I who have always had someone to share the empty grate or the cupboard with its hanging loop of gold.

В данном контексте, представляющем собой монолог Бернарда, размышляющего о смысле своей жизни на склоне лет, его видение охватывает волны цвета: зелёный, голубой, красный, золотой, коричневый. Волшебные изменения цвета происходят для него как будто после солнечного затмения. Земля поглощает цвет как губка, а Бернард проходит невидимый как призрак в новом мире, полностью изменяясь, что аллегорически показывает преобразование его души.

Метафоры также нередко используются автором в тексте, причём в основном они связаны с образом воды.

Обратимся к следующему примеру:

'There is the puddle,' said Rhoda, 'and I cannot cross it. I hear the rush of the great grindstone within an inch of my head. Its wind roars in my face. All palpable forms of life have failed me. Unless I can stretch and touch something hard, I shall be blown down the eternal corridors for ever. What, then, can I touch? What brick, what stone? and so draw myself across the enormous gulf into my body safely?

В данном случае интересной для анализа представляется фраза “There is the puddle, and I cannot cross it” – “Я не могу перейти лужу”. Слово “puddle” приобретает метасемиотическое звучание как нечто мутное, неприятное при столкновении с внешним миром. Дальнейший текст раскрывает мучительное восприятие жизни Родой, мистической героиней, для которой осязаемый, осязаемый мир всегда казался чуждым, враждебным, а существовала лишь жизнь её души.

Рассмотрим ещё один пример:

'Here is a hall where one pays money and goes in, where one hears music among somnolent people who have come here after lunch on a hot afternoon. We have eaten beef and pudding enough to live for a week without tasting food. Therefore we cluster like maggots on the back of something that will

carry us on. Decorous, portly – we have white hair waved under our hats; slim shoes; little bags; clean-shaven cheeks; here and there a military moustache; not a speck of dust has been allowed to settle anywhere on our broadcloth. Swaying and opening programmes, with a few words of greeting to friends, we settle down, like walruses stranded on rocks, like heavy bodies, incapable of waddling to the sea, hoping for a wave to lift us, but we are too heavy, and too much dry shingle lies between us and the sea.

В данном контексте показаны философские рассуждения о смысле жизни человека, в речи Роды метафорически выражается крушение жизненных надежд. Героиня сравнивает людей с моржами, которые надеются, что волна поднимет их, но они слишком тяжелы, и их отделяет от моря много сухой гальки – “... we settle down, like walruses stranded on rocks, like heavy bodies incapable of waddling to the sea, hoping for a wave to lift us, but we are too heavy, and too much dry shingle lies between us and the sea”.

Проанализируем следующий пример:

'Something flickers and dances,' said Louis. 'Illusion returns as they approach down the avenue. Rippling and questioning begin. What do I think of you – what do you think of me? Who are you? Who am I? – that quivers again its uneasy air over us, and the pulse quickens and the eye brightens and all the insanity of personal existence without which life would fall flat and die, begins again. They are on us. The southern sun flickers over this urn; we push off into the tide of the violent and cruel sea. Lord help us to act our parts as we greet them returning – Susan and Bernard, Neville and Jinny.'

В речи Льюиса используется образ людей, отталкивающихся от берега и попадающих в течение бурного и безжалостного моря – “we push off into the tide of the violent and cruel sea”. Таким образом, персонаж показывает суровость, беспощадность жизни, в которой люди вынуждены играть отведённые им роли.

Рассмотрим последний пример:

I do not know – your days and hours pass like the boughs of forest trees and the smooth green of forest rides to a hound running on the scent. But there is no single scent, no single body for me to follow. And I have no face. I am like the foam that races over the beach or the moonlight that falls arrow-like here on a tin can, here on a spike of the mailed sea-holly, or a bone or a half-eaten boat. I am whirled down caverns, and flap like paper against endless corridors, and must press my hand against the wall to draw myself back.

В данном контексте показана эфемерность жизни Роды, трудности её трепетной души при столкновении с внешним миром. Сама героиня сравнивает себя с пеной, набегающей на берег, с лунным светом, с вихрем в пещерах – “I am like the foam that races over the beach or the moonlight... I am whirled down caverns...”, что метафорически обозначает преходящий характер бытия.

Итак, аллегорические описания природы и цвета, а также использование метафор являются распространёнными авторскими приёмами и усиливают эстетическую ценность романа.

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Философия преподавания (субъективный взгляд)

© кандидат филологических наук М.М. Филиппова, 2011

Данная статья посвящена принципам преподавательской работы. Задуматься над ними заставило условие (о нем рассказала знакомая американская преподавательница), выставляемое американскими университетами кандидатам на должность преподавателя: напишите эссе на тему «Моя философия преподавания», т.е. объясните ту жизненную философию, которой вы следуете, когда преподаете. Выразить это в словах, даже если вы согласны с поэтом в том, что мысль изреченная есть ложь, полезно, особенно если вы преподаете всю жизнь, и к вам периодически приходят на педагогическую практику молодые преподаватели, которым нужно четко сформулировать ваше понимание этих принципов. Если попытаться адекватно выразить свой опыт, возможно, он им пригодится.

Люди относятся к преподаванию по-разному. Есть такие, кто ни за что в жизни преподавать не пойдет. Еще Сенека Старший говорил: «Кого боги хотят покарать, того они делают педагогом». Персидское изречение гласит: «Если бы небо услышало молитвы детей, на свете не осталось бы ни одного живого учителя». Джордж Бернард Шоу высказался так: «Кто умеет, делает; кто не умеет, учит других». Питер Лоренс продолжил, но уже в юмористическом ключе: «Кто умеет, делает; кто не умеет, учит других; а кто не умеет и этого, учит учителей». Есть еще более жесткие варианты: «Если ничего не умеешь делать – иди преподавать»; «Человек становится учёным, когда обучает сам себя, – и преподавателем, когда поучает других».

Категоричных высказываний про преподавание хватает: «Глупцы преподают, умные люди учатся». Юмористически это звучит довольно забавно: «Умный любит учиться, а дурак – учить. Таким образом, умные часто вынуждены учиться у дураков». Наверное, эти высказывания неслучайны – чтобы говорить такое, нужно очень натерпеться от преподавателей. Во всем этом, конечно, есть доля истины; несмотря на это, преподавание кажется мне благородным занятием. Я бесконечно благодарна своим учителям и убеждена: век живи – век учись, поэтому хорошо преподавать – важно, ведь это приносит пользу людям (хотя, если судить по вышеприведенным цитатам, не всем). Интересно, что Алек-

сандр Македонский сказал: «Я обязан отцу за то, что он дал мне жизнь, а учителям за то, что они сделали мою жизнь достойной».

Если не касаться вопроса о том, что это мало оплачиваемая работа, отказ некоторых мудрых людей заниматься преподаванием обусловлен, в частности, тем, что преподавание занимает одну из первых строчек в списке самых стрессовых профессий. Вот этот список: 1. Тюремный надсмотрщик. 2. Офицер полиции. 3. Социальный работник. 4. Преподаватель, учитель. 5. Водитель скорой помощи. И т.д. Неудивительно, что молодой специалист вопрошает: «А оно мне надо?» и идет делать какую-нибудь другую работу. С другой стороны, на протяжении всей истории человечества не было, кажется, ни одного мудреца, который отказался бы поделиться своей мудростью с другими людьми. А вот еще голос народа (из афоризмов в Интернете): «Из тех, кто получил высшее образование, ставшие преподавателями выиграли меньше всего».

Мы живем в информационный век и в информационном обществе, когда способность найти нужные сведения и извлечь их имеет перво-степенное значение. И все же, учеба, получение образования даже в эту эпоху – это не вопрос об информации. Любая информация нуждается в структурировании, в объяснении и истолковании (особенно когда информационные потоки столь мощные, что люди либо тонут в них, либо вообще перестают их воспринимать). Информацию нужно понять, а понять ее можно только на основе представлений о том или ином значении, в ней заключающемся. Какие закономерности отражает та или иная информация? Это понимает только специалист, только профессионал. Соответственно, именно здесь и возрастает роль того, кто истолковывает смыслы, видит значение. Без преподавателя, который все это объяснит благодаря своему знанию законов, правил, закономерностей и т.п., информация останется просто набором цифр, слов, фраз, предложений, которые либо невозможно постичь, либо можно с высокой долей вероятности понять неправильно.

Тем, кто хочет изучать что-либо самостоятельно, полезно помнить английскую поговорку, в которой выражена аналогичная мысль: *He that teaches himself, has a fool for his master* (У того, кто обучает сам себя, учитель глуп). Это старая поговорка, поэтому едва ли можно ожидать, чтобы в ней приветствовались такие современные понятия, как *self-made man* (человек, «сделавший себя» сам), методы самопомощи во всех сферах жизни (см. заглавие книги «Как стать несчастным без посторонней помощи», например) и взгляд на учителя просто как на человека, который облегчает студенту процесс познания.

Эта поговорка напоминает: у профессионала-преподавателя в сознании есть четкая перспектива «от простого к сложному», он ставит перед

собой отчетливую цель «достичь того-то и того-то»; он понимает, чего он пытается достичь; он знает, какими методами это достигается. Он знает, как донести понимание целей и задач до студентов так, чтобы у студентов тоже было четкое и ясное представление о своих задачах. Оговоримся: следует признать, что и хорошие самоучители (написанные хорошими учителями), как правило, строятся таким образом, что ученик продвигается шаг за шагом, со ступеньки на ступеньку, от самых базовых вещей ко все более и более сложным. Каждая последующая стадия или уровень опирается на предыдущую, поэтому их характеризуют преемственность, целостность, связность, логичность, последовательность, обоснованность. Однако не все учебники и учебные пособия строятся таким образом. Именно поэтому руководство опытного преподавателя и оказывается более надежным.

Слова «учитель», «преподаватель», «преподавать» недостаточны, чтобы объяснить, что вы делаете в аудитории. Сегодня, чтобы успевать и справляться с жизнью в нашем сложном и все усложняющемся мире, нужно учиться постоянно. Поэтому учитель сам должен все время быть учеником, а с другой стороны, он должен быть помощником, который умеет раскрыть способности своих учеников и сделать процесс познания легче для них. Не случайно педагогическая наука говорит о преподавании, ориентированном на учащегося: мы должны учитывать, что любят и что ненавидят наши ученики или студенты, учитывать их потребности, их эмоции, их предпочтения, их недостатки, амбиции, их видение мира, их неправильные представления о жизни, то, в чем они ограничены, и т.п. Чтобы быть хорошим преподавателем, недостаточно просто быть хорошим специалистом в своей области знаний, нужно разбираться в психологии и теории коммуникации, представлять себе, как работает психотерапевт и исповедник, психоаналитик и актер. И, конечно же, нужно быть другом своим ученикам и студентам.

Невозможно не заметить, что большинство преподавателей – женщины. Что это говорит о нашей профессии? Получается, что именно женщины главным образом отвечают за образование и воспитание примерно так же, как они отвечают за уют и порядок дома и в семье. Преподавание – это родительская функция: преподаватели должны в той или иной мере быть «родителями» для своих учеников и студентов, относиться к ним как родители: помогать, поддерживать, советовать, критиковать, ставить задачи, одергивать, если они демонстрируют неприемлемое поведение, иными словами, показывать границы приемлемого и неприемлемого.

Обсуждая типы английских женщин, Р.Н. Брэдли говорит о женщинах-преподавателях следующее: «И, наконец, те немногие трансцендентные женщины, которые выходят за границы толпы, женщины ум-

ные и гениальные – доктора, политики, актрисы, писатели, школьные учительницы – но они принадлежат не нации, но всему человечеству». В этих словах слышится подтверждение точки зрения о том, что преподавать – благородное занятие.

Собственно, трудно вообразить, что кто-то станет оспаривать, что учителя оказывают обществу очень важную услугу. Попробуйте представить свою жизнь без учителей, свою страну без учителей. Окажется утраченной очень важная функция – функция, без которой невозможно выживание вида, ведь даже животные обучают молодняк. Опять же, не случайно во многих сферах человеческой деятельности принято называть, у кого учился тот или иной профессионал: мы знаем, у кого учился тот или иной художник, балетный танцор, оперный певец, различные спортсмены: фигуристы, борцы, боксеры....

Помню ситуации, когда бывшие студенты (которых я обучала так давно, что даже уже почти забыла их) говорили: «Большое Вам спасибо за Ваши огромные домашние задания». Понятно, что должна была произойти некоторая переоценка ценностей, прежде чем они начали говорить такого рода вещи. Важно то, что из этого можно извлечь урок: преподаватель должен стараться максимально развить способности студентов, он должен уметь нагрузить их, что называется, «под завязку», так чтобы они использовали свои умения и навыки по максимуму. При этом, как это ни парадоксально, студентов нельзя перегружать сверх меры, потому что тогда нагрузки становятся деструктивными (и как раз тогда ученики начинают говорить все те негативные вещи, которые упоминались выше).

В общем и целом, умение диагностировать уровень владения предметом (в моем случае – английским языком), который характеризует того или иного студента или целую группу, и ставить им задачи, которые, не перенапрягая их, помогут им развить свои знания, понимание предмета и даже улучшат их восприятие окружающего мира, – это одна из самых утонченных и сложных вещей, которыми должен владеть преподаватель. Диагностирование того, что студентам уже известно и на что они способны, должно происходить постоянно. Студентам нужно постоянно ставить посильные задачи, которые они могут выполнить и тем самым улучшить свои знания, навыки, умения и способности. И весь этот процесс должен постоянно подвергаться процессу корректировки в зависимости от новых данных, которые преподаватель получает в ходе выполнения поставленных заданий.

Все мы знаем, что настоящая учеба – довольно тяжелый труд. Когда учителя дают множество заданий, а ты должен быть дисциплинированным, послушным, сознательным и старательным, когда нужно упорно трудиться, чтобы заслужить похвалу преподавателя или доказать само-

му себе, что способен достичь чего-то, когда тратишь уйму времени, делая вещи, которые тебе самому никогда бы не пришли в голову, может возникнуть масса отрицательных эмоций: «Почему я должен все это делать? Не вижу в этом смысла»; «Почему Василию поставили более высокую оценку, чем мне? Это несправедливо»; «Разве Вы не видите, Мария Ивановна, что это задание невыполнимо? Я не справлюсь» и т.д.

Учителя слышат массу отговорок, включая совершенно неправдоподобные и даже неэтичные. В таких ситуациях именно учитель должен понимать свою ответственность за то, как идут дела в аудитории, и помогать студентам понять, в чем состоит их ответственность за то же самое. Студенты имеют право ожидать от учителя, чтобы он видел стоящую перед ними цель гораздо более отчетливо, чем они, чтобы он знал совершенно четко, как можно достичь ее самым эффективным образом. А также как сделать процесс ее достижения максимально приятным.

Ведь можно сказать: в конечном счете, преподавание и учеба – это интеллектуальные удовольствия, зарядка для ума. Я бы сказала вслед за У.С. Моэмом, что хотя умственные удовольствия не столь ярки и остры, как удовольствия телесные, они более долговечны. Когда оглядываешься на свой преподавательский опыт и осознаешь, что преподавала вещи, которые долговечны – вот тогда и появляется чувство удовлетворения.

Преподавание, особенно в наше время, особенно платным студентам (которые уже в некотором смысле рассматриваются скорее как клиенты или «покупатели» образования – а клиент, как известно, всегда прав), бывает иногда связано с развлечением – в смысле обеспечения интереса к забавному или волнующему материалу, или в смысле провоцирования мыслительного процесса у студентов чем-то смешным, забавным, веселым. Чтобы сделать процесс познания более легким, преподаватель должен уметь развлечь и позабавить студентов. Всегда нужно поддерживать внимание студентов, не позволять ему ослабевать, поэтому один из самых важных методических принципов преподавания таков: меняйте тему, как только видите, что внимание студентов погасло; меняйте вид деятельности, как только видите, что студенты устали от данного занятия.

Для нашей темы уместен следующий отрывок из книги Фрэнка МакКорта «Человек учительствующий» (Frank McCourt's 'Teacher Man'): «Недостаточно просто научить стихотворению. Вы должны выявлять смыслы и добиваться понимания, пробуждать чувства и вызывать ответную реакцию, увлечь студентов материалом. Таково предписание Министерства образования. Вы должны задавать базовые, фундаментальные вопросы, чтобы поощрять учеников участвовать в уроке.

Хороший учитель должен уметь задать достаточное количество кардинальных вопросов, чтобы класс не сидел на месте, а просто-таки бурлил все 45 минут».

Хотя это юмористический отрывок, в нем описывается именно то, что должен делать хороший учитель. Каждый урок, который вы проводите, должен быть незабываемым, а чтобы он был незабываемым, учитель должен общаться со студентами на равных, касаясь того, что они находят интересным, волнующим, увлекательным, поучительным, проясняющим суть вещей. И только преподавательская интуиция помогает учителю понять, что именно они находят волнующим и увлекательным. В каком-то смысле, преподавателям постоянно, снова и снова приходится подтверждать свою способность возбуждать интерес студентов, их любознательность, готовность учиться, желание доказать, что они чего-то стоят как студенты, их желание убедиться в собственной способности научиться тому или иному навыку, усвоить те или иные знания.

Вне зависимости от того, что именно вы преподаете, вы всегда должны помогать студентам в первую очередь овладеть хорошими коммуникативными навыками. В наши дни умение общаться – это ключ к успеху в любой области. Умение общаться – это тот навык, над которым преподаватель и сам должен трудиться постоянно, ведь предела совершенству в этой области нет и быть не может. Нам всем требуется уметь поддерживать значимые, добрые, осмысленные, продуктивные, заботливые, взаимно полезные, «подпитывающие» отношения с теми, кто нас окружает. Ключ к достижению счастья, как мне кажется, состоит именно в этой способности иметь положительные, удовлетворяющие отношения с окружающими людьми, с окружающим миром.

Но самое важное в преподавании – это, конечно, любовь. Нужно любить своих студентов, предмет, который вы преподаете, любить свою работу. И тогда все будет складываться успешно, вы справитесь с любой ситуацией, потому что когда есть любовь, всегда найдутся способы решения проблем, какими бы они ни были. Вы найдете способы повысить мотивацию своих студентов, найдете способы борьбы с профессиональными стрессами, с разочарованиями, с утомлением, найдете способы превратить негатив в позитив.

Еще один важный момент – не воображать, что вы Господь Бог, что вы все знаете, непогрешимы, всеведущи, и все, что вы говорите студентам, – это истина в последней инстанции. Нельзя строить из себя идеального человека, и нельзя позволять студентам идеализировать вас. Учителя тоже люди, и они не могут знать все, они могут уставать, расстраиваться, делать ошибки – как и все остальные люди – и студентам полезно это знать. Не хочу сказать, что учителя должны постоянно де-

монстрировать студентам свои слабости (с методическими целями). Однако студентам полезно знать, что учителя тоже имеют право на свои слабости и несовершенства. У самих студентов будет более реалистичный взгляд на вещи, если они будут знать, что идеальных людей не существует и что у всех свои недостатки.

Самое печальное в преподавании – это то, что чем лучше вы преподаете, тем скорее ваши ученики или студенты приобретают нужные знания и покидают вас. Это похоже на то, как в здоровой семье, где родители правильно воспитывают своих детей, дети вырастают, становятся независимыми и начинают самостоятельную жизнь, в которой они в гораздо меньшей степени испытывают потребность общаться, контактировать, проводить время вместе с родителями, чем в детстве, например. В отличие от детей, которые, разумеется, все-таки поддерживают контакты со своими родителями, большинство бывших учеников и студентов уходят в другую жизнь и общаются со своими бывшими преподавателями только случайно. Однако можно утешать себя тем, что, как профессионалы, они становятся в каком-то смысле продолжением вас, ваших методов и, в частности, вашей философии преподавания. Вы будете с радостью узнавать об их достижениях, о написанных ими книгах и статьях, о том, какая у них интересная работа, какие важные посты они занимают и т.п.

И, конечно, общеизвестно, что человек усваивает («выучивает») лучше всего то, что преподает. Еще одна английская поговорка гласит: *Teaching of others, teacheth the teacher* (Преподавание другим обучает учителя). Так что, если вы хотите знать что-либо по-настоящему хорошо, займитесь преподаванием этого предмета!

Знакомая американская преподавательница (сейчас она уже пенсионер), прочитав статью, покритиковала ее за неправильный ракурс. Ей показалось, что в этой статье более уместно было бы говорить о таких аспектах вопроса, как: "When you teach you touch the future" (преподавая, вы соприкасаетесь с будущим) или "We who teach never know the impact" (Мы, преподавая, никогда не знаем, во что это выльется в будущем). Эти замечания, по-видимому, отражают американскую специфику: культурологи, похоже, правы, когда говорят о гораздо большей нацеленности американской культуры на будущее, в отличие от русской культуры, например, которая больше сосредоточена на прошлом и настоящем. Мне не пришло в голову, когда я размышляла об этом вопросе, что это самые важные аспекты. Это замечание показывает важность умения научиться смотреть на вещи через призму видения другой нации.

Та же американская преподавательница дала список ключевых слов американского лексикона, связанных с преподаванием: *problem solving*

(решение проблем / задач), critical thinking (критическое мышление), lifelong learning (непрерывная учеба в течение всей жизни – очень рада, что в этом вопросе мы с ней совпали). Невозможно не согласиться, что навыки решения проблем, так же, как и коммуникативные навыки, существенны для всех сфер жизни и для любой области образования, так что, возможно, именно они должны быть самыми главными навыками или умениями, которым следует обучать учеников и студентов. Наверное, это также самые главные навыки, которым и сам человек должен учиться всю свою жизнь. Однако, поскольку моя сфера – прежде всего преподавание английского, перевод с русского на английский и наоборот, я нахожу сложной идею обучения решению проблем именно в этой сфере. Решение проблем для студента-лингвиста – это способность справиться с лингвистическим заданием, таким, как перевод, анализ, выполнение упражнения, освоение нового теоретического материала, выведение каких-то языковых закономерностей, освоение тонкостей произношения, интонации, умение различать нюансы значения, способность грамотно выразить свои мысли в тексте или в речи, в конце концов, просто освоение некоторого объема специальных знаний.

Гуманитарные науки неслучайно требуют очень длительного и сложного периода ученичества. В работе со словом, с текстом, с речью так много нюансов, тонких оттенков значения, импликатур, особых компонентов содержания, подтекста, необходимости учитывать контекст, менталитет носителей языка и т.п., что мне сложно было бы выразить все это в терминах простой постановки проблемы, которой необходимо найти решение. Для себя, как преподаватель, я, возможно, формулирую очередные задачи именно так: «Дальше мне необходимо помочь студентам усвоить определенный объем материала, как этого достичь?» Однако работа на эту тему не происходит в форме решения проблем, скорее, я просто сообщаю студентам их домашнее задание (заранее позаботившись о том, чтобы они знали, как его выполнять), объясняя, что мы будем делать на занятии, и т.п.

Должна признаться, что концепция критического мышления также не кажется мне самой важной и увлекательной. По-моему, иссушающей критики во всех сферах нашей жизни и так уже достаточно. Мне представляется, что критическое мышление должно уравновешиваться способностью принимать вещи такими, как есть. Критическое мышление часто оказывается обоюдоострым оружием, которое втягивает нас в конфликт, в нападение, атаку и контратаку, конфронтацию или враждебность.

В качестве заключения хочу парировать негативные высказывания о преподавателях следующими цитатами. Овидий: «Учиться дозволено и

у врага». Евгений Кашеев: «Вечно ты плетёшься в хвосте!» – говорила ракета – носителю»; «Маяк? Будет он мне ещё указывать!!!»

В общем и целом, эта тема для разговора бесконечна. Невозможно высказать все, что хотелось бы сказать об этом предмете, потому что каждый студент уникален, и к нему нужен уникальный индивидуальный подход. Каждая отдельная группа студентов также уникальна, и к ним тоже нужен уникальный подход, подходящий им и никому другому. В каждом случае действует своя «алхимия», но обобщать ее очень сложно.

Преподавание английского языка студентам отделения «Русский язык как иностранный»: Программа

© кандидат филологических наук М.А. Бурмистрова, 2011

Данный курс рассчитан на студентов отделения РКИ филологического факультета, для которых английский язык не является специальностью, однако предполагается его активное использование в качестве языка посредника в дальнейшей профессиональной деятельности. Среди задач данного курса можно выделить следующие:

- **фонетика**: постановка произношения в соответствии с нормами RP, ознакомление студентов с лучшими образцами RP, обучение специфике ритмической организации, артикуляции, восприятию речи на слух, умение свободно понимать спонтанную беглую речь носителей;

- **лексика**: расширение и углубление словарного запаса студентов в таких направлениях, как functional language (язык ситуационного общения), тематическая лексика, язык профессионального общения;

- **грамматика**: систематизация знаний студентов и доведение правильного употребления грамматических форм до автоматизма, расширение знаний за счет изучения стилистических особенностей употребления грамматических форм (инверсия, параллельные конструкции и повторы, пунктуация), выделение различий и сходств грамматических конструкций русского и английского языков;

- **страноведение**: обобщение и систематизация уже имеющихся знаний о культуре англоговорящих стран, усвоение новой информации, обучение ознакомлению иностранных учащихся с культурой России;

- **международные экзамены**: овладение и усвоение навыков сдачи экзамена на получение международного сертификата уровня FCE, CAE, CPE (в зависимости от уровня студентов);

- обучение свободному чтению и пониманию современной художественной, научно-публицистической литературы в оригинале;

- формирование навыка устного и письменного перевода и реферирования материалов прессы и произведений художественной, филологической литературы, а также литературы научно-публицистического стиля (non-fiction)

- закрепление навыков вести беседу как на бытовые темы, так и умение использовать язык в целях обучения русскому языку;

- ознакомление с основами **Academic Writing**.

Данные цели определяют структуру курса, включающего семинарскую и самостоятельную работу студентов.

1 курс

Фонетика

В отличие от романо-германского отделения, где большое количество времени уделяется теоретической фонетике, данный фонетический курс, рассчитанный на 2 семестра, преследует практические цели, а именно постановку произношения. В качестве обучающего материала используются аудио и видеозаписи, являющиеся образцами произносительной нормы. Также в процессе обучения используются учебные пособия отечественных и зарубежных авторов, произведения английской художественной литературы. Помимо этого, со студентами начиная с уровня Intermediate, рекомендуется использовать материалы радиопередач дискуссионного характера таких, как BBC Radio 4, новости BBC, и т.д. Обучение произношению ведется на основе британского варианта современного английского языка.

Грамматика

После тестирования в начале года, определяется уровень владения грамматикой, систематизируются уже известный грамматический материал и отрабатываются темы, в которых, по результатам анализа работ, было допущено наибольшее количество ошибок. В качестве опорного материала используются книги таких авторов, как Raymond Murphy, Virginia Evans, Michael Vince, Mark Foley & Diana Hall, и т.д.

Лексика

На данном этапе обучения рекомендуется развивать такие лексические пласты, как functional language (язык ситуационного общения) и тематическую лексику.

Практика языка (Reading, Writing, Listening, Speaking)

Для равномерного развития всех четырех навыков рекомендуется использовать УМК англоязычных издательств, ориентирующихся на высшую школу (например, Total English, Language to Go, Global, English Unlimited, etc).

Чтение художественной литературы

В течение 1 курса студенты учатся художественно читать произведения английских поэтов XVI-XIX веков: W. Shakespeare 'Shall I compare thee', W. Wordsworth 'I wondered lonely as a cloud', J. Keats 'Ode to Autumn', W. Blake 'Nurse's Song', L. Carroll 'Father William', R. Kipling 'If'. Чтение художественных произведений происходит в тесной связи с отработкой фонетических правил. Среди прозаических произведений следует назвать "Алису в стране чудес" Л. Кэрролла, "Гордость и предубеждение" Дж. Остин, Ч. Диккенса "Дэвид Копперфилд", "Тяжелые времена", и т.д. в исполнении английских актеров.

Рекомендованная литература

Фонетика

1. Baker Ann "Ship or Sheep?", Cambridge University Press
2. BBC Radio 4 Programmes
3. Decheva S.V., Magidova I.M. "Learning to Communicate in English", MSU
4. Hancock Mark "English Pronunciation in Use. Intermediate", Cambridge University Press
5. Hewings Martin "English Pronunciation in Use. Advanced", Cambridge University Press
6. Ockenden Michael "Situational Dialogues", Longman
7. O'Connor J.D. "Better English Pronunciation", Cambridge University Press
8. Longman Pronunciation Dictionary
9. Cambridge English Pronunciation Dictionary

Грамматика

1. Alexander L.G. "Longman English Grammar Practice", Longman
2. Carter Ronald and McCarthy Michael "Cambridge Grammar of English", Cambridge University Press
3. Foley Mark and Hall Dianne "Longman Advanced Learners' Grammar", Longman
4. Focus on Grammar Series, Longman
5. Hashemi Louise and Thomas Barbara "Cambridge Grammar for First Certificate", Cambridge University Press
6. Hashemi Louise with Murphy Raymon "English Grammar in Use. Supplementary Exercises", Cambridge University Press
7. Hewings Martin "English Grammar in Use. Advanced", Cambridge University Press
8. Murphy Raymon "English Grammar in Use. Intermediate", Cambridge University Press
9. Swan Michael and Walter Catherine "How English Works. A Grammar Practice Book", Oxford University Press
10. Vince Michael "Advanced Language Practice", Macmillan

Лексика

1. McCarthy Michael and O'Dell Felicity "English Vocabulary in Use. Upper-Intermediate", Cambridge University Press
2. McCarthy Michael and O'Dell Felicity "English Vocabulary in Use. Advanced", Cambridge University Press
3. McCarthy Michael and O'Dell Felicity "Academic Vocabulary in Use", Cambridge University Press
4. McCarthy Michael and O'Dell Felicity "English Collocations in Use. Intermediate", Cambridge University Press

5. McCarthy Michael and O'Dell Felicity "English Phrasal Verbs in Use. Intermediate", Cambridge University Press
6. McCarthy Michael and O'Dell Felicity "English Idioms in Use. Intermediate", Cambridge University Press
7. Thomas Barbara and Matthews Laura "Vocabulary for First Certificate", Cambridge University Press
8. Wellman Guy "The Heinemann ELT English Wordbuilder", Macmillan

Формы контроля знаний

Устный экзамен

1. Воспроизведение пройденных «образцовых» текстов.
2. Чтение наизусть произведений английской поэзии.
3. Перевод предложений и небольших отрывков с употреблением пройденной лексики.
4. Монолог на одну из пройденных тем с употреблением изученной лексики.

Письменный экзамен

1. Аудирование.
2. Грамматический тест на пройденный материал.
3. Письменный перевод предложений на пройденную лексику и грамматику.

2 курс

Грамматика

В зависимости от уровня владения языком, программа изучения грамматики на отделении РКИ может варьироваться. Ниже приводится перечень грамматических тем, которыми студенты должны владеть к концу третьего года обучения:

Морфология

Глагол

Основные формы глагола. Употребление *личных форм глагола*: Действительный залог. Времена действительного залога (Времена группы Indefinite: The Present Simple Tense, The Past Simple Tense, The Future Simple Tense, The Future in the Past Tense; Времена группы Continuous: The Present Continuous Tense, The Past Continuous Tense, The Future Continuous Tense, The Future Continuous in the Past Tense; Времена группы Perfect: The Present Perfect Tense, The Past Perfect Tense, The Future Perfect Tense, The Future Perfect in the Past Tense; Времена группы Perfect Continuous: The Present Perfect Continuous Tense, The Past Perfect Continuous Tense, The Future Perfect Continuous Tense, The Future Perfect Continuous in the Past Tense.) Согласование времен. Страдательный залог. Наклонение: повелительное, сослагательное. *Неличные формы*

глагола: инфинитив, герундий, причастие. Модальные глаголы: can, could, may, might, must, shall, should, ought, need, will, to have, to be, dare.

Существительное

Существительные собственные и нарицательные. Существительные исчисляемые и неисчисляемые. Число: образование множественного числа существительных, особые случаи образования множественного числа, существительные, употребляемые только в единственном или только во множественном числе. Падеж: общий и притяжательный. Род имен существительных.

Артикль

Употребление артиклей с нарицательными существительными. Неопределенный артикль. Определенный артикль. «Нулевой» артикль. Употребление артиклей с собственными существительными.

Прилагательное

Образование степеней сравнения прилагательных. Субстантивация прилагательных. Место прилагательного в предложении.

Местоимение

Личные, притяжательные, указательные, вопросительные, неопределенные, отрицательные, возвратные, относительные местоимения.

Числительное

Количественные, порядковые, дробные числительные.

Наречие

Формы и степени сравнения наречий.

Предлог

Простые и составные предлоги. Предлоги, совпадающие по форме с наречиями.

Союз

Сочинительные и подчинительные союзы. Союзные слова.

Междометие

Синтаксис

Простое предложение. Главные члены предложения: подлежащее, сказуемое (составное именное и составное глагольное сказуемое, согласование сказуемого с подлежащим). Второстепенные члены предложения: дополнение, определение, обстоятельство. Порядок слов. Типы простых предложений. Предложения, начинающиеся с конструкций типа there is/there are. Типы вопросительных предложений. Повелительные предложения. Восклицательные предложения.

Сложное предложение. Сложносочиненное предложение. Основные типы сложноподчиненных предложений. Прямая и косвенная речь. Условные предложения (первый, второй, третий и смешанный типы).

Лексика/Чтение

На втором году обучения рекомендуется уделить внимание, во-первых, наиболее обширному пласту лексики, входящей с чтением страноведческой литературы. В качестве материала для чтения предлагаются такие тексты, как “An Illustrated History of Britain” by David McDowall, “Britain in Close-Up” by David McDowall, “Britain Explored” by Paul Harvey, “Watching the English” by Kate Fox. А также следует акцентировать внимание на сопоставление лексики в русской и английской речи (например, в качестве опоры можно использовать пособие Линн Виссон «Русские проблемы в английской речи»).

Практика языка (Reading, Writing, Listening, Speaking)

В центре внимания оказывается следующий по порядку уровень выбранного УМК, либо пособия, развивающие каждый из четырех навыков отдельно. Например, учебники серии Cambridge English Skills: Real Reading, Real Writing, Real Listening and Speaking. Целесообразно подключать видеоматериалы страноведческого характера.

Рекомендованная литература

См. выше

Формы контроля знаний

Устный экзамен

1. Чтение, перевод и пересказ незнакомого текста страноведческого характера. Беседа по нему.

2. Опрос по билетам в рамках пройденного материала.

Письменный экзамен

1. Аудирование.

2. Грамматический тест на пройденный материал.

3. Письменный перевод предложений на пройденную лексику и грамматику.

3 курс

Грамматика

В течение третьего года обучения предполагается закрепление знаний, полученных студентами за первые два года, а также рекомендуется углубленное прохождение таких вопросов, как пунктуация английского языка, стилистические особенности изменения порядка слов в предложении (например, грамматическая инверсия, эмфатическая инверсия, стилистическая инверсия), эллипсис, риторические вопросы, параллельные конструкции и повторы.

Лексика/Чтение

Представляется целесообразным сконцентрироваться на общественно-политической лексике, представленной в средствах массовой информации. В качестве материала рекомендуется чтение таких газет, как “The Times”, “The Guardian”, “The Independent” и журналов “New Yorker”, “The Economist”. Помимо неадаптированных текстов возможно использование таких специализированных курсов, как “Cambridge English for the Media”, “Mass Media Language” Ксензенко О.А., Менджерицкая Е.О. Возможно использование аудио и видеоматериалов таких каналов, как BBC и CNN. В центре внимания оказывается устный и письменный перевод текстов, перевод текстов со слуха, составление эссе в подражание стилю Mass Media, составление собственных рассказов с максимальным использованием пройденной лексики.

Практика языка (Reading, Writing, Listening, Speaking)

По окончании третьего года обучения предполагается завершение выбранного УМК с минимальным уровнем владения Upper-Intermediate.

Рекомендованная литература

См. выше

Формы контроля знаний

Устный экзамен

1. Перевод незнакомого текста со слуха (кассета, радиопередача).
2. Перевод незнакомой газетной статьи с русского на английский и с английского на русский.

Письменный экзамен

1. Аудирование.
2. Грамматический тест на пройденный материал.
3. Письменный перевод предложений на пройденную лексику и грамматику.

4 курс

В связи с огромной популярностью и востребованностью международных экзаменов, студенты готовятся и сдают экзамен на получение Кембриджского сертификата уровня B2 (FCE) или C1 (CAE).

Грамматика

Изучение и повторение грамматики происходит в рамках уровня (B2 (FCE), C1 (CAE)) подготовки к Кембриджскому экзамену.

Лексика

Помимо лексики, рекомендуемой учебниками для подготовки к экзамену, особое внимание стоит уделить таким аспектам как коллокации, идиомы, фразовые глаголы, Academic English.

Чтение

В рамках подготовки к сдаче Кембриджского экзамена рекомендуется чтение специально назначаемой Cambridge ESOL каждый год книги с выполнением разработанных к ней заданий и подготовкой к написанию сочинения по данной книге.

Рекомендованная литература

Учебники

1. Bell Jan, Gower Roger, Hyde Drew "First Certificate Expert", Longman
2. Bell Jan, Gower Roger, Hyde Drew "Advanced Expert CAE", Longman
3. Roberts Rachael, Acklam Richard, Crace Araminta, Boyd Elaine "Premium B2", Longman
4. Roberts Rachael, Acklam Richard, Crace Araminta, Boyd Elaine "Premium C1", Longman
5. Newbrook Jacky, Wilson Judith, Acklam Richard, Kenny Nick "FCE Gold Plus", Longman
6. Newbrook Jacky, Wilson Judith, Acklam Richard, Kenny Nick "CAE Gold Plus", Longman
7. Practice Tests Plus Series, Longman
8. Brook-Hart Guy "Complete First Certificate", Cambridge University Press
9. Brook-Hart Guy & Haines Simon "Complete CAE", Cambridge University Press
10. Capel Annette & Sharp Wendy "Objective First Certificate", Cambridge University Press
11. O'Dell Felicity & Broadhead Annie "Objective CAE", Cambridge University Press
12. Cambridge First Certificate in English 1, 2, 3 for updated exam, Cambridge University Press
13. Cambridge Certificate in Advanced English 1, 2, 3 for updated exam
14. Harrison Mark "FCE Testbuilder", Macmillan
15. French Amanda "CAE Testbuilder", Macmillan

Грамматика

1. Prodromou Luke "Grammar and Vocabulary for First Certificate", Longman
2. Side Richard & Wellman Guy "Grammar and Vocabulary for Cambridge Advanced and Proficiency", Longman
3. Hewings Martin "Cambridge Grammar for CAE and Proficiency", Cambridge University Press
4. Hashemi Louise and Thomas Barbara "Cambridge Grammar for First Certificate", Cambridge University Press
5. Carter Ronald, Hughes Rebecca and McCarthy Michael "Exploring Grammar in Context", Cambridge University Press

6. Carter Ronald and McCarthy Michael “Cambridge Grammar of English. A Comprehensive Guide”, Cambridge University Press
7. Macmillan English Grammar in Context

Лексика

1. Thomas B. J. “Advanced Vocabulary & Idiom”, Longman
2. Thomas Barbara and Matthews Laura “Cambridge Vocabulary for First Certificate”, Cambridge University Press
3. McCarthy Michael and O’Dell Felicity “English Vocabulary in Use. Upper-Intermediate”, Cambridge University Press
4. McCarthy Michael and O’Dell Felicity “English Vocabulary in Use. Advanced”, Cambridge University Press
5. McCarthy Michael and O’Dell Felicity “Academic Vocabulary in Use”, Cambridge University Press
6. McCarthy Michael and O’Dell Felicity “English Idioms in Use. Intermediate”, Cambridge University Press
7. McCarthy Michael and O’Dell Felicity “English Idioms in Use. Advanced”, Cambridge University Press
8. McCarthy Michael and O’Dell Felicity “English Collocations in Use. Intermediate”, Cambridge University Press
9. McCarthy Michael and O’Dell Felicity “English Collocations in Use. Advanced”, Cambridge University Press
10. McCarthy Michael and O’Dell Felicity “English Phrasal Verbs in Use. Intermediate”, Cambridge University Press
11. McCarthy Michael and O’Dell Felicity “English Phrasal Verbs in Use. Advanced”, Cambridge University Press
12. Wyatt Rawdon “Check Your Vocabulary for FCE”, Macmillan
13. Porter David “check Your Vocabulary for Academic English”, Macmillan

Чтение

Адаптированные книги уровня FCE или CAE, назначенные ESOL Cambridge для сдачи экзамена.

Формы контроля знаний

Устный/Письменный Экзамен

Пробный экзамен уровня FCE или CAE.

5 курс

На пятом курсе продолжается подготовка к сдаче международного экзамена на получение Кембриджского сертификата следующего уровня C1 (CAE) или C2 (CPE).

Грамматика/Лексика

Изучение и повторение грамматики и лексики происходит в рамках уровня (C1 (CAE), C2 (CPE)) подготовки к Кембриджскому экзамену.

Как и на четвертом курсе, особое внимание стоит обратить на такие лексические аспекты, как коллокации, идиомы, фразовые глаголы, Academic English.

Чтение

1. Чтение газетных и журнальных статей качественной прессы ("The Times", "The Guardian", "The Independent", "New Yorker", "The Economist", etc.)
2. Чтение неадаптированной художественной и научно-популярной литературы.

Рекомендованная литература

Учебники

1. Bell Jan, Gower Roger, Hyde Drew "Advanced Expert CAE", Longman
2. Newbrook Jacky and Wilson Judith "New Proficiency Gold", Longman
3. Practice Tests Plus CAE, Longman
4. Practice Tests Plus Proficiency, Longman
5. Scott-Barrett Fiona "Longman Exam Skills. Proficiency use of English", Longman
6. Scott-Barrett Fiona "Longman Exam Skills. Proficiency Listening and Speaking", Longman
7. McGavigan Patrick and Reeves John "Longman Exam Skills. Proficiency Writing", Longman
8. Capel Annette and Sharp Wendy "Objective Proficiency", Cambridge University Press
9. Jones Leo "New Progress to Proficiency", Cambridge University Press
10. Cambridge Certificate of Proficiency in English 1, 2, 3, 4, 5. Examination Papers from Cambridge ESOL
11. Harrison Mark "New Proficiency Testbuilder", Macmillan

Грамматика

1. Side Richard & Wellman Guy "Grammar and Vocabulary for Cambridge Advanced and Proficiency", Longman
2. Hewings Martin "Cambridge Grammar for CAE and Proficiency", Cambridge University Press
3. Carter Ronald, Hughes Rebecca and McCarthy Michael "Exploring Grammar in Context", Cambridge University Press
4. Carter Ronald and McCarthy Michael "Cambridge Grammar of English. A Comprehensive Guide", Cambridge University Press
5. Biber Douglas, Johansson Stig, Leech Geoffrey, Conrad Susan, Finegan Edward "Longman Grammar of Spoken and Written English", Longman

Лексика

См. рекомендованную литературу за 4 курс

Чтение

1. Качественная пресса ("The Times", "The Guardian", "The Independent", "New Yorker", "The Economist", etc.)
2. Bragg Melvyn "The Adventure of English"
3. Bryson Bill "Mother Tongue"
4. Crystal David "The Fight for English"
5. Fox Kate "Watching the English"
6. Paxman Jeremy "The English"
7. Truss Lynne "Eats, Shoots & Leaves"

Формы контроля знаний

I. Устный/Письменный Экзамен: пробный экзамен уровня CAE или CPE.

- II. а) Чтение без словаря и устное изложение газетной статьи.
б) Перевод общественно-политического газетного текста с русского на английский и с английского на русский.
с) Устное изложение одной из глав прочитанной книги.

Образцы текстов на "Functional Language"

Complaining

1

- A I wish you wouldn't have your TV so loud.
B Sorry! Were you trying to sleep?
A Yes, and while I think of it – please ask when you borrow the iron.
B I really ought to have known better. Sorry!

2

- A Do you think you could keep the noise down a bit?
B Sorry! Have I been keeping you awake?
A Yes, and another thing – would you mind not using my toothpaste?
B I'm sorry. I thought you didn't mind.

3

- A That radio's terribly loud. Could you turn it down a fraction?
B Sorry! Is it disturbing you?
A Yes, and something else – wouldn't it be an idea to buy your own soap?
B Sorry! I didn't realise you felt so strongly about it.

4

- A Do you have to have that record on quite so loud?
B Sorry! Is it bothering you?
A Yes, and while I'm about it – please don't use the phone without asking.
B So sorry! I meant to ask you, but you were out.

Образцы текстов на тематическую лексику

Preparing and eating food

As usual, Miles had excelled himself in the kitchen, and the table was spread with an array of Mediterranean dishes that filled the air with a delicious aroma. However, the events of the afternoon had affected the family's appetites in different ways. Lord Belsize *tucked* in with his usual vigour, *stuffing* great chunks of avocado into his mouth and washing them down with *gulps* of white wine, while Lady Belsize *picked* daintily at her plate of snails with garlic sauce and *nibbled* at olives. George gazed dreamily out over the bay, occasionally *sipping* mineral water, and using his fork as a drumstick. He had obviously lost his appetite completely, and was put off by the appetizing smell of the grilled trout. Meanwhile, Jemima on his left, her pretty face tense with concentration, was resolutely *attacking* her food, as if she had been *fasting* for at least two days. She deftly separated flesh from bone and thoroughly *chewed* each mouthful of the succulent fish, occasionally *downing* a whole glass of wine. Miles himself, having put so much into the preparation of the meal, was contentedly *munching* home-made bread as he *swallowed* spoonfuls of minestrone soup with a *slurping* sound. Lord Belsize, having by now *polished off* a very large rare steak with mushrooms, *drained his glass*, *licked his lips* noisily, belched and said: 'Well, George, I'm glad to see you're not *overeating* tonight. We wouldn't want you to have indigestion on the eve of your wedding, would we, Jemima? Jemima, looking startled, began to choke and hurried into the villa, coughing. 'Looks like something went down the wrong way,' said Miles, and *gobbled* two artichoke hearts.

Crime, the law and the police

The next twenty-four hours will see police in Britain record two murders, ten rapes, 50 sexual assaults, 50 assaults causing grievous bodily harm, 113 muggings and other robberies, 2,800 burglaries, and 1,200 car thefts. Yet these figures – part of an annual total of about Five million recorded crimes – represent only the tip of an iceberg. And that is not all. Each of the three quarters of this year for which figures have already been published showed a rise of about 14 per cent on the same period 12 months before. This is a big disappointment for policymakers, because in the last two years the recorded crime rate actually fell.

The public's understanding of crime is not impressive, however. A recent survey found that two-thirds of the population believe that 50 per cent of crimes are violent offences against the person. The true figure is 6 per cent. Small wonder, perhaps, that a government committee claimed fear of crime to be as great a problem as crime itself.

The elderly, for example, fear crime the most, especially violent crime, although they are the least likely to become victims (The most dangerous age of all is under one year old with 28 homicide victims per million babies.

People of 70 are far less likely to be murder victims than any adult group, with only eight victims per million. Only children aged 5-15 are safer.)

According to an international survey published last year, Britain's crime rate is lower than the European average and lower than that of Holland, Germany, Canada and Australia. About 18 per cent of Britons were victims of crime last year. In Canada 28 per cent had experienced a crime, in Holland 26 per cent and in Germany 22 per cent. At the other end of the scale Switzerland (15.6 per cent) and Finland (15.9 per cent) had low overall victim rates. But safest of all was Northern Ireland: there only 15 per cent of the population experienced a crime.

The US appeared to live up to its reputation for lawlessness overall, with 28.8 per cent of the population having been a victim of a crime. America's murder rate makes ours seem infinitesimal. Nearly twice as many murders (1,051) were committed in the city of New York in the first six months of last year as in England and Wales (627).

But nobody in Britain is complacent. A computer study of every person born in a certain month in 1953 revealed that by the age of 30, one in three men had been convicted of a crime. One in 16 had been in prison. One in eight born in 1953 who had been convicted of an offence had committed a crime of violence by the age of 20. For those born in 1963, this proportion had risen to one in five.

Образцы экзаменационных заданий

Образец текста страноведческого характера

Read the text, translate it into Russian and retell in English. Then answer the questions.

Free London

The good news for visitors to London without a great deal of money to spend is that many of the best things to see are absolutely free! Most museums and public art galleries do not charge admission, although there may be a fee for special exhibitions. However, there are free exhibitions of modern art, much of it of especially high quality, at the private art galleries which sell pictures. The best of these private galleries can be found in a small area on or near Bond and Cork Streets. Near these private galleries are London's great auction houses, such as Sothebys and Christies, open free to the public. Most visitors are dazzled at the huge prices paid for paintings, silver, china, jewellery and costumes.

For those more interested in drama and cinema than in art, there are free plays, rehearsals and recitals at the National Theatre and the Barbican. There are free showings of films, often of exceptional merit, at the Commonwealth Institute, British Museum, the Museum of Mankind, and the Tate Gallery.

Lovers of good music can hear at no charge excellent organ recitals at many of London's churches and cathedrals. Southwark Cathedral and St

Martin-in-the-Fields, the latter off Trafalgar Square, have wonderful programmes of free lunchtime music in the summer.

Admirers of architecture can view at no cost the great London churches and cathedrals – the works of England's greatest architects – St Paul's designed by Sir Christopher Wren, Southwark Cathedral, Westminster Cathedral, St Dunstan's, a medieval church in Stepney Green, St Mary-le-Strand, and St Ethelburga-the-Virgin-Within-Bishopsgate, the last a tiny church nestled among the skyscrapers and office buildings in the City of London. On the way out of this peaceful and beautiful church, visitors step over a motto taken from an ancient Roman temple: *Bonus Intra, Melior Exi*, which means 'Come in Good, Go out Better'. For those who favour the architecture of houses rather than religious buildings, there are free visits to Kenwood House, an eighteenth-century mansion in Highgate, Ham House near Richmond in Surrey, Fenton House on Hampstead Heath, Wren's Queen's House in Greenwich, and Chiswick House. One house visitors cannot enter free or for any price is the privately-owned Kenstead Hall in Hampstead. Its present owner spent £16,000,000 to buy it in 1982.

For those interested in more popular pleasures, a visit to Covent Garden is highly recommended. In the Piazza or the portico of the Inigo Jones actors' church of St Paul, there are free street performances of all kinds, including jugglers, fire-eaters, break dancers, folk singers and Punch and Judy shows.

The parks are free without exception. Many of them also have free concerts by military bands. A visit to the Law Courts is not only free but very instructive for those who wish to know more about British justice.

Obviously, Speakers' Corner in Hyde Park, near Marble Arch, on Sundays is free, but be prepared to hear heated debates on politics, religion and morals, punctuated by cries of 'Rubbish!' or 'Hear, hear!', by opponents and supporters in the crowd. For those fascinated by how money is made, there are free tours of the Stock Exchange.

At the BBC's Maida Vale Recording Studios and the Paris Studio in Lower Regent Street, it is possible to enjoy TV quiz shows, comedies, concerts, poetry and panel games in great comfort and entirely free. Such visits may provide an excellent opportunity for students studying English in London to hear the language spoken in all its rich variety.

The Lord Mayor's Show and street festivals such as the Notting Hill Carnival are grand days out which again cost nothing. The floats and music are wonderfully inventive.

Perhaps London's most spectacular free entertainment is fireworks. The best come on special occasions like Guy Fawkes' Day in November, or the births and marriages of princes and princesses, or special celebrations for the birthday of the composer George Frederick Handel on the Serpentine.

For further details, buy a copy of *Free London* on sale in most London Underground stations. Unfortunately, it will cost you more than £1.00, but it will save you many times that sum during your visit.

Questions on 'Free London'

1. What is the difference between a public and a private art gallery?
2. What five items are sold at London's great auction houses?
3. What is the translation of Bonus Intra, Melior Exi?
4. Which two buildings mentioned in the passage were designed by the architect Sir Christopher Wren?
5. What, besides entertainment, is a good reason for student visitors to watch British television shows being made?
6. On what special occasions are you likely to see fireworks in London?
7. Can you say why buying a publication called Free London might save you money?

Образцы экзаменационного задания на перевод с русского на английский

I

И все же я думаю, что английский язык, вероятнее всего, сохранит свой статус международного языка на ближайшие сто лет, или около того. Сейчас мне бы хотелось сказать несколько слов об одной его черте, которая пока что не упоминалась. Он лаконичен. Прежде всего, в нем множество коротких слов. Есть, конечно, и длинные, такие как *consistency, legislation, financial, unequal, misinterpretation* и многие другие, но в обычных ситуациях численное превосходство коротких слов над длинными совершенно ясно. Это огромное преимущество в повседневных разговорах, когда вы должны сказать многое, к тому же ясно и точно, а времени у вас мало. Например, в переговорах между пилотами двух самолетов в небе, или капитанами двух судов в море. Вот почему английский стал согласованным языком общения для большинства международных авиалиний и служб чрезвычайных ситуаций.

При всех своих неприятных «ловушках» английский синтаксис позволяет обойтись одним-двумя словами там, где в других языках вам понадобятся несколько слов, возможно, даже целое предложение.

Постарайтесь перевести *fitness* или *PR officer* на русский язык, и вы получите что-нибудь вроде *хорошая физическая форма* и *сотрудник, отвечающий за связи с общественностью*. Как перевести *talk-show*? Выход уже найден – слово было просто заимствовано.

Если вы сравните английскую книгу (по-настоящему хорошую, конечно) с ее русским переводом (тоже по-настоящему, хорошим), вы увидите, что последний гораздо толще. Книга толще! Почему? Просто подумайте об этом. Это интересно.

Все это не значит, однако, что английский язык превосходит все другие языки, или что его литература является непревзойденной нигде в мире. И все же приходится признать, что к лучшему или к худшему, английский язык стал наиболее «глобальным» языком сегодняшнего дня. Сохранит ли он этот статус в будущем? Прогнозы делать трудно!

II

Всемирно знаменитый Микки Маус никогда и не подозревал, что у него в России есть кузены, происходящие от маленькой мышки, в честь которой называется целый город на Волге.

В легенде говорится (согласно легенде) приблизительно в то время, когда Вильгельм Завоеватель стал королем Англии (т.е. в 1066 году нашей эры), молодой русский князь однажды охотился в глухом лесу на берегу Волги. Он устал после удачной (спешной) охоты и прилег отдохнуть под деревом на крутом берегу реки. Он крепко спал, когда его разбудила мышка, пробежавшая по его лицу. Он еще хотел спать, поэтому, увидев мышку, убежавшую в лес, очень рассердился. Но когда он уже собирался бросить в мышку камень, он заметил, что к нему подползает гадюка. Если бы мышка не разбудила его, гадюка бы его ужалила, и он бы умер. Мышка спасла ему жизнь! Благодарный князь приказал оградить это место канатами и построить там часовню. Постепенно люди стали селиться вокруг часовни, и по приказу князя поселок был назван Мышкин, что можно понять либо как *принадлежащий мышке*, либо *в честь мышки*.

Такова легенда. Как и любую другую легенду ее нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Во всяком случае крутой холм на берегу Волги оказался идеальным местом для строительства поселения, которое потом стало городом.

В его истории были драматические периоды, но какими бы трудными ни были времена, мышка всегда была его верным покровителем. В царствование Екатерины Второй городу было позволено иметь собственный герб с изображением медведя и мыши.

Сейчас это процветающий город и туристический центр с несколькими интересными музеями, в том числе музеем Мыши, единственным в мире музеем такого рода. И, конечно, везде в городе вы можете купить сувениры, изображающие мышку в различных, причудливых нарядах.

Образец газетного текста на перевод и пересказ (экзамен)

Use it or lose it: keeping the brain young

1. You hear the same complaint all the time as people get older: "My memory is terrible." Is it all in the mind, or do real changes take place in the brain with age to justify such grumbling? The depressing answer is that the brain's cells, the neurons, die and decline in efficiency with age.

2. Professor Arthur Shimamura, of the University of California at Berkeley, says there are three main ways in which mental function changes. The first is mental speed, for example how quickly you can react to fast-moving incidents on the road. Drivers in their late teens react quickly but tend to drive too fast, while the over sixties are more cautious but react more slowly. The near-inevitable slowing with age also partly explains why soccer players are seen as old in their thirties, while golf professionals are still in

their prime at that age. This type of mental slowing results from a reduction in the efficiency with which the brain's neurons work.

3. The fact that adults find it harder to learn musical instruments than children points to a second type of mental loss with age – a reduction in learning capacity. The parts of the brain known as the temporal lobes control new learning, and are particularly vulnerable to the effects of ageing. This means that, as we get older, we take longer to learn a new language, are slower to master new routines and technologies at work, and we have to rely more on diaries and other mental aids.

4. "Working memory" is the third brain system which is vulnerable to the effects of ageing. Working memory is the brain's "blackboard", where we juggle from moment to moment the things we have to keep in mind when solving problems, planning tasks and generally organising our day-to-day life. Absent-mindedness occurs at all ages because of imperfections in the working memory system – so, for instance, you may continually lose your glasses, or find yourself walking into a room of your house only to find that you cannot remember what you came for.

5. Such absent-mindedness tends to creep up on us as we age and occurs because our plans and intentions, which are chalked up on the mental blackboard, are easily wiped out by stray thoughts and other distractions. Stress and preoccupation can also cause such absent-mindedness, in addition to age-related changes in the brain. The frontal lobes of the brain -located behind the forehead and above the eyes – are where the working memory system is located. Like the temporal lobes, which handle new learning, the frontal lobes are more vulnerable to the ageing process than other parts of the brain.

6. The news, however, is not all bleak. Although neurons reduce in number with age, the remaining neurons send out new and longer connecting fibres (dendrites) to maintain connections and allow us to function reasonably well with only relatively small drops in ability.

7. This and other evidence suggests that the principle "use it or lose it" might apply to the ageing brain. Professor Shimamura studied a group of university professors who were still intellectually active, and compared their performance on neuropsychological tests with that of others of their age group, as well as with younger people. He found that on several tests of memory, the mentally active professors in their sixties and early seventies were superior to their contemporaries, and as good as the younger people.

8. Research on animals provides even stronger evidence of the effects of stimulation on the brain structure. Professor Bryan Kolb, of the University of Lethbridge in Canada, has shown that animals kept in stimulating environments show sprouting and lengthening of the connecting nerve fibres in their brains, in comparison with animals kept in unstimulating environments.

9. The beneficial effects of continued mental activity are shown by the fact that older contestants in quiz shows are just as fast and accurate in responding to general knowledge questions as younger competitors, suggesting that at least part of their intellectual apparatus is spared the effects of ageing because of practice and skill.

10. Such findings lead to the intriguing possibility of "mental fitness training" to accompany jogging and workouts for the health conscious. Research in Stockholm by Professor Lars Backman and his colleagues has shown that older people can be trained to use their memory better, with the effects of this training lasting several years.

11. Just as people go bald or grey at different rates, so the same is true for their mental faculties. Why this should be the case for memory and other mental functions is not yet clear, but physical factors play a part. If Professor Shimamura is right, then the degree to which people use and stretch their mental faculties may also have a role to play.

By Ian Robertson in The Times

Образец экзаменационного задания.

Euphemisms

1. Change the following sentences, replacing the euphemisms, in italics, with more simple, direct words or phrases.

- (a) I'm afraid Mrs Wild passed away last night.
- (b) Excuse me, where's the nearest public convenience?
- (c) Senior citizens are entitled to free bus travel.
- (d) Sadly, my grandmother is no longer with us.
- (e) In the middle of the exam I had to answer a call of nature.
- (f) His hat had seen better days.
- (g) We had to have our dog put to sleep.
- (h) We were obliged to dispense with Miss Farr's services last month.
- (i) He has been asked to leave the country due to his involvement with activities incompatible with his diplomatic duties here.
- (j) The state has an obligation to assist the less privileged members of the community.
- (k) The estate agent says the house needs some attention.
- (l) The ambassador said the talks were likely to have a negative outcome.
- (m) Tourists are advised to avoid the less salubrious parts of the city.
- (n) Mr West has shown insufficient effort in the -execution of his duties.

The following sentences are very direct. Rewrite them, replacing the parts in italics with euphemisms.

E.g. She's very old.

She's not as young as she was/*getting on/advanced* in years.

- (a) He's fat and ugly.
- (b) I'm going to vomit.

- (c) She's a terrible cook.
- (d) You were drunk last night.
- (e) This work is very careless.
- (f) Grandpa can hardly walk.
- (g) Your representative lied to us.
- (h) The talks were a waste of time.
- (i) He's always late for work.
- (j) Your product is very badly-made.
- (k) Our relations with your country are awful.
- (l) It would be stupid to go on strike now.
- (m) You owe us money.
- (n) We were very angry with your letter.

Программа по сравнительно-исторической грамматике славянских языков для студентов русского и славянского отделений филологического факультета

© доктор филологических наук А.И. Изотов, 2011

Предлагаемая далее рабочая программа составлена в соответствии с требованиями ОС МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности/направлению подготовки «Филология»

1. Цели освоения дисциплины

Целями освоения дисциплины **Сравнительно-историческая грамматика славянских языков** являются:

- изучение эволюции славянского языкового массива от его выделения из массива праиндоевропейского до этапа появления древнейших памятников славянской письменности;
- получение представления об основных общеславянских фонетических и морфологических процессах праславянской эпохи;
- знакомство со спецификой графики, фонетики, морфологии и синтаксиса современных славянских языков.

2. Место дисциплины в структуре ООП:

Вариативная часть.

Данная дисциплина предназначена для студентов-русистов и студентов-славистов, уже прослушавших курсы «Основы языкознания», «Введение в славянскую филологию», «Старославянский язык».

Для изучения дисциплины необходимы знания, умения и навыки, сформированные у обучающихся в процессе освоения названных дисциплин. Полезными могут быть также компетенции, формируемые следующими параллельно изучаемыми дисциплинами: «Современный русский язык», «Славянский язык», «Иностранный язык».

Курс сравнительно-исторической грамматики славянских языков призван интегрировать в сознании учащихся знания, полученные ими при изучении дисциплин лингвистического и исторического цикла как базовой, так и вариативной частей ООП и облегчить им освоение дисциплин «Общее языкознание», «Иностранный язык».

3. Требования к результатам освоения дисциплины:

Процесс изучения дисциплины направлен на формирование следующих компетенций (в части сравнительно-исторической грамматики славянских языков):

- знание основных понятий и терминов современной филологической науки, представление о структуре и перспективах развития филологии как области знаний, о важнейших филологических (лингвисти-

ческих и литературоведческих) отечественных и зарубежных научных школах (С-ОПК-1);

- владение терминологическим аппаратом современной науки о языке и приемами научного исследования языка; понимание тенденций и перспектив развития языка в терминах прагмалингвистики и когнитивистики; знание современных подходов к анализу текста и дискурса (С-ОПК-2).

В результате освоения дисциплины обучающийся должен:

Знать:

- об основных общеславянских закономерностях развития фонетики и морфологии; о регулярных соответствиях между русским и другими славянскими языками в области фонетики и морфологии.

Уметь:

- определять по графическому оформлению современного текста, на каком из современных славянских языков он составлен; перевести со словарем несложный текст с любого из современных славянских языков на русский.

Владеть:

- базовой терминологией сравнительно-исторической грамматики славянских языков.

4. Структура и содержание дисциплины

Общая трудоемкость дисциплины составляет 2 зачетные единицы (72 часа, из них 34 часа – лекции, 34 часа - самостоятельная работа студентов, 4 часа - подготовка и проведение зачета).

Содержание лекций

1. Проблема обособления славян от других индоевропейцев. Концепция Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванова и ее критики. Лингвистические свидетельства контактов славян (носителей славянских диалектов) с другими индоевропейцами и неиндоевропейцами (носителями соответствующих диалектов). Глоттохронология. Соотношение терминов «праславянский язык» и «общеславянский язык» в отечественной и зарубежных терминологических традициях. Проблема балто-славянского взаимодействия. Варианты периодизации праславянского языка, предложенные Н.С. Трубецким и С.Б. Бернштейном.

2. Графика. Средневековые и современные славянские алфавиты на основе глаголицы, кириллицы, латиницы: русский, украинский, белорусский, чешский, словацкий, польский, лужицкие, болгарский, македонский, сербский, хорватский, словенский. Графическая огласовка текстов на вымерших (вымирающих) славянских языках и на славянских микроязыках. Реформы славянской графики.

3. Отношение раннего праславянского вокализма к индоевропейскому. Система долгих и кратких гласных \bar{a} , \bar{e} , \bar{u} , \bar{i} , \bar{o} , \bar{y} , \bar{i} , долгих и кратких гласных сонантов \bar{r}_1 , \bar{r}_2 , \bar{l}_1 , \bar{l}_2 , \bar{m}_1 , \bar{m}_2 , \bar{n}_1 , \bar{n}_2 , \bar{f}_1 , \bar{f}_2 , \bar{l}_1 , \bar{l}_2 , \bar{m}_1 , \bar{m}_2 , \bar{n}_1 ,

ǫ̃, к которым примыкает система дифтонгических сочетаний гласных с сонантами (ē̃, ē̃, ē̃ц, ē̃ц, ē̃п, ē̃п, ē̃т, ē̃т, ē̃г, ē̃г, ē̃л, ē̃л; ā̃, ā̃...). Проблема разграничения дифтонгов и дифтонгических сочетаний.

4. Отношение раннего праславянского консонантизма к индоевропейскому. Согласные сонанты *m*, *ɥ* (*v*, *w*), *r*, *l*, *n*, *ɨ* (*j*), согласные шумные *p*, *b*, *t*, *d*, *s* (*z*), (*k* >) *ś*, (*g*, *gh* > *g* >) *ž*. Неразличение на славянском материале рефлексов праиндоевропейских придыхательных и непрдыхательных, а также рефлексов лабиализованных и нелабиализованных смычных согласных. Проблема непоследовательной сатемовости.

5. Древнейшая структура праславянского слога, интонация, ударение. Старый акут и старый циркумфлекс, их следы в современных славянских языках. Концепции Ф.Ф. Фортунатова и В.А. Дыбо. История праславянского языка, продолженная историями отдельных славянских языков как понижение вокализма и усиление консонантизма.

6. Балто-славянский языковой союз. Утрата слоговости сонантами и возникновение на их месте дифтонгических сочетаний [iŕ], [iŕg], [iŕl], [iŕl], [iŕm], [iŕm], [iŕn], [iŕn]. Обособление интонации от количества гласного. Передвижение ударения на слоги с акутовой интонацией со слогов с циркумфлексной интонацией и со слогов с краткими монофтонгами. Закон Педерсена. Гипотезы, объединяющие праславянское изменение *s* > *x* с более широким индоевропейским контекстом. Проблема относительной хронологии перехода *s* > *x* и «сатемовой палатализации». Особые случаи появления славянского [x]: морфологическая аналогия; заимствования; звукоподражание; *k^h, *ks, *sk, k как возможные источники [x]. Изменение согласного сонанта [m] > [n] в конце слога в индоевропейском контексте.

7. Распад балто-славянского языкового союза. Изменение согласных перед [j]. Первая палатализация задненёбных согласных. Изменение гласных [ū] > [ī], [ū] > [ī], [ō] > [ē] после мягких согласных. История гласного [ē]. Сокращение долгих гласных в составе дифтонгических сочетаний. Изменение гласных [ū] > [y], [ū] > [y], [ī] > [y].

8. Активизация тенденции к восходящей звучности слога («закон открытого слога») и значительное расширение территории праславянского языка на запад и на восток, создавшее предпосылки для его диалектного членения как процессы, определившие наступление новой эпохи в истории праславянского языка в III-II веках до нашей эры. «Закон открытого слога» в индоевропейском контексте (индоевропейская утрата ларингалов как проявление аналогичной тенденции). Изменение слогораздела. Утрата конечных согласных. Появление протетических звуков [i] (перед [ē], [ā], [y], [ā]) и [ɥ] (перед [y], [y], в единичных случаях перед [ā]). Судьба новых сочетаний согласных, появившихся в результате изменения слогораздела. Монофтонгизация дифтонгических сочетаний (через стадию дифтонга). Вторая палатализация задненёбных согласных. Третья палатализация задненёбных согласных.

9. Древнейшие праславянские изоглоссы. Западный и восточный диалектные массивы (рефлексы сочетаний [tl], [dl]; рефлексы сочетаний [kv], [gv] перед гласными переднего ряда; изменение [x] по второй и третьей палатализациям; рефлексы долгих взрывных согласных [t̥] и [d̥]). Болгаро-лехитская изоглоссная область (рефлексы l-epentheticum на стыке морфем; рефлексы первого и второго «ятей»; рефлексы праславянского носового гласного [ɔ]; рефлексы аффрикат [ʒ] и [ʒʹ]). Восточнославянско-лехитская изоглоссная область (рефлексы *ort-, *olt- и *tort-, *tolt-).

10. Распад славянского языкового единства. Сокращение долгих гласных в различных праславянских диалектах. Позиционные изменения сверхкратких гласных в различных праславянских диалектах. Появление нового акута и нового циркумфлекса. Процесс сближения полумягких и мягких согласных в различных славянских диалектах. Деназализация носовых гласных в различных праславянских диалектах. Выпадение интервокального [j] в различных праславянских диалектах. Судьба сверхкратких гласных в различных праславянских диалектах.

11. Фиксация старославянскими памятниками XI века изменений в фонетической системе южных диалектов праславянского языка («падение редуцированных»), совпадение мягких и полумягких согласных, неразличение слоговых плавных по ряду, изменение [ʒʹ] > [zʹ]; отвердение мягких согласных; утрата l-эпентетикума).

12. Общая характеристика морфологической системы праславянского языка в отношении к праиндоевропейской. Противопоставление глагола и имени, формирующих два полюса морфологической системы, которое было унаследовано праславянским языком из праиндоевропейского. Сближение на славянском материале местоимений с именами. Проблема сохранения праславянским языком индоевропейской системы падежей. Вытеснение ряда древних синтетических глагольных временных форм аналитическими формами, появление на славянском материале новых синтетических глагольных форм.

13. Имя существительное в праславянском и в истории отдельных славянских языков. Проблемы реконструкции праславянских типов склонения существительных: *ā-склонение (*g^uēn-ā-ø), *ō-склонение (*ōrb-ō-s), *ū-склонение (*sūn-ū-s), *ī-склонение (*g^hōst-ī-s), *ū-склонение (*sūēkr-ū-s), *r-склонение (*mātēr-ø), *s-склонение (*klēūs-ø), *n-склонение (*aktōn-ø), *nt-склонение (*rōkŋt-ø).

14. Глагол. Спрягаемые формы глагола в праславянском и в истории отдельных славянских языков. Проблемы реконструкции праславянских парадигм настоящего времени, аориста (асигматического, старого сигматического и нового сигматического), имперфекта, императива.

15. Неличные формы глагола (инфинитив, супин, причастие) в праславянском и в истории отдельных славянских языков.

16. Прилагательное, местоимение, наречие в праславянском и в истории отдельных славянских языков. Первичные и вторичные (производные от других слов) наречия.

17. Проблемы реконструкции синтаксической системы праславянского языка. Общие проблемы праславянской лексикологии. Слова, унаследованные из индоевропейского. Заимствование как источник пополнения лексики праславянского и отдельных славянских языков.

5. Рекомендуемые образовательные технологии:

Курс предполагает широкое использование интерактивных форм обучения, в том числе с привлечением сетевых технологий. Письменные домашние задания и тесты выполняются в электронном виде и высылаются преподавателю по электронной почте.

6. Учебно-методическое обеспечение самостоятельной работы студентов. Оценочные средства для текущего контроля успеваемости, промежуточной аттестации по итогам освоения дисциплины:

Основной вид самостоятельной работы обучающегося – работа с учебниками, справочной литературой и первоисточниками, консультации с лектором (электронная почта).

Текущий контроль осуществляется с помощью тестирования.

Данный курс рассчитан на один учебный семестр. В конце семестра обучающихся сдает зачет в виде презентации по одной из предложенных тем.

Образец тестового задания

Подчеркните правильный вариант: *Приводимый далее фрагмент написан на современном (русском, украинском, белорусском, чешском, словацком, польском, болгарском, македонском, сербском, хорватском, словенском) языке.*

Кога господ ја направи дуњата, човекот дојде при него и му рече на господа: "Ти ме направи човек! Кажу ми сега колку ќе живеам, како ќе живеам, со што ќе се рамам и што ќе работам". Господ му рече: "Триесет години ќе живееш; ќе јадеш слободно секој шеј што не ти го расипува здравјето, и работата ќе ти биде: да го повелаш сето што е на дуњата". Човекот му вели: "Е, господи! Благодарам на арниот живот што ме даруваш, ама годините ми се малце!" Господ му вели: „Оди таму, на којшто да седиш“.

Методические указания для самостоятельной работы студентов

1.

Концепция Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова относительно миграций индоевропейских племен (включая предков славян) в исторические области расселения детально излагается в [Гамкрелидзе, Иванов 1984. Т. II: 857-969].

О лингвистических свидетельствах контактов славян с другими индоевропейцами и неиндоевропейцами см. также [Бернштейн 1961: 24-102].

О возможностях применения предложенной М. Сводешем глотто-хронологической методики см. [Бурлак, Старостин 2005: 152-153].

О соотношении терминов «праславянский язык» и «общеславянский язык» см. [Бернштейн 1961: 42-43], [Кузнецов 2006].

О проблеме балто-славянских языковых отношений см. [Бернштейн 1961: 27-36].

О предложенной Н.С. Трубецким периодизации праславянского языка и критику этой периодизации С.Б. Бернштейном см. [Бернштейн 1961: 47].

2.

О графике современных языков см. соответствующие разделы [Славянские языки 1977] и [Булахов, Жовтобрюх, Кодухов 1987]. О графике старославянских памятников см. [Ремнёва 2004: 40-49]. О графике современного церковнославянского языка см. [Алипий 1991: 17-28].

3.

Об отношении праславянского вокализма к индоевропейскому см. [Бернштейн 1961: 143-149] и [Маслова 2005: 119-174]. Там же о проблеме разграничения дифтонгов и дифтонгических сочетаний.

4.

Об отношении праславянского консонантизма к индоевропейскому см. [Бернштейн 1961: 149-154] и [Маслова 2005: 29-118]. О проблеме непоследовательной сатемовости см. [Маслова 2005: 369-376].

5.

О древнейшей структуре праславянского слога, интонации, ударении см. [Бернштейн 1961: 141-143]. О концепции Ф.Ф. Фортунатова см. [Фортунатов 1956: 205-368]. О концепции В.А. Дыбо см. [Дыбо 1981].

6.

Об основных изменениях в праславянском языке, связанных с периодом балто-славянского языкового союза см. [Бернштейн 1961: 154-166]. О законе Педерсена и об особых случаях появления славянского [x] см. [Маслова 2005: 205-252].

7.

Об основных изменениях в праславянском языке, связанных с периодом распада балто-славянского языкового союза, см. [Бернштейн 1961: 166-180].

8.

Об основных изменениях в праславянском языке, связанных с активизацией тенденции к восходящей звучности слога («закон открытого слога») и значительным расширением территории праславянского языка на запад и на восток, создавшим предпосылки для его диалектного членения см. [Бернштейн 1961: 182-211].

9.

О древнейших праславянских изоглоссах см. [Бернштейн 1961: 211-230].

10.

Об основных изменениях в праславянском языке, связанных с распадом славянского языкового единства, см. [Бернштейн 1961: 230-259].

11.

О том, как изменения в фонетической системе южных диалектов праславянского языка отразились в древнейших памятниках славянской письменности XI века, см. [Ремнева 2004: 89], [Хабургаев 1986: 59-60], [Новикова 1984: 102-103].

12.

Об общей характеристике морфологической системы индоевропейского праязыка см. [Фортунатов 1957: 470-426], [Савченко 2010], [Красухин 2004]. Об общей характеристике морфологической системы праславянского языка см. [Кузнецов 2006], [Вайан 2009], [Мейе 1951]. Об индоевропейской системе падежей см. [Бурлак, Старостин 2005: 234].

13.

Обзор исследований по проблемам праславянского именного склонения см. [Бирнбаум 1987: 115-120]. О фонемном составе 250 базовых лексем раннего праславянского языка см. [Маслова 2005: 510-514], у каждой лексемы отсылки на соответствующие страницы. Об имени существительном в современных славянских языках см. соответствующие разделы [Славянские языки 1977] и [Булахов, Жовтобрюх, Кодухов 1987].

14.

Обзор исследований по проблемам праславянского глагольного спряжения см. [Бирнбаум 1987: 120-124]. О фонемном составе 250 базовых лексем раннего праславянского языка см. [Маслова 2005: 510-514], у каждой лексемы отсылки на соответствующие страницы. О спрягаемых формах глагола в современных славянских языках см. соответствующие разделы [Славянские языки 1977] и [Булахов, Жовтобрюх, Кодухов 1987].

15.

О происхождении славянского инфинитива и супина см. [Савченко 2010: 177-178]. О фонемном составе 250 базовых лексем раннего праславянского языка см. [Маслова 2005: 510-514], у каждой лексемы отсылки на соответствующие страницы. О неличных формах глагола в современных славянских языках см. соответствующие разделы [Славянские языки 1977] и [Булахов, Жовтобрюх, Кодухов 1987].

16.

О происхождении славянского причастия см. [Савченко 2010: 182-186]. О фонемном составе 250 базовых лексем раннего праславянского языка см. [Маслова 2005: 510-514], у каждой лексемы отсылки на соответствующие страницы. О прилагательном, причастии и наречии в со-

временных славянских языках см. соответствующие разделы [Славянские языки 1977] и [Булахов, Жовтобрюх, Кодухов 1987].

17.

Обзор исследований по праславянской лексикологии см. [Бирнбаум 1987: 148-162]. О фонемном составе 250 базовых лексем раннего праславянского языка см. [Маслова 2005: 510-514], у каждой лексемы отсылки на соответствующие страницы. О лексических заимствованиях в праславянский язык см. [Бернштейн 1961: 91-101].

Вопросы к зачету (Примерные темы для презентации)

1. Славяне и индоевропейцы.
2. Средневековые и современные славянские алфавиты.
3. Балто-славянский праязык или балто-славянский языковой союз?
4. История носовых гласных: от праславянского до современных славянских языков.
5. История категории количества гласного: от праславянского до современных славянских языков.
6. История сверхкратких гласных: от праславянского до современных славянских языков.
7. Интервокальный [j]: от праславянского до современных славянских языков.
8. История категории мягкости согласного: от праславянского до современных славянских языков.
9. Типы склонения имен существительных: от праславянского до современных славянских языков.
10. Формы настоящего времени глагола: от праславянского до современных славянских языков.
11. Формы прошедших времен глагола: от праславянского до современных славянских языков.
12. Формы будущих времен глагола: от праславянского до современных славянских языков.
13. Императив: от праславянского до современных славянских языков.
14. Кондиционалис: от праславянского до современных славянских языков.
15. Инфинитив и супин: от праславянского до современных славянских языков.
16. Причастия: от праславянского до современных славянских языков.
17. Краткие и полные формы прилагательных: от праславянского до современных славянских языков.
18. Местоимения: от праславянского до современных славянских языков.

19. Слова, обозначающие числа: от праславянского до современных славянских языков.

20. Заимствование как источник пополнения лексики: от праславянского до современных славянских языков.

7. Учебно-методическое и информационное обеспечение дисциплины

а) основная литература:

Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М. 1961. Т. 1. (Введение. Фонетика); 2-е изд. М., 2005.

Бирнбаум Х. Праславянский язык: Достижения и проблемы в его реконструкции. М., 1987.

Кузнецов П. С. Очерки по морфологии праславянского языка. Изд. 3-е, стер. – М.: КомКнига, 2006.

Изотов А. И. Старославянский язык в сравнительно-историческом освещении: Учебное пособие. – М.: Издательство «Азбуковник», 2010.

Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990.

Маслова В. А. История праславянской фонологии. – М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2005.

Ремнёва М. Л. Старославянский язык. М., 2004.

Славянские языки / Под ред. *А. Г. Широковой, В. П. Гудкова.* – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977.

б) дополнительная литература

Алипий (Гаманович) Грамматика церковно-славянского языка. – М.: Паломник, 1991.

Булахов М. Г., Жовтобрюх М. А., Кодухов В. И. Восточнославянские языки. – М.: 1987.

Вайан А. Руководство по старославянскому языку. Изд. пятое. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009 [репринт издания 1952 года].

Вечерка Р. и др. Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков) / Под ред. *Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой.* М., 1994.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Ч. I-II. – Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1984.

Дыбо В. А. Славянская акцентология: Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М.: Наука, 1981.

Елкина Н. М. Старославянский язык. М., 1960.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. – М.: Языки славянской культуры, 2004.

Изотов А. И. Старославянский и церковнославянский языки: Грамматика, упражнения, тексты: Учебное пособие для средних и высших учебных заведений. М., 2001.

- Красухин К.Г.* Введение в индоевропейское языкознание: Курс лекций. – М.: Издательский центр «Академия», 2004.
- Мейе А.* Общеславянский язык. Изд. третье. – М.: Книжный дом «Либроком», 2011.
- Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков: Пер. с фр. / Под ред. и с прим. *Р.О. Шор*. Изд. 4-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2007.
- Новикова А. С.* Старославянский язык (тексты, упражнения, словарь). М., 1984.
- Савченко А.Н.* Сравнительная грамматика индоевропейских языков. Изд. третье. – М.: Книжный дом «Либроком», 2010.
- Селищев А.М.* Старославянский язык. Часть первая. Введение. Фонетика. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1951.
- Селищев А.М.* Старославянский язык. Часть вторая. Тексты. Словарь. Очерки морфологии. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1952.
- Словарь старославянского языка = Slovník jazyka staroslověnského = Lexicon linguae palaeoslovenicae. В 4 томах. – СПб: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2006 [репринт «Словаря старославянского языка», издаваемого Чехословацкой, а затем Чешской Академией наук в период с 1966 по 1997 гг.].
- Супрун А.Е.* Введение в славянскую филологию. – Минск: Высшая школа, 1989.
- Толстой Н.И.* История и структура славянских литературных языков. – М.: Наука, 1988.
- Хабургаев Г. А.* Старославянский язык. М., 1986.
- Хабургаев Г.А.* Первые столетия славянской письменности и культуры: Истоки древнерусской книжности. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.
- Шевелёва М.Н.* Старославянский язык: Методические указания для студентов филологических факультетов государственных университетов. Изд. 2-е, перер. и доп. – М.: Диалог-МГУ, 1997.
- Фортуатов Ф.Ф.* Избранные труды. Т. 1. – М.: Гос. уч.-пед. изд-во, 1956.
- Фортуатов Ф.Ф.* Избранные труды. Т. 2. – М.: Гос. уч.-пед. изд-во, 1957.
- Цейтлин Р. М.* Лексика старославянского языка.

в) программное обеспечение и Интернет-ресурсы

<http://www.philol.msu.ru/~slavphil/staff/izotov.html>

8. Материально-техническое обеспечение дисциплины:

Материально-техническое обеспечение дисциплины предполагает:

- доступность указанной литературы;
- доступ к Интернету во внеаудиторное время.